

АНУАР АЛИМЖАНОВ

ГОНЕЦ

Scan Kreyder - 22.04.2016
STERLITAMAK

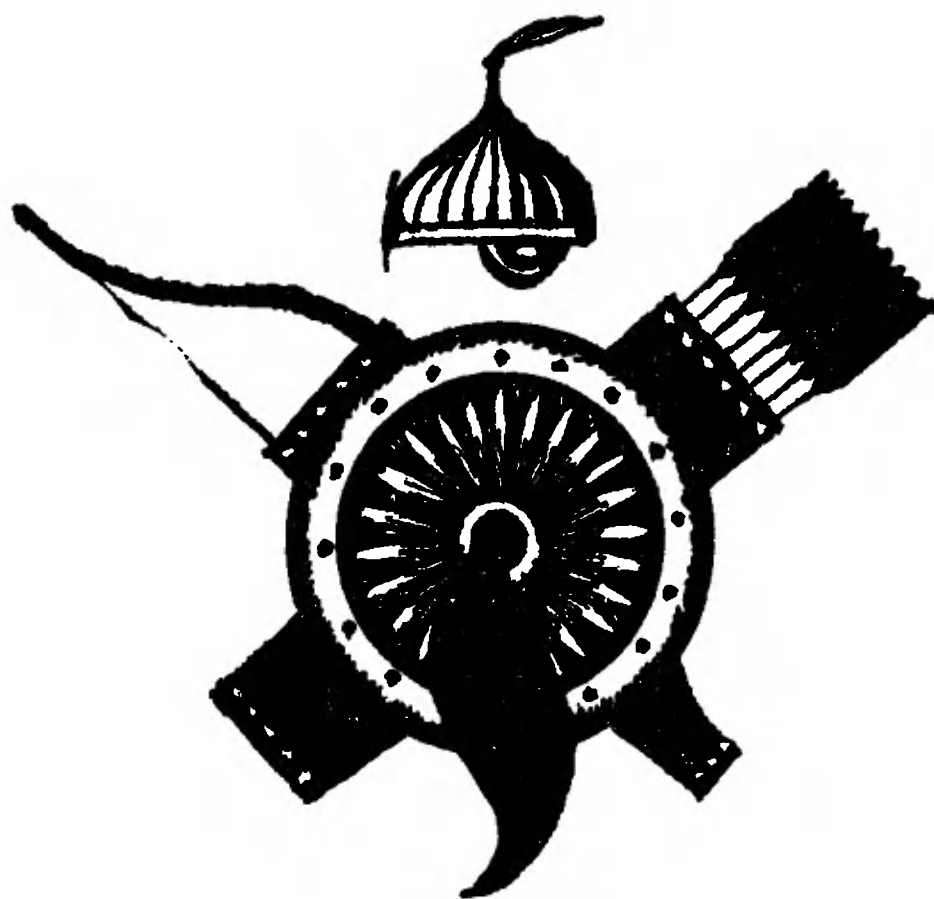

АНУАР АЛИМЖАНОВ

Г О Н Е Ц

РОМАН

Издание второе

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977**

P2
A50

Художник И. Б. УРМАНЧЕ

А 70303 — 065 256—77
078(02)—77

● Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

ОТ АВТОРА

В 1981 году исполняется 250 лет со дня подписания договора о добровольном присоединении Казахстана к России.

Двести пятьдесят лет назад, весной 1723 года, джунгарские полчища вторглись на территорию Казахстана. Сотысячная армия шла под водительством Галдана Церена и Шона-Доба — сыновей джунгарского хунтайджи Цевена Рабдана, который и прежде не раз пытался установить свое господство над Казахией. Внезапность нападения, наличие артиллерии — китайских пушек и мортир, отлитых в Джунгарии пленным шведом, жестокость помогли завоевателям проникнуть в глубь казахских степей.

«...Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами киргизы (казахи!), подобно стадам испуганных сайгаков... бегут на юг, оставляя на пути своем имущество, детей, стариков», — писал великий казахский ученый Чокан Валиханов.

1723 год вошел в историю казахов как «Год Великих бедствий». Об этом тяжком периоде сложено немало народных песен и сказаний. В те годы китайские историки поторопились объявить миру, что Казахии больше нет, что казахский народ больше не в силах отстаивать свое достоинство, свои земли.

Под давлением народных масс казахские ханы не раз обращались к русскому царю. Между Петром I и ханом Тауке еще в 1716 году велись переговоры о военном союзе. Но Тауке умер в том же 1716 году, а в 1725 году умер Петр I, и переговоры не были завершены.

В 1727 году после смерти хунтайджи Цевена Рабдана джунгарский престол занял его старший сын Галдан Церен, который направил в Казахстан новые полчища, чтобы окончательно подавить сопротивление народа. Но силы ополченцев росли. В 1728 году объединенная армия казахских батыров одержала первую победу над джунгарами.

Народ воспрянул духом и вышел победителем в битве за свободу отечества. Победа была одержана нелегкой ценой. Силы иссякли. Не было гарантии, что джунгары и китайцы откажутся от новых нашествий.

По требованию старейшин народа казахские ханы вновь обратились к России с просьбой о союзе. 10 октября 1731 года началось добровольное присоединение Казахстана к Российскому государству.

В романе «Гонец» я попытался в меру своих сил дать художественное обобщение событий, происходивших в Казахстане с 1723 по 1731 год, рассказать об истоках дружбы казахского и русского народов, зародившейся в самые тяжкие годы истории моей нации.

ПРОЛОГ

Прохладные ночи. Росистый рассвет. Полуденная жара. Каждое утро встает прожорливое солнце и проглатывает скудную росу. Каждый день под его палящим взглядом мелеют реки и степные озера. Болью в глазах отдается сухая белизна солончака. Запылились арыки, растрескались опустевшие хаузы. В высохших каналах, раскрыв клювы, бродят сытые вороны и грифы, чистят клювы, не обращая внимания на змей в редких кустах терскена.

Стада куланов и сайгаков, чудом уцелевших в минувшую небывало суровую зиму, презрев опасность, несутся по степи в поисках воды. Одичали псы. Волки, оставляя на кустах клочья прошлогодней шерсти, высунув языки, бродят в поисках воды, не боясь людей...

Настороженный зной навалился на землю. Солнце, как палящее око разъяренного аллаха, смотрит из необъятной глубины неба. И нет такой силы, которая заставила бы его смягчить свой гнев, вселить спокойствие в этот земной мир — мир трав, мир животных и птиц, мир человека. Ни тучки на небе, ни ветерка над землей.

Жара выжимает последние капли пота, одежда пропитана солью, лица исполосованы ожогами. Но люди идут.

Идут днем и ночью, боясь остановиться и отдохнуть, боясь ночевки и сна, боясь отстать друг от друга...

Не жара страшит их. Их гонит враг. Жестокий, как волк, бесчисленный, как саранча.

Аулы Великого жуза бегут на запад, на северо-запад и на юг Казахии с Алтая, с берегов Тентека и Аксу, Ит-ишпеса * и Алтынколя **, Зайсана, Аккуйгаша *** и Чарына к границам Хивы, в Туркестан, где стоит священный пантеон великих ханов, батыров и биев, где покоится поэт Ахмед Яссави; бегут к берегам

* Озеро Ала-Куль.

** Озеро Балхаш.

*** Река Илим.

Арала, к братьям из Младшего жуза, бегут на вольные пастбища Сарыарки — казахских саванн, которые географами тех времен названы Туранской низменностью, а после получают наименование Казахской складчатой страны.

Стонут верблюды. Уже много дней с них не снимали тяжелых вьюков. До крови натерты спины. Во время коротких стоянок, когда люди перевязывают раны, кормят детей или хоронят погибших в дороге, несчастные животные медленно падают на бок — они не могут коснуться горбом горячей земли, повалиться в пыли, пылью присыпать раны. Вьюки упираются в кусты, животные на какое-то мгновение вытягивают ноги. Им дышится легче. Но пройдет мгновение, и кто-то из жигитов, сопровождающих беженцев, замахнется пикой или палицей, и верблюды с криком и стоном вновь поднимутся на ноги.

Старейшина аула или рода вновь взберется на коня и молча продолжит свой путь, а за ним вновь потянется весь караван уставших, голодных, больных, раненных в битве людей, людей, потерявших свой кров, своих близких.

Они покидают родной край, не зная, что их ждет впереди, не зная, смогут ли они когда-нибудь вернуться назад...

Иногда старейшина остановит коня, чтоб подождать отставших, протрет платком затуманившиеся глаза и долго смотрит назад, стремясь увидеть родные горы, холмы и поля. Но ничто не радует взора, когда аулы окутаны дымом пожарищ, когда горят сады и поля, когда на твоей земле властвует враг.

Беспорядочный поток беженцев, идущих по бездорожью, по оврагам и низинам, охраняют уцелевшие в битвах жигиты. Они не снимают кольчуг, колчаны их набиты стрелами, ни на миг они не опускают щиты и копья, только часто меняют коней. Они молчаливы так же, как и старик, едущий впереди. Мрачные, как тучи, черные от ожогов, их лица окаменели от гнева, глаза красны от бессонницы....

Когда передовые отряды вражеских лазутчиков появляются вблизи, жигиты отстают, чтобы защитить свой аул. Подбираются бесшумно, как тигры Алтынколя, и бросаются внезапно. Лязг мечей, удары пик, стон поверженного врага — все это звучит для них песней

мести за плач детей, стоны раненых друзей, причитания женщин.

Смерть в бою им желанна — она избавляет от мук. Они больше не в силах видеть страдания своих соплеменников.

Чем больше льется крови, тем яростнее взгляд солнца. Чем больше смерти, тем безумней жара.

Старики умирают безмолвно. Роняют свой посох, медленно опускаются на дорожную пыль и лежат с раскрытыми глазами, пока кто-нибудь не прикоснется к их векам ладонью и не закроет их навсегда.

...Скрипят арбы, тихо стонут верблюды. Где-то скулит собака. Пыль не оседает. Она ложится на потные лица, на влажные ресницы, она, постепенно превращаясь в плотное облако, ползет вместе с караваном. Пыль эта видна издалека, за много верст замечают ее враги — предательская пыль. Нет ветра, чтоб развеять ее. Утомительно медленно оседает она на окостеневшие от жары и высохшие от безводья травы, но не может плотно закрыть белизну костей, лежащих у дорог.

Всюду следы смерти. Из-под кустов прошлогоднего чия пустыми глазницами смотрят в гладкую дымчатую синеву неба черепа животных.

Иногда, словно клещи железного паука-великана, над чахлым кустом торчат облепленные муравьями ребра верблюда или скакуна. Встречаются на пути и целые кладбища из гниющих трупов животных, и тогда воздух наполняется таким смрадом, что уставшие люди задыхаются и, схватившись за животы, корчась, становятся на колени от тошноты.

Слишком часто видны в степи свежие могилы, не успевшие осесть и зарости. Никто не знает — чьи они? Своих или чужих? Проезжая мимо них, старики беззвучно повторяют молитвы. Умолкают дети...

Бывает, что глава каравана, едущий на старом могучем коне в окружении бывалых воинов и молодых жигитов, неожиданно повернет в сторону и остановится. Воины сойдут с седел и бросят на землю тяжелые щиты и копья. Холодным ветерком пройдет шепот.

Еще один мертвец лежит под оком солнца.

Хоронят молча. Не зная ни имени, ни рода мертвеца. Не по вспухшему и почерневшему лицу — только по шлему, по кольчуге, по стрелам, впившимся в грудь или спину, узнают в усопшем врага или своего: ойра-

та, бурята, калмыка, казаха, монгола, китайца, башкира или киргиза.

Но кем бы он ни был, о нем никто не скажет ни слова. Об усопшем не говорят плохо. Мстят только живым. Мертвых почитают — среди них уже нет врагов. Мертвые все равны. Добрые или подлые дела человека остаются лишь в памяти людской и становятся пищей для молвы...

Все шире поток беженцев. Осиротевшие дети, прибившиеся к каравану в поисках защиты. Семьи, потерявшие кормильца. Одинокие скитальцы, лишенные крова, родных. Люди, в чьих аулах весь скот угнан врагом или погиб во время джута. Все они прибиваются к этому шествию, во главе которого все так же молча на старом боевом коне едет Манай-бий.

Степь звенит от палящего зноя, она выгорает. В ушах голодных детей, в ушах умирающих от жажды птиц и куланов, в ушах одиноких бродяг, в смертельном страхе избегающих человеческого общества и, подобно кротам, роющих землю в поисках съедобных кореньев или плетущихся от одной высыхающей роши к другой в поисках козы-куирука*, жау-жумар**, ягод и жадно вгрызающихся в стволы берез, чтобы напиться земного соку, и в ушах безымянных гонцов, мчащихся, не щадя ни себя, ни коня, в стороне от больших троп и дорог, стоит бесконечно тонкий, пронизывающий душу звон. Сухой свист кузнечиков и мошкары, звон раскаленного воздуха и окостеневших трав.

Ни людям, ни животным не скрыться, не убежать от этого томящего звона и зноя, от палящего ока солнца.

Никуда не скрыться от свирепого врага, который может появиться возле тебя в любой миг, в любое время дня и ночи. Негде укрыться от солнца. Никто не знает, где свои, где чужие тумены.

Только безымянным гонцам известно, где притаился уцелевший аул, где спрятаны спасенные от угона за Джунгарские горы табуны султанов Великого жуза или где, в скольких переходах от Алтынколя, находятся ополченцы найманов и сколько сотен осталось от нукеров*** Болат-хана.

Люди из каравана Манай-бия видели, как гонец с

* Грибы.

** Клубни марьиных кореньев.

*** Дружинники.

запасным конем, перевязавший лицо белым платком, оставив открытыми лишь глаза, вплавь переправлялся через реку Каратал, видели гонца на белом скакуне, когда тот неожиданно пересек им дорогу.

Белые платки на голове да голубые лоскутки на острие пик, легкие, но прочные кольчуги, да быстрые кони и еще воспаленные от бессонницы глаза и молчаливость, настороженность выдают гонцов. Кривая сабля на боку, серебряная пайцца, которую они мгновенно вытаскивают при встрече из тайников в складках своей одежды, заставляют людей молча выполнять их волю. Ни старый, ни малый не задает им вопросов. Им отдают лучшего коня и сливают в их охотничий торсук остатки кумыса.

Узункулак доносит, что гонцы мчатся из Талкына — маленькой крепости, стоящей где-то на крутом перевале Джунгарских гор. Идет молва, что конница джунгар разгромила эту крепость, но не смогла уничтожить жигитов, защищавших ее. Жигиты скрылись в горах. А сейчас они где-то в ущельях Алтынэмеля готовятся к битве. Узункулак доносит, что главой их стал табунщик Малайсары из рода бесентин. Говорят, что он отличился при защите крепости своим бесстрашием и хитростью, и жигиты называли его батыром...

Больше ничего не сообщает знающий все узункулак.

Люди научились молчать. Научились хранить тайну от неизвестных скитальцев. Только гонцам было известно, куда пробралась и где скрылась армия джунгар и куда нанесет свой удар батыр Малайсары.

От одного каравана беженцев к другому шла молва о батырах, где-то в степях Сарыарки собиравших ополчение. Говорили, что во главе их стоит другой удачливый батыр, который хочет примирить ханов всех трех жузов, что он напомнил им мудрые слова Тауке-хана и потребовал от всех султанов выполнения клятвы, когда-то данной на Старой горе перед Тауке-ханом. С тех пор та гора называется Улытау — Великой горой.

Никто из друзей Манай-бия не знал, кто этот батыр. Никто не слышал о нем раньше. Откуда он? Из какого племени? Знатного ли происхождения? Султан или хан?

В аулах Маная о нем слышали в первые дни мамыра*, и сейчас, в поисках защиты направляясь в чужие края, люди Маная с надеждой вслушивались в каждое слово, когда кто-либо говорил об удачливом батыре из Среднего жуза или о Малайсары. Им уже не было дела, откуда они — из какого рода, султаны или ханы.

Людям нужна была опора, надежда. Народ искал вождя, способного объединить грызущиеся друг с другом племена казахов. Потому каждое новое имя вселяло огонек надежды. Каждый батыр, неожиданно проявивший себя в схватке с джунгарами, притягивал к себе взор не только жигитов — участников битв, но и всех беженцев, чьи караваны ползли по нескончаемым степным тропам Казахии под палящими лучами солнца.

Собственно, за эти два года аулы Манай-бия второй раз покидали свои земли в тенистых ущельях Джунгарии. И если когда-то Манай считался справедливым старейшиной десяти аулов, то теперь под его властью осталось лишь два-три десятка стариков и старух да полсотни сирот и вдов. Манай-бий знал, что больше уже нет возврата назад, что он не сможет спасти тех, кто еще остался в живых и верит в него. Но умереть он умрет вместе с ними.

Было у него единственное желание — он хотел умереть, как умирают вожаки израненной стаи волков. Защищаясь и защищая своих. Он молча взывал к душам предков, к аллаху, чтобы они сохранили ему силу и спокойствие. И, зная безнадежность своей просьбы, он все-таки просил аллаха помочь ему найти маленький, тихий уголок на этой огромной, объятый огнем, разорванной в клочья раздорами ханов и султанов земле. Клочок земли, где бы журчал родник и было бы пастбище для скота, где бы дети и старики, еще верящие в него, в силу и разум Маная, могли бы провести остаток своих дней. Ему лишь бы устроить, успокоить их. А потом он готов на все. Он готов достойно принять любую смерть. Он страшно устал от всего. От этих джунгар. От нищеты своего аула. Он готов умереть хоть сейчас. Умереть от стрел врага, упасть с коня, лечь на

* Месяц май.

эти окостеневшие травы без стога, без мольбы и молитв, глядя в разъяренное око взбесившегося солнца. Он готов бежать от этой идущей следом за ним несчастной толпы.

Но бежать невозможно, все взгляды устремлены на него. В нем живет чувство вожака. Это чувство держит его в седле, сохраняет ему спокойствие. Он должен думать о спасении этих забытых богом людей до самой своей смерти. Так было каждый день во все эти долгие месяцы войны. Войны, начатой пятнадцать месяцев назад, в год свиньи...

В самом начале месяца науруза *, когда люди радуются первому теплу, первым цветам; когда их слух ласкают раскаты весеннего грома и веселый смех ребят; когда исхудавшие за долгие месяцы зимы овцы и кони с наслаждением хрустят свежей травой и придирчиво опекают своих ягнят и жеребят; когда не только земля, животные, растения, но и люди только-только начинают обретать новую силу, живут разрозненно, рассыпавшись по степи, чтобы их овцы и кони свободно паслись по лугам и быстрее набирали силу на весенних пастбищах; когда люди беспечны и нет у них других забот, кроме забот о детях... В эту пору все жеребцы — двухлетки и трехлетки — не только не оправились еще от последствий страшного джута, но были слабы и оттого, что их недавно выхолостили. Кони не могли стойко держаться под седлом, не были готовы к битве — и вот в это самое время полчища джунгар неожиданно ворвались на казахскую землю.

Ворвались, как это бывало всегда, как десять, сто, как двести лет назад, — вероломно, воровски.

Первый удар приняли на себя жигиты Великого жуза. Но у них не хватило времени объединить всех ополченцев в единую армию. И, главное, не нашлось вождя, который смог бы стать во главе сопротивления...

Каждое племя, каждый аул сражались в одиночку. По сто, по тысяче жигитов выходило навстречу коннице джунгар. Жигиты стояли насмерть, прикрывая отход своих аулов в глубь степей.

Враг был остановлен на перевалах Шыбынды и отброшен назад. Но новые полчища джунгар переступили границы казахской земли за пятьсот верст от Шыбын-

* Март.

ды, у берегов Хоргоса и Нарынколя. Шли бои на берегах Тентека. Все новые и новые тумены джунгар врывались на земли Жетысу.

Гонцы, посланные к хану Среднего жуза Самеке и к хану Младшего жуза Абулхаиру, возвращались в ставку правителя Великого жуза безвольного Болат-хана и молча склоняли головы перед его троном. Помощи не было. Самеке выжидал. Абулхайра беспокоила грызня адаевцев с туркменами и волжских калмыков с ногайцами. А ханы казахов, сидевшие на тронах Ташкента и Хивы, выпроваживали гонцов без ответа, у них были свои тяжбы с правителями Коканда, Самарканда и Бухары. Правитель Хивы жил в страхе, ожидая нашествия новоявленного владыки персов евнуха Надира, который называл себя рабом шаха Тахмаспа.

В железные тиски конницы джунгар попали аулы Великого жуза от Зайсана до Таласа. Жигиты садыров, канглы, уйсуней, дулатов, албан-суана, жалаира бились разрозненно. Тысячники джунгар легко расправлялись с ними и проникали все дальше, в глубь степи. Они уже жгли посевы и пастбища найманов, кереев и конратов. Лишь многочисленное племя аргынов еще не испытало удара джунгар. Их аулы спокойно жили в урочищах Бетпакдалы и в необъятной Сарыарке.

Шел пятый месяц войны, когда от сарбаза к сарбазу, от сотни ополченцев к другой сотне пошла весть о храбром и прямом батыре Жанатае, который в присутствии седых визирей и алчных султанов всенародно обозвал хана Болата плаксивой бабой и трусливым кабаном, недостойным считаться сыном великого Таукехана, и потребовал, чтобы он — если считает себя владыкой Великого жуза, если хочет сохранить титул старшего хана всех трех казахских жузов, — призвал народ к единству перед лицом врага, бросил клич всем батырам: «Забудем распри, объединим аулы, защитим матерей и сестер, родные реки и горы!»

Жанатай произнес эти слова, не слезая с коня. Он был окровавлен, кольчуга его была разорвана. Он сидел в седле с обнаженной головой. Ранен был и его конь. Кровь запеклась на его крупе.

С ним были трое жигитов. Трое таких же, как он, — почерневших от пыли, от ран. Все они вырвались из ада. Четверо из двухсот безумцев, надавших на пятьсот

отборных всадников Шона-Доба, которые раскинули свои шатры где-то у берегов Аксу. Четверо — прорубивших дорогу сквозь конницу врага в лунной ночи и мчавшихся двое суток, чтобы найти ставку Болат-хана.

У Жанатая было немало жигитов. В прошлое лето они не давали покоя туменам Шона-Доба. Как призраки появлялись они то с одного, то с другого фланга армии джунгар. Были дни, когда ошеломленный дерзостью Жанатая Галдан Церен остановил движение своих войск. Послал в тыл Жанатая своих лазутчиков — ойротов, уйгур и казахов-кереев, что перешли на службу к нему. Он хотел знать: нет ли у казахов более грозной силы? Почему так неистов и дерзок Жанатай?

Нет, не было такой силы. Пока хан Болат умолял султанов Великого жуза забыть прежние ссоры, объединить своих сарбазов, пока между именитыми вожаками племен шла грызня, сам коварный повелитель джунгар Цевен Рабдан посылал на помощь своим полководцам все новые и новые тумены.

Почти десять лет он готовился к этой войне, из них семь лет он отливал пушки с помощью шведа Рената, захваченного в плен зимой 1715 года. Десять лет Цевен Рабдан мечтал о мести непокорным казахам за прежние поражения при Тауке-хане. Ни разу джунгарам не удавалось в сражении одолеть сарбазов Тауке. Больше того, Тауке-хан расколол джунгар надвое. Торгауты были вынуждены навсегда уйти на запад, к берегам великого Едиля. Смерть Тауке разъединила казахов, и когда Цевен Рабдан сказал об этом богдыхану Небесной империи, у того сузились и алчно заблестели глаза.

— Запомни! Чингисхан, покорив эти степи, открыл себе дорогу к богатствам Мараканы и России. Тебя ждет его слава, — спокойно сказал богдыхан Цевену Рабдану.

Великому джунгарскому хунтайджи Цевену Рабдану еще ни разу не удавалось вкушать сладость победы. Но теперь победа была близка. Гонцы приносили радостные вести. Шелковые шатры Галдана Церена и Шона-Доба стояли в казахской степи... Заветная цель — покорить всю обширную землю казахов — казалась близкой.

Не дожидаясь, пока договорятся ханы и султаны,

Жанатай вновь и вновь вставал на пути джунгар, прорывавшихся, подобно волнам взбесившегося моря, из-за гор. Под знамя батыра собрались все жигиты Жетысу. Их было не меньше трех тысяч, и они трижды останавливали отборные тумены врага. Отчаянно, подобно тиграм, что водятся в камышах Алтынколя, подобно барсам Хан-Тенгри, защищающим свое логово, дрались жигиты, дрались, не отступая ни на шаг. Но силы их иссякли.

Бросив дома, они уходили с семьями в чрево гор и в глубь степи, в города-крепости — Аулие-ата, Сайрам, Туркестан, Ташкент.

Манай в ту пору увел свои аулы в глубокие ущелья Джунгарии. Он верил тогда, что джунгар прогонят. Надо было только переждать.

Но передовые отряды Шона-Доба уже свободно рыскали по аулам Среднего жуза. Все больше людей попадало к ним в плен. Сотники джунгар везли свою добычу к тысячникам. Тысячники — к шатру своего повелителя. Несметные стада, тысячи рабов и рабынь гнали победители к своему верховному вождю Цевену Рабдану, а тот одаривал ими маньчжурских князей и китайских полководцев. Девушек, отобранных лично, Цевен Рабдан отсылал великому богдыхану. Стройные и крепкие степные красавицы дорого ценились на невольничьих рынках Шанхая и Бепина, а казахские жигиты с древних времен славились своей ловкостью, силой и выносливостью.

Но ни богатства, захваченные в аулах и городах казахов, ни первые победы не принесли спокойствия в ставку Шона-Доба. Ни одного дня он не мог почувствовать себя спокойным на завоеванной земле. Повсюду, днем и ночью, то тут, то там неожиданно появлялись мстители. Они были беспощадны. В одиночку, десятками, сотнями они врывались в станы джунгар и своим безумством, неистовостью сеяли страх в сердцах пришельцев.

Они наносили глубокие раны по флангам растянувшейся конницы, появлялись внезапно, словно привидения, и не было от них защиты, не было покоя. Точно так же когда-то в древности их предок Спитамен разорвал в клочья конные отряды Искандера Двурогого * и заставил его повернуть вспять.

* Александр Македонский.

Много раз отряды Галдана Церена и Шона-Доба окружали сарбазов Жанатая, но самого батыра им так и не удалось убить или взять в плен. С сотней отчаянных жигитов Жанатай, как нож в масло, легко вклинивался в лагерь джунгар, перерезал, закалывал многих и, осыпав стрелами, каким-то чудом вырывался из самого плотного кольца...

Настал конец лета. Близились холодные дожди. Шона-Доба созвал на совет всех своих военачальников. Настал момент последнего решающего удара.

Шона-Доба решил, собрав в единый кулак всю конницу, нанести удары по городам казахов, сровнять с землей Сайрам, Туркестан, Чимкент и захватить Ташкент и укрепиться там на зиму, окружив город рвом и выставив свои пушки.

Но отяжеленные добычей, уставшие от бесконечных тревог вожди туменов молчали. Им хотелось скорее убраться из этой проклятой страны, скорее доставить домой награбленное, угнать своих рабов и рабынь. Хитрый Цевен Рабдан, поняв бессмысленность затеи своих сыновей, прислал гонца. Он звал их домой, чтоб достойно отпраздновать первую победу.

Отяжеленный трофеями, Шона-Доба повернул коня назад. Он покорился мудрости отца. Нужно сохранить силы для будущего лета, чтобы вновь ворваться в эту степь и навсегда покорить ее города и аулы, навсегда овладеть несметными табунами коней.

Когда полчища джунгар, оставив позади дымящиеся степи и разоренные аулы Великого жуза, угоняя пленных, уходили в пределы своих земель, в долине Тентека случилось непредвиденное: в безлунную ночь невесть откуда вновь появились сотни Жанатая. Они перебили тысячу наемников, освободили пленных и угнали лучших коней. Это был жестокий удар. Шона-Доба не смог повернуть назад свое огромное, спешащее домой войско.

Не переставая лил дождь.

Потом пошел снег, а потом сразу же наступили непривычные для здешних мест ранние морозы, завали вьюги...

Аулы, не успевшие опомниться от нашествия джунгар, не успевшие добраться до зимних стоянок, не

успевшие оплакать погибших в битвах и угнанных в плен сынов и дочерей, так и остались на дорогах.

Не было корма для уцелевшего скота, не доставало дров для костра, не хватало сил для того, чтобы перебраться в места потеплее. Это была жестокая, еще ни разу ни одним из стариков не испытанная зима. Словно раскрылось холодное чрево небес, и мороз все снега обрушил на землю казахов.

Вьюга, вьюга без конца — жуткий вой стлался над степью. Будто все голодные волки собрались на казахской земле и слили свои голоса со стоном и плачем людей.

Но волки были сыты. Умирили люди — в шалашах, в юртах и на дорогах. Погибал скот.

Наверное, никто и никогда на земле не знал такого страшного джута! Джут помог джунгарам осилить Казахстан. Стон неся по всей казахской земле от Алтая до Едилы. Умирала великая Казахстан. Умирал народ, проклиная всех богов, выдуманных людьми, проклиная небо и землю.

Долго, мучительно долго длилась эта зима. Даже тогда, когда пригрело солнце, когда растаял снег, земля не изменила своего цвета. Она осталась такой же белой, как прежде. Но теперь она белела от костей. По дорогам, меся весеннюю грязь, плелись обросшие, костлявые калеки в лохмотьях. Калеки с отмороженными ногами. Уроды без рук, без ушей, без носа. Люди словно выходили со дна ада.

Это был конец окутанного трауром, самого тяжкого во всей истории казахов года. Года, о котором народ потом сложит сотни печальных песен и назовет его «Актабан шубырынды» — «Годом Великих бедствий». Он, этот год, длился от науруза до науруза.

Никто не знает, никто не считал, сколько погибло тогда казахов.

— Если было десять в семье, то в живых осталось двое, если было семь, то остался один, — беспристрастно уточнил узункулак.

— В аулах казахов не осталось ни детей, ни скота, — пели седые акыны степи. — Аллах невлюбил казахов, опустела степь. Сколько лет еще надо прожить, чтобы вновь заселить ее как прежде, — вздыхали старики.

А над степью, умножая тоску, тихо и скорбно неслись песни, одна печальнее другой...

Что за время? Время тоски... Время тяжких испытаний...

Что за время? Время смут и унижений... Время безвластия и раздоров... Будьте прокляты, ханы!

Что за время? Народ, как стадо, бежит от врага, и пылью окутана степь, словно январской метелью.

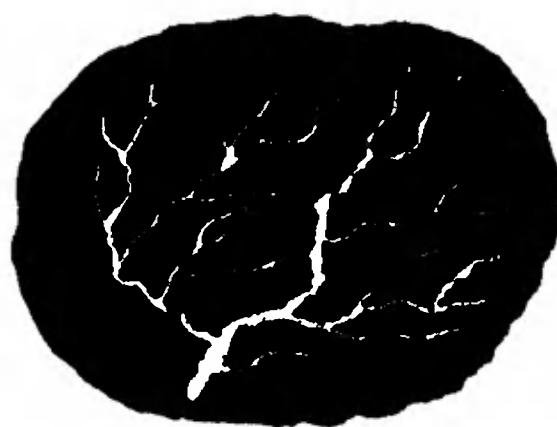
Что за время? Время безвластия и страха...

Родина, родные остались позади. Лишь слезы, лишь слезы застилают глаза...

Вернется ли счастье народу, вернется ли прошлое единство? Скажите нам, батыры...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Если суждено погибнуть всему нашему роду, о аллах всемогущий, срази меня сегодня, до заката этого жестокого солнца, — невольно вырвалось из уст Маная, когда он от встречного гонца услышал весть о том, что полчища джунгар прошли через Каратау и, уничтожив все аулы, которые ютились там, вошли в Туркестан и Ташкент. — Будь ты проклят, аллах! — застонал Манай. Он крепко сжал камчу и оглянулся назад, еще не поняв сам, сказал ли он эти слова вслух или только подумал.

Он уже давно ехал молча. Не слыша никого, не видя ничего, погруженный в свои мысли. Давно исчез гонец, передавший ему тяжкую весть.

Куда он помчался? И куда теперь нужно вести свой аул ему, Манаю? Дорога к Аулие-ата* перерезана. Джунгары впереди, джунгары сзади. Может, и не надо никуда идти? Вернуться назад. Быть может, батыр Малайсары остановил джунгар и можно вернуться назад, в родные края?..

Да разве мало в горах ущелий, скал, долин и неприступных высот, где можно спрятаться со своим аулом? Нужны ли джунгарам горы? Они обойдут их стороной. Им нужны табуны баев и султанов, богатства ханов. Не пойдут же они через опасные перевалы, чтобы захватить маленький бедный аул... Только нужно подальше держаться от своих богачей и владык... Но как бы там ни было, Манай не может уйти в неведомые края, не узнав исхода битвы жигитов Малайсары...

Он не заметил, как остановил коня, как подъехал к нему сын. Самый младший из пятерых. Единственный оставшийся в живых. Трое пали прошлым летом в битвах с джунгарами. Четвертый погиб зимой во время джута: пошел на охоту, забрался слишком высоко в

* Ныне город Джамбул.

горы и случайно набрел на испуганного медведя. Не успев вытащить нож, попал в объятия зверя.

Погибли оба — и зверь, и человек...

— Что случилось? Что с тобой, отец? — тихо спросил Кенже. Манай всмотрелся в него и впервые увидел, что черный пушок, словно тонкое крылышко маленькой птицы, лег над верхней губой сына.

«Усы», — подумал Манай. Сколько же ему лет? Он родился в ту весну, когда Манаю исполнилось пятьдесят. Значит, ныне двадцать ему. И пятнадцать из них он провел без матери. Старшие братья любили его, баловали. Любил его и сам Манай...

Лицо сына покраснело от жары. Шлем на голове был немного приподнят, на лбу виднелись капельки пота, под тонким чекменем, сотканным из верблюжьей шерсти, сверкали кольца кольчуги. Он был широк в плечах и ладно сидел на коне. Кинжал — подарок старшего брата — висел на боку. Колчан набит стрелами.

Старик вспомнил, что сын вчера с первого выстрела сбил коршуна, кружившего над падалью. У сына твердая рука и острый глаз, подумал он, и на мгновение им овладело чувство успокоенности, чувство нежности к сыну.

— Что случилось, отец? — повторил сын.

— Жара, — ответил он. — Нам нужно скорее добраться до воды. Найти место для ночного привала.

— Река уже близко. Так говорят жигиты, — ответил Кенже.

— Мы свернем с дороги. Не пойдем к реке, — голос Маная стал тверже. — Пусть подойдут остальные. Мы подождем их. Укроемся за жоном *, в сае **. Там оставим арбы и волокуши. Спарим коней. Погрузим на них носилки с ранеными. Больных и детей посадим на верблюдов. Все лишнее оставим.

— Но люди не могут идти дальше. Они устали, голодны. Жара их доконала, — сказал сын. Старик не ответил.

— Эй, Сеит, где ты?! — крикнул Манай, насупив брови.

— Я здесь, аксакал. — Запыленный, усталый воин с

* Жо н — косогор.

** Са й — ложбина, овраг.

перевязанной головой, с длинными полуседыми волосами выехал из толпы и подъехал к старику, придерживая булаву, притороченную к седлу. За спиной у него торчал длинный самодельный мултук.

— Возьми с собой кого-нибудь из жигитов и скачи назад! Поднимись на вершину. Оглянись кругом. Протри глаза! Никто не должен знать, куда мы свернули с дороги. Стой там столько времени, сколько понадобится, чтобы сварить полказана бычьего мяса. А потом идите! Ищите Малайсары, найдите его сарбазов. Победит Малайсары или погибнет — все одно, скачите назад и ищите нас в песках Отрауа, там есть колодец, там корни саксаула уходят глубоко в землю. Принесите весть от Малайсары, и тогда решим, как нам быть дальше — вернуться в родные горы или ждать!..

— Я понял тебя, Манай, — ответил Сеит.

— Я с тобой, Сеит-ага! — Кенже пришпорил коня. Сеит взглянул на старика. Старик растерянно смотрел на сына. До сих пор Кенже не участвовал в сражениях. Он ждал благословения отца. Но отец молчал. Он молчал потому, что считал его слишком молодым. А еще потому, что он был единственным из пятерых, единственным оставшимся в живых. Кроме него, у старика не было никого — ни жены, ни снох, ни внуков.

Сын смотрел прямо. Старик на минуту закрыл глаза. По лицу пробежала тень, чуть побледнели скулы. Когда он вновь открыл глаза, Сеит заметил в них боль. Но голос прозвучал спокойно и твердо.

— Благословляю тебя, сын. Будь достойным воином... — Манай провел ладонью по бороде. — Сеит, подставь плечо, если у него надломятся крылья...

Сеит молча наклонил голову...

— Ступайте! — властно сказал старик.

Женщина, стоявшая ближе других и слышавшая слова Маная, молча подала Сеиту торсук. Лицо ее было суровым, голова крепко обтянута черным платком. Сеит прикрепил торсук к седлу и повернул коня к одинокой сопке, оставшейся верстах в трех-четырех за караваном.

Кенже придерживал своего скакуна, чтобы пропустить Сеита вперед, взглядом обвел истерзанный караван.

Юный воин, сидевший на усталом вороном коне и державший за повод навьюченного верблюда, не спус-

кал глаз с Кенже. Караван вновь двинулся вслед за Ма-
наем. Юный воин все еще не трогался с места.

— Ты чего стоишь? Трогай! — раздался чей-то
голос.

— Сейчас! — Воин сорвал с головы шлем, и черные
волосы упали на плечи. Это была девушка.

— Сейчас, я поправлю седло. — Она соскочила с
коня. Начала перетягивать подпругу, не спуская глаз
с Кенже. Наконец их взгляды встретились.

Поправляя колчан со стрелами, Кенже еле заметно
кивнул ей и, прищпорив коня, помчался за Сеитом.

Девушка долго смотрела вслед. Потом прижалась
головой к седлу. Плечи вздрогнули. Накалившееся
стремя обожгло щеку. Она подняла голову к небу. На
глазах были слезы.

— Проклятая жара! — вырвалось у нее. Когда она
вновь взглянула на людей, в глазах у нее уже не было
слез.

Рядом застонала женщина. Девушка оглянулась.
Женщина, только что передавшая торсук с водой Сеи-
ту, сорвала с головы черный платок и, обхватив голо-
ву, упала, забилась в истерике. Возле нее, на разверну-
тых лохмотьях лежало красное, сожженное беспощад-
ной жарой тело малыша. Малыш был мертв. Женщина
только что взяла его из люльки, притороченной к сед-
лу коня, и распеленала, чтобы накормить своей иссох-
шей грудью.

— Это я! Это я! — хрипела женщина, ударяясь голо-
вой о землю. — Я, я грешна! Я грешна! Аллах наказы-
вает меня!

Девушка подняла ее с земли и прижала к себе. Ка-
раван остановился. Женщина вырвалась из объятий де-
вушки и снова упала в пыль.

— Оставь меня, Саня, — еле слышно произнесла
она. — Воды...

Девушка подобрала повод верблюда. Железное
кольцо, вдетое в нос атана*, натянулось. Атан со стоном
согнул передние ноги и тяжело опустился на землю.
Хромой табунщик Оракбай, отец девушки, быстро от-
вязал кожаный мешок с водой.

Деревянную чашу, наполненную влагой, Саня под-
несла к губам женщины. Люди растерянно смотрели то

* Кастрированный верблюд.

на тело ребенка, то на женщину, то на вожака своего — Маная.

— Несите их! — приказал вожак. И, не оглядываясь, направил коня к узкому, заросшему колючкой оврагу. Люди потянулись за ним. Двое мужчин положили женщину на носилки. Сания завернула тело малыша в лохмотья и вместе с ними пошла вслед за караваном. Конь шагал за ней...

Вскоре дорога опустела. Лишь вдали на востоке, поднимая облачко пыли, удалялись два всадника. Да в раскаленном небе кружили сытые коршуны...

Пройдя версты две от дороги, Манай остановил свой караван.

— Здесь похороним малыша. Выберите ослабевшего коня. Принесите жертву аллаху и накормите людей. Ночь будет темной. Все, что можно сжечь, сложите в кучу. Разберите арбы и волокуши. Пусть костер будет хорошим. Разожгите его вон там, под тем каменным навесом. Дайте отдых коням и верблюдам. Завтра двинемся через пески к Алтынколю. Найдем колодец и будем ждать наших гонцов, — сказал Манай. Это была его самая длинная речь за всю дорогу. — Дождь остудит жару, — закончил он.

Люди молча вглядывались в небо. Туч не было. Солнце, раскаленное солнце висело низко над землей. Но никто не усомнился в правоте его слов. Манай всегда знал, что говорил.

Хромой табунщик Оракбай подошел к старику.

— Ну что, аксакал, кости ломит?

— Это желанная боль. Чем сильнее боль в моих суставах, тем скорее будет дождь и освежит землю, — ответил Манай и, став на колени, начал молитву над могилой мальчика. Еще один могильный холмик отметил путь каравана. Обхватив руками могилу сына, лежала мать. Солнце уходило за горизонт. Мягко коснувшись опаленных лиц людей, вдруг пробежал ветерок. А когда мать, уставшая от слез, от тихих проклятий аллаху, который отнял у нее сына, и от раскаяний в собственных грехах, наконец притихла, когда мясо в казане заклокотало и его запах защекотал в носу, дразня голодных людей, крупные капли дождя ударили о землю, словно освобождая все живое из удушливых объятий зноя и смерти.

Сания сняла шлем и, освободив свои черные косы,

подняла лицо к небу. Глаза ее снова были полны слез. Но благодатный дождь помог скрыть их от людского взора.

— О аллах, спаси его от стрел смерти... Спаси моего Кенжежана, моего единственного, мою любовь, — шептала она.

* * *

— О великий аллах! Что за напасть на нашу голову?! То джут, то джунгары, то жара, а теперь словно небо расколосось на части и все тучи навалились на нас... Откуда такое проклятье? Чем мы заслужили его? — донесся до Кенже голос Сеита, когда огненный бич молнии на миг осветил крошечную тьму. Он не смог дослушать Сеита до конца. Слова утонули в грохоте грома.

Кони пугливо прижались друг к другу. Сеит и Кенже скакали рядом, стремя в стремя, но не различали лиц друг друга.

Дождь лил не переставая. Водой и ветром обдавало лицо. Забылась дневная жара, духота, словно и не было их.

Устали кони. Они уже не могли идти как прежде. Потоки воды, грязь под ногами отяжеляли дорогу. Собственно, дороги не было. Сеит вел Кенже по известным только ему одному тропам. А может, и тропинок-то не было. Кенже казалось, что небо опрокинулось на них, закрыв все пути. Он потерял направление и не знал, куда они идут — на запад или на восток, к горам или в степь. Освободив и бросив на луку седла поводья, он ехал, целиком положившись на волю аллаха и бывалого Сеита. Порой он ощущал, как конь под ним то, скользя, карабкался куда-то вверх, то снова, упираясь всеми четырьмя копытами, шел вниз. И хотя под ним был лучший скакун аула — лучший из тех, что выжили во время джута, — крепкий гнедой жеребец с большой белой отметиной на лбу, за что жигиты называли его «Акбас», Кенже чувствовал, как обессилел конь, как дрожат ноги Акбаса. Да и сам Кенже уже давно не прочь был остановиться, немного передохнуть где угодно — под дождем или под скальным навесом. Лишь бы выпрямить ноги и что-нибудь поесть, достав

из коржуна сухой курт или творог, прямо из торсука сделать добрый глоток воды.

Вконец осточертел этот поток ливня. Выбраться бы из него поскорей, почувствовать близость огня. Его так и тянуло спросить Сеита — когда кончится этот крошечный ад?

Но он молчал, чтобы не выдать свою слабость. А еще он боялся, что в этой адской темноте под ливнем они, как слепые котята, могут попасть в руки джунгар. Тревога и страх порой наплывали на него, и он, словно ища защиты, бил каблуками в бока Акбаса, еще теснее прижал его к коню Сеита.

— Как бы нам не попасть прямо в лапы к этим нечестивым джунгарам, — громко сказал вдруг Сеит, словно угадав мысли Кенже. — Нужно взять левее, к Жартасу*. Если кто-то из наших есть в этих краях, то на Жартасе обязательно будут посты. А джунгары туда не пойдут, пока есть на свете жигиты Малайсары...

Снова молния осветила землю, Кенже не то чтобы ясно увидел, а скорее почувствовал, что они спускаются в глубокое ущелье.

Здесь дождь хлестал не так, как прежде, он, кажется, немного стих. Но от этого тьма не поредела.

Тропинка стала теснее. Всадники уже не могли ехать рядом. Акбас, настороженно храпя, скользя и спотыкаясь, пошел вслед за конем Сеита. Кенже, поудобней усевшись в седле, подобрал поводья, проверил колчан со стрелами. Все намокло, отяжелела одежда. Даже тонкая войлочная шапка под шлемом и та была мокра от пота и дождя. Холодные кольца кольчуги ощущались через мокрую рубашку. Вода стекала по железной обивке щита.

Проверив копье, притороченное к луке седла острием вверх, он на всякий случай проверил и саблю — не заклинило ли? Нет. Она легко выскользнула из ножен. Он вновь вложил ее. Подстегнул коня. Но вместо того чтобы ускорить шаги, Акбас ткнулся головой во что-то твердое и стал. Кенже вздрогнул от неожиданности, рука машинально схватилась за копье.

— Тс-с... — почти у самого уха услышал он голос Сеита. — Теперь мы должны двигаться бесшумно, как

* Утес.

лисы. Слезай с коня и иди вслед за мной. Держи Акбаса за морду, чтобы не заржал не ко времени. Если что случится, не молчи, говори громче, кричи! Так надо. Если свои, то поймут, что мы казахи; если джунгары, то все равно прикончат. Ни лук, ни сабля сейчас не помогут...

Напряженно вслушиваясь в равномерный шум дождя, рукой сжав поводья у самого кольца удил, а правой ладонью прижав морду Акбаса, Кенже осторожно шагнул вслед за Сеитом. То ли тьма начала таять, то ли взгляд от напряжения стал острее, но он уже мог различать во мраке коня Сеита, шагавшего впереди...

Не успели они пройти и двадцати шагов, как вдруг Акбас вырвался из рук и отпрянул в сторону. В ту же секунду что-то мокрое, тяжелое навалилось на Кенже. Ему скрутили руки. Где-то впереди во всю мочь заорал Сеит и торопливо начал выражаться самыми непристойными словами.

— Тише ты, старый вол! А не то размозжу твой череп! — прогремел чей-то голос.

— А, наконец-то и ты заговорил, плешивый мерин. Ты что, по-казахски не понимаешь?! Своих не признаешь? Прячетесь тут, как зайцы, и на нас силу меряете, а джунгар боитесь?! — кричал Сеит.

— Да перестань ты скрипеть как немазаная арба!

— Не тащи, не тащи меня, дубина! Я сам пойду, — не унимался Сеит. — Сынок, сынок, Кенже, где ты? Пусть только эти ночные громы попробуют искалечить тебя, я им покажу!

Кенже молчал. Руки его были связаны. Оружие отнято. Шлем слетел с головы.

— Ведите их к огню. Посмотрим, что это за гости! — крикнул кто-то из темноты.

Их потащили вверх. Кенже споткнулся о камень, ушиб колено. Идти по камням в такой дождь, да еще в такой темноте со связанными руками было трудно. Сеит то и дело спотыкался. Наконец они попали в узкую расщелину. Свет костра больно ударил по глазам.

Они оказались под огромной скалой. Было сухо и тепло. Часть скалы нависала сверху, как гигантский козырек, защищая от ветра и дождя. Сама природа создала каменную палату, в которой свободно могла разместиться сотня жигитов.

В дальнем углу, подложив под головы седла, не

снятая одежда, спали сарбазы. Колчаны со стрелами, щиты, луки, пики и несколько самодельных мултуков прислонены к стене.

В центре — очаг. На толстой железной треноге громоздился огромный казан, наполненный мясом. Горели сухие корневища, разбрасывая раскаленные угольки. Возле входа лежала шкура коня, в которую были завернуты остатки мяса. Справа от огня на двух плоских валунах и возле них, подстелив под себя кто кошму, кто коврик, сидели и полулежали люди.

На самом почетном месте, облокотившись о кожаный щит, обитый железными пластинками, устроился худощавый мужчина лет пятидесяти. Лицо у него было такое же, как и у других, — обветренное, обожженное солнцем. Тонкий подбородок покрыт плотным слоем черной щетины. Глаза острые, взгляд спокоен и внимателен. Одежда хорошо подогнана. Из-под старого тонкого чекменя виднелась новая кольчуга.

Небрежно откинув саблю в дорогах ножнах, отнятую у сотника или тысячника джунгар, он устремил свой взгляд на вошедших.

Верзила, сопровождавший пленных, оттолкнул Кенже и вышел вперед.

— Вот, батыр, поймали. Шли под дождем, укрывшись темнотой, как волки овечьей шкурой, — сказал он хриплым басом, стряхивая воду со своего малахая.

— Сам ты волк! — буркнул Сеит.

— Что ты сказал?! — грозно обернулся верзила.

— Чем недоволен ночной гость? — перебил его чернобородый. — Развяжите им руки!

— И куда же вы в такую погоду? С какой вестью идете? — подал голос тот, что сидел справа от чернобородого. Взгляд его был холоден. Он в упор смотрел на Сеита.

Сеит медлил. Оглядев всех, он ответил:

— Мы посланцы нашего старейшины Маная. А вы кто будете? Предложили бы сесть. Обычай забыли.

— Кто он, твой Манай? Какого рода, из какого племени и с чем он послал вас, к кому?! — повысил голос чернобородый.

— А ты не знаешь Маная? Тогда кто ты сам?! Дай глоток сорпы, а потом делай со мной что хочешь! Только жигита моего не трогай! Он последний из пятерых сыновей Маная...

— Я тебя спрашиваю: кто твой Манай? Султан или бий? Впрочем, вы все одна свора — свора волков, продавших свое племя, свой народ. Может, вы посланы к джунгарам посредниками? Когда легка добыча, то рвут друг у друга куски, а когда враг посильнее — готовы отдать в жертву не только друг друга, но и своих детей! С чем послан сын Маная к джунгарам? Говори, если не хочешь остаться навсегда под камнями этих гор!

— Правда твоя, незнакомец. Султанам нет дела до нас. Они спасают свои стада. Мы казахи из Тентекских гор, из рода болатши. Нас было десять аулов. Не осталось ни одного. Джут и джунгары доконали нас. Мы чтим Маная не за богатства — он беден, не за спесь — он друг каждому из нас, а за мудрость и за справедливость. Мы чтим его как отца. Он наш судья, он вожак наш. Сейчас он уходит все дальше от этих гор, чтоб спасти тех, кто остался в живых и кто еще верит ему. Он как пастух уводит остатки своего стада от стаи волков. Стоны раненых, плач детей несутся над нашими песками и степью. Враг впереди, враг сзади. Защиты нет. В пятикратном намазе Манай просит пощады у аллаха. Не себе, а людям своим. Он просит здоровья батырам казахов. И если ты тоже мнишь себя батыром, то скажи: где Малайсары? Манай послал нас к нему, как только узнал, что он хочет преградить дорогу джунгарам. Старый Манай хочет вернуть своих сирот в родные края, чтобы больше не покидать синих гор. Чтобы умереть или выжить в родных краях. Ибо сам создатель наш, аллах, свидетель — хоть и велика земля, но неправду говорят, что «у казахов родина там, где копыто коня оставило свой след». У каждого племени, у каждого рода есть свой уголок. Если он покидает его, то уподобляется бродячему псу. Не мешайте нам, если вы, как и мы, ищете убежища, чтобы спасти собственные шкуры. У нас нет ничего, кроме коней, которых вы уже забрали... Отпустите нас, мы ищем батыра Малайсары...

— Чем ты докажешь правдивость своих слов? — спросил чернобородый.

— О аллах, как же я дожил до этого дня! Где это видно, чтоб я, Сеит, говорил неправду? Да пусть меч создателя покарает меня на этом месте, если я сказал хотя бы одно слово лжи, — возмутился Сеит. — Да ви-

дать, что ты не батыр, а трус, если боишься меня. Неужели среди твоих... — Сеит замешкался, не зная, как назвать этих обросших, страшных на вид людей. — Да неужели среди твоих разбойников не найдется ни одного человека, который не знал бы Маная? Не с неба же вы упали, свесив ноги, а вылезли из утробы матерей, что жили и живут в этих горах и знали и знают славных, справедливых людей этих гор. Или же вам все равно, кого грабить и убивать? Нашествие джунгар связало вам руки... — разошелся Сеит.

— Замолчи! Я заткну тебе глотку, седины тебя не спасут! — Молодой жигит, темный от гнева, выскочил из-за спины чернобородого и, схватив шестигранную камчу, бросился к Сеиту. Кенже прикрыл Сеита и вцепился в руку жигита, не дав нанести удара.

В мгновение ока поднялись еще трое, и двум пленникам не миновать беды, если бы не раздался грозный окрик:

— Назад! Назад, жигиты! Не с ними бой!

Верзила, сопровождавший пленных, отбросил Кенже и жигита, вцепившегося в него, в разные стороны и стал посередине. От шума проснулись и те, кто до сих пор спал.

— Спокойствие! — кричал чернобородый. — Он говорит правду, — указал он на Сеита. — Мы действительно достойны гнева всех старейшин наших, всего народа. Когда враг сидит на шее, не след обнажать мечи на друзей.

— Малайсары, и ты уйми свой гнев, — спокойно и властно прозвучал голос пожилого сарбаза, единственного человека, сохранившего спокойствие в эту минуту. Он был скуласт и морщинист. Над левой бровью виднелся короткий косой шрам. На нем был простой чекмень охотника-горца, и у него не было оружия, кроме кривого ножа в кожаном чехле на поясе. Он сидел, подобрав ноги, обутые в старые саптама *. В руках он держал деревянную чашу с кумысом.

— Успокойся. И пусть этот незванный пришелец уймет свою спесь. А то получается по пословице: враг за горло душит, а друг за подол тянет. Спесив каждый из нас. Спесь всегда брала верх над разумом и подавляла чувство уважения друг к другу, чувство единства.

* Сапоги с длинными голенищами.

Так, наверное, всегда будет. Но сегодня ни у кого из нас нет желания внимать оскорблениям этого ночного пришельца.

— Правда твоя, Мерген-ага, — сдерживая себя, ответил Малайсары. Сеит растерянно смотрел на него. Услышав имя Малайсары, притих и Кенже. Он забыл об обиде.

— А ты, отагасы*, успокойся. Умерь свой пыл, — сказал Малайсары Сеиту. — Мы сейчас не в силах защищать не только твои аулы, но даже своих детей и жен. Мы остались здесь, чтоб взять у врага плату за себя, да подороже. Джунгары сильны. Но если наша смерть на миг заставит казахов — султана и пастуха, богача и бедняка забыть раздоры и подумать о единстве, то наша жертва станет священной. Мы не хотим, чтоб джунгары видели наши спины. Не хотим, чтоб и вы видели наше поражение и гибель... Ступайте назад к своему мудрецу. Нам нечего сказать ему. Нечем успокоить вас. Справедливых много на нашей земле, но их мудрость и справедливость редко перешагивали за пределы своих родов, своих племен. Только воля великого Хакназара** и мудрого Тауке-хана могла держать единой Казахию. Но их уже нет. Нет теперь и единства на нашей земле. Ступайте к своему Манаю. Нам не нужны свидетели. Пусть молва и вольные птицы расскажут людям о нас....

Взгляд Малайсары был устремлен в огонь. Стало тихо. Лишь треск костра да клочкотание кипящего котла отдавались в ушах. В глазах батыра блуждал отсвет пламени. Лицо его казалось воспаленным.

...Кенже так и остался лежать в углу, не смея шелохнуться. Не удар верзилы, а речь Малайсары сразила его. Он впервые слышал слова, с такой болью отдававшиеся в его сердце. Он глядел на Малайсары как завоженный. И в эту минуту он был готов исполнить любую волю батыра. Он как будто очнулся от сна, только сейчас вырвался из окутавшей его темноты. Он готов был сейчас идти за Малайсары хоть в пекло ада. Только бы не возвращаться назад. Не покидать этих людей.

Сеит преклонил колени перед Малайсары.

— Прости, батыр, старика. Не признал. Не понял.

* Почтительное обращение к старшему.

** Казахский хан, живший в самом начале XVI века. Ему на короткое время силой удалось добиться единства всех племен.

Мы шли к тебе. Не гони нас. Вели остаться. Твоя правда. Лучше умереть в бою, чем выть у дороги...

— Если верны твои слова, то пусть последний сын Маная разделит чашу кумыса со своим сверстником. Ты согласен, Кетик? — обратился Малайсары к жигиту, который только что сцепился с Кенже.

— Согласен, батыр!

— Я готов разделить чашу! — встал с места Кенже.

— Жигит перед боем не должен хранить обиду на друга, — сказал Малайсары.

Мерген подал свой торсук Сеиту. Наполнив чашу, Сеит протянул ее Кетику. Отпив глоток, Кетик подошел к Кенже.

— Утоли свою жажду, брат. Видать, устал с дороги.

— Спасибо, брат! — Кенже выпил до дна.

Сеит вновь наполнил чашу и подал Малайсары, но тот не принял чашу.

— Выпей сам, ты гость. Не храни зла, не осуждай за столь суровый прием... Безвременье сейчас на нашей земле, и потому не всегда соблюдаем обычай.

Откинув кошму, прикрывавшую вход, и разомкнув копья, стража пропустила человека в темной накидке.

— Тучи давно рассеялись. Засветилась Шолпан*, — сказал пришедший, отбрасывая в сторону мокрую накидку, но, увидев Сеита и Кенже, умолк на минуту. — О, гости у нас. А у меня вести. — Он посмотрел на Малайсары. Кенже загляделся на него. Высок. Чернобров. Острый взгляд, орлиный нос. Красавец жигит. Лет тридцать ему, наверное.

Кенже заметил, что Малайсары смотрит на вошедшего с непривычной для него нежностью.

— Говори, Кенес.

— Камни слепы, но имеют уши, — ответил Кенес и недружелюбно взглянул на Кенже.

— Говори, он наш брат, — спокойно сказал Малайсары.

— Ухо цело, и глаза остры, — ответил Кенес. — Слава аллаху, до нас доносится каждый шепот Галдана Цевена. Сына Цевена. Сына Цевена Рабдана, не раз пытавшегося дойти до Сайрама, но изгнанного из наших земель батырами найманов и аргынов под водительст-

* Утренняя звезда, Венера.

вом славного Тауке-хана. Рабы у Галдана Церена цини, уруты и кубуты*, среди них есть и казахи — керей и дулаты. Сердца троих из них объаты гневом, они клянутся в верности тебе...

— А где их тысячник? — перебил его Малайсары.

— Его шатер всегда впереди шатра Галдана Церена. Иногда, если предстоит битва, тысячник с конницей уходит далеко вперед и после боя посылает Галдану Церену красивых пленниц.

— А что говорят те трое?

— Говорят, что с ними будет еще тридцать. Готовы биться в шатре Галдана Церена и тысячника. А если их пошлют против нас во время битвы, то готовы мстить и умереть вместе с нами.

— Нет! — отрезал Малайсары. — Пусть лбами бьют землю у ног Галдана Церена. Не нам, а другим, что выйдут после нас навстречу джунгарам, нужны их уши и глаза. Пусть потерпят и пусть, если надо, бьют нас, как и все джунгары. Но наши стрелы пройдут мимо них, наши сабли не нанесут им ран. Пусть их взгляд не замутнится и острым останется слух.

И помолчав, вдруг спросил:

— Не донесет ли ветер наш запах до джунгар?

— Ветер тих. Их сон спокоен. Дождь подмочил их порох. Керей обвиняют в этом урутов, что стояли на страже у зенбриков**. Завтра в полдень джунгары будут здесь. Галдан Церен торопит войско. Спешит в Сайрам на той победителей. Говорят, что лобные тысячники джунгар, что прошли здесь месяц назад, уже пересекли Каратау, проникли в долину Таласа, осадили Сайрам.

Кенес замолк и принял чашу кумыса из рук Мергена.

— Отведите гостей в юрты. Накормите. Верните коней и оружие, устройте на отдых, — приказал Малайсары верзиле. Тот молча кивнул Сеиту и Кенже, указывая на выход.

— Меня зовут Атай, — пробурчал великан. — Осторожно, аксакал, здесь острые камни, можно легко сломать себе шею, — говорил он, обращаясь к Сеиту.

Петляя между выступами скал, они пробрались

* Ойротские племена.

** Пушек.

вверх на большое плато, где стояло несколько юрт. Дождь прекратился. Тучи, разорванные в мелкие клочья, очищая просветленное небо, уходили на запад. Неожиданно из-под уплывающей тучки замигала утренняя звезда Шолпан. Близилось утро. Слышалось фырканье коней.

— Ваши кони еще на привязи. Были слишком устали и потны. Отдыхают. Скоро их пустят пастись в табун. Охрана есть, — сказал Атай, махнув рукой на юрты.

— Надо сперва самим обсушить одежду и отдохнуть. а о скакунах потом поговорим. Может, мы их не возьмем в обратную дорогу, а заменим на других, чтобы быстрее весть о победе донести до аула.

— Прежде чем кудахтать, надо вначале яичко снести, — пробубнил Атай.

— Не читай заранее жаназу*, — обидчиво сказал Сеит и умолк. От ближней юрты отделился человек и пошел им навстречу.

— Кого ведешь, Атай? — раздался голос.

— Принимай гостей! Малайсары послал.

— Пусть входят...

...В юрте было тесно. Лежа вплотную друг к другу, дремали жигиты. Стены были увешаны саблями и луками. У порога в куче лежали айбалта** и булавы с железными ободками и стальными гвоздями. Щиты, седла, кольчуги были сложены друг на друга. В центре над погасшим огнем на треноге громоздился казан.

— Проснитесь, жигиты. Дайте место гостям...

* * *

Мясо и горячая сорпа утолили голод и согрели Кенже. Он почувствовал усталость, тело размякло, отяжелели веки, глаза закрывались сами собой. Не хотелось ни говорить, ни слушать. До восхода солнца оставалось немного времени. Нужно было хоть на миг забыться, чтобы вновь почувствовать силу.

— Ты спи, поспи немного. Я тоже на миг сомкну веки, — шепнул старый Сеит под равномерный стужет

* Молитва, которую читают на похоронах.

** Секиры.

напильника. Это Атай, сидя у порога, оттачивал шести-гранные корала *. Возле него лежало несколько связок. В каждой из них, крепко стянутой ремнем, было по сотне стрел. Атай развязывал их, проверял остроту наконечников и рассовывал по корамса **.

Скрежет напильника сливался с храпом спящих жигитов. Тот, кто просыпался, молча вставал и, забрав свою кольчугу, саблю и меч или мулдук, прихватив щит, уходил из юрты.

«Надо не проспать, быть готовым к началу боя», — подумал Кенже, уже засыпая.

Сон навалился на него сразу и унес очень далеко.

Голубое небо. Яркое солнце. Лучи, ударяясь о ветви диких яблонь, о листья и плоды, рассыпаются на сотни тонких золотых стрел. Освещенные солнцем путники дрожат от прикосновения ярко-красных и светло-желтых осенних листьев. Под ногами на густой траве яблоки, опавшие с веток.

Он стоит на крутом склоне. Вокруг тишина. Дикие яблони подступают со всех сторон. Запах солнца, росы, спелых яблок и тающих от спелости ягод. Воздух наполнен ароматом осени. Никого вокруг. Тишина.

— Наконец-то мы одни, — слышит он чей-то голос. — Здесь немножко ровнее. Пусть эта поляна будет нашей гостевой юртой...

Рядом стоит Сания. Он видит ее спокойное лицо, ее глаза, слышит ее дыхание и невольно, не в силах удержать себя, берет ее за руки. У нее усталый вид. Но вот в глазах сверкнула искорка. Это луч солнца. Они бездонны, эти глаза, в них застыла неведомая грусть.

— Ты слышишь меня? — спрашивает она.

— Слышу, слышу. Да, да, это наша зеленая юрта. И под этим голубым небом нет никого, кроме тебя. Ты единственная...

— Нет, нас двое! — Она беззвучно смеется. В глазах уже нет тоски, нет грусти.

— Нет. Ты единственная. Единственная, кого я люблю, — хочется крикнуть, но слова застряли в горле. Отбиваясь от веток, они уходили в чащу, и неожиданно перед ними открывается новая поляна, усеянная опав-

* Дальнобойные стрелы.

** Казахские колчаны.

шими яблоками. Они скользят по яблокам и падают на мягкую траву, толстой кошмой укрывшую склон.

— Это тоже наша юрта, — смеется Сания. — Юрта только на двоих. Никто никогда не должен заглядывать сюда. Это наша священная юрта для уединения.

Ее черные волосы рассыпаны на траве. Она смотрит в голубое небо, и лучи солнца, прорвавшиеся сквозь ветви, освещают ее спокойное лицо.

Забылось все. Ветви яблонь укрыли их от навязчивых взглядов солнца. Они остались наедине с любовью...

Но что это? Куда девалось солнце? Где его лучи? Что-то темное нависло над Кенже.

— Что с тобой, что ты бормочешь? Вставай! Вставай скорее!

Кенже с трудом открыл глаза и увидел над собой черное, изрезанное морщинами лицо Сеита.

Кенже вскочил. Яркий свет ударил ему в глаза. Юрты уже не было. Ее убрали. Там, где ночью спали жигиты, осталась помятая низкорослая, как шерсть обстриженной овцы, альпийская трава. Все было убрано — и седла, и оружие, даже казан. Горячий пепел от костра залит водой.

Протерев глаза и осмотревшись, Кенже увидел зеленое плоскогорье. Оно походило на огромное поле для скачек и было окружено со всех сторон частоколом острых скалистых вершин. словно бы сама природа создала крепость, над которой сейчас поднималось раннее солнце.

Сеит держал в поводу уже оседланных коней. И гнедой донен* Сеита и кунан** Акбас выглядели отдохнувшими и, наострив уши, беспокойно топтались на месте, то и дело поглядывая туда, где скопились всадники.

Сеит уже натянул на себя все доспехи, и в придачу к своему мултуку он раздобыл где-то крепкую пику со сверкающим, отточенным острием.

— Ай, какой грех! И все из-за тебя, — ворчал Сеит. Он отбросил пику, коней поставил рядом, привязав поводья одного к седлу другого так, чтобы скакуны не могли разойтись.

* Пятилетний конь.

** Трехлетка.

— Стойте, окаянные! — прикрикнул он на коней. — Там лежит торсук, в нем — кумыс, возле торсука — лепешка, — обратился к Кенже. — Скорее управляйся и не мешай мне. Из-за тебя я пропустил — о, упаси аллах, — проспал первый утренний намаз, а сейчас вот уже второй. Видишь, солнце как поднялось?! Не мешай мне, осквернитель корана! — С этими словами Сеит опустился на колени, торопливо вырвал пучок влажной травы, обтер руки, провел ладонями по лицу. Сорвал еще пучок травы, протер носки сапог и, уверенный, что полностью совершил символический обряд омовения, зашептал молитву.

Кенже увидел, как на восточной окраине зеленого поля, у самых скал, люди Малайсары тоже творили молитву. Он понял, что старый Сеит, не так уж часто вспоминавший о приношении просьб всевышнему, на этот раз последовал их примеру.

Старые молились, молодые готовились к битве. Конни стояли под седлами, колчаны были наполнены стрелами. На выступе скалы собрались вожаки, батыры. Их внимание было приковано к чему-то невидимому для Кенже. Они смотрели вниз, в долину.

Кенже, который все еще находился во власти ночных видений, в ушах которого до сих пор звучал голос Сании, только теперь пришел в себя. Он торопливо поднял с земли свой семсер*, натянул тонкую кольчугу, лежавшую рядом со щитом, и побежал к ручейку. Ополоснул лицо и, глотнув кумыса, проглотив кусок лепешки, приторочил торсук и торбу к седлу Сеита.

— О аллах, я до гроба твой! Дай силы нашим жигитам, отними волю у джунгар, ведь они и твои враги, они — неверные. Спаси ветреную голову единственного сына раба твоего, справедливого друга Маная...

Это голос Сеита доносился до Кенже. Сеит не знал установленных слов молитвы, но он был уверен, что его искренние заклинания, его мольбы дойдут до ушей аллаха. Наконец Сеит соединил ладони, готовясь завершить намаз. Он косо взглянул в сторону Кенже. Из почтения к старику Кенже тоже преклонил колени и раскрыл ладони.

— Аллах акбар!** — Сеит провел ладонями по лицу.

* Широкая тяжелая сабля.

** Аллах велик!

— Аллах акбар, — повторил Кенже.

— Теперь пора!

Старый Сеит преобразился. Он легко вскочил на коня. Взгляд его стал суровым.

— Не суждено нам избежать битвы. Видишь? Все жаждут боя. Пусть простит меня мудрый Манай. Сегодня я буду рядом с Малайсары. А ты береги себя. Твоя жизнь еще понадобится. Если увидишь, что в бою чаша весов склоняется в пользу джунгар, то не дожидаясь конца. Скачи, сообщи Манаю. Дорогу ты найдешь. Ты понял меня, сынок? — спросил он на скаку.

Кенже не ответил. Перерезая зеленое поле, они мчались к выступу скалы, где стоял Малайсары. Вправо и влево от него, разбившись на мелкие отряды, приготовились всадники. Лишь несколько старых воинов, ведя в поводу навьюченных коней, уходили прочь.

— Батыр, скажи нам — к кому из них пристать? Видит аллах, мы будем биться не хуже твоих сарбазов! — Хриплый голос Сеита заставил Малайсары оглянуться.

— А, это вы, ночные гости... Идите, смотрите! — Рядом с Малайсары стояли Мерген, Кетик и еще несколько жигитов. Они не обратили внимания на Кенже и Сеита. Лица их были озабочены.

Холодная дрожь передернула Кенже, когда он подошел к выступу скалы и замер над бездонной пропастью. Сделай лишь один неверный шаг — и полетишь вниз, туда, где громоздятся острые обломки камней. Они лежат почти у самой дороги, которая, извиваясь по долине, втиснутой меж гор, входила в узкое ущелье как раз в том месте, где стоят сарбазы Малайсары. Маленькая речка, несущая свои воды по долине, бежит рядом с дорогой в этом ущелье.

Долина в эти минуты была пустой и безлюдной. Кое-где чернели следы высохших луж. А пройдет час-другой, и скалы вновь накалятся от дневного солнца, и вновь, как вчера, как десять-двадцать дней назад, здесь будет властвовать зной.

Но сейчас люди забыли о том, что было вчера, и не старались угадать, что будет завтра. Взгляды устремлялись в ту сторону, где начинается долина. Оттуда должны появиться те, кого они ждут.

В щемящей тишине даже кони замерли, и не было слышно ни храпа, ни ржания.

— Готовы ли костры? — коротко спросил Малайсары.

— Загорятся вовремя, — ответил Мерген. — Первым — костер Кенеса. Он там, на той горе. — Мерген показал на самую высокую вершину, вздымавшуюся на востоке. — Его жигиты дадут нам знать, когда последняя сотня войдет в долину. Но к этому времени головные сотни могут уже выйти из ущелья на равнину.

— Нет, — возразил Малайсары. — Из ущелья успеет выйти только сотня передовой охраны, а все остальные как раз окажутся здесь. В этой долине. Видишь, длина ее не менее пяти верст, а ширина — еще больше. Есть где разгуляться. Когда-то за тем изгибом речки стояла крепость Бешбалык*. Видите развалины? Ну, у кого глаза острее?

Кенже увидел в дальнем конце долины у изгиба речки оплывшие остатки глиняных стен.

— Там была столица Джагатая, был город, который погиб после его смерти. Триста воинов Джагатая могли помериться силой с тысячной конницей врага. А нас — не менее шестисот. Мы готовы не только пожертвовать собой, но и взять дорогую плату за каждого из нас! — Малайсары взглянул на Кетика и приказал: — Ступай, готовь своих найманов!

— Батыр, и нам пора расстаться. Я должен доехать к своим, — обратился Мерген к Малайсары. — Наш костер будет третьим. Встретимся на поле битвы.

— До встречи, брат. — Малайсары и Мерген обнялись. Жигиты подвели коней Кетику и Мергену. Кетик направился к сарбазам, выстроившимся невдалеке от утеса.

А тем временем отряд становился все больше и больше, и если бы не ночной ливень, то пыль, поднятая копытами коней, прикрыла бы задние колонны всадников.

— Отойдем в тень. У них должны быть стекла, в которые они видят далеко... А нам лучше остаться незамеченными. — Малайсары увел друзей в укрытие.

Головной отряд, пройдя долину, уже входил в ущелье, когда на восточной окраине долины показались основные силы джунгар.

* Столица одного из сыновей Чингисхана — Джагатая, умершего в 1242 году.

Лавина за лавиной конница врага заполняла равнину.

Дорога для нее была тесна. В каждой сотне находилось по несколько выючных верблюдов, по две-три тяжело груженные телеги. Наконец, в центре конных порядков показались шатры на колесах. Несколько пар коней были впряжены в каждый из них.

— Шатры тысячника. В них его сокровища и наложницы, — сказал кто-то из жигитов.

— Слава аллаху! Вся тысяча входит в долину. Как говорится, падать так падать с высокого верблюда, а не с ишака. Битва так битва со всей тысячей, а не с сотней, — проговорил Малайсары.

— Смотрите, вот он, сам мынбаши*. Вот его знамя и его телохранители! — Голос Малайсары стал тверд, лицо — холодным, взгляд — жестоким.

Кенже, вцепившись в скалу, вгляделся в темное скопище джунгар и увидел, как, гарцуя на чистокровном белом арабском скакуне в плотном окружении рослых всадников, лица которых были прикрыты надвинутыми на лоб дулыга**, вперед пробивался грузный всадник. Его одежда сверкала на солнце. С обеих сторон над лесом пик возвышались тяжелые черно-голубые знамена, обвешанные конскими хвостами.

— Коня! — нетерпеливо крикнул Малайсары.

Кенже показалось, что голос батыра эхом отдался в горах. Он вновь посмотрел в сторону джунгар — как бы не услышали, не обнаружили раньше времени.

Нет. Это просто показалось, что крик батыра могут услышать там, внизу. Джунгары двигались по-прежнему спокойно. Их поток был похож на огромного дракона, выползающего из теснин восточных гор в долину.

На вершине солнце больно обжигало лицо — в горах его лучи сильнее. Но все же такой жары, как в долине, здесь не могло быть. Горный ветерок освежал воздух.

Когда Кенже взялся за повод Акбаса, Малайсары уже сидел на коне. Вороной жеребец рыл землю копы-

* Тысячник.

** Шлемы.

тами. Он был гораздо выше приземистых коней, привычных к горным тропам, цепких и быстрых. Такие жеребцы на горных пастбищах становятся хозяевами в косяках. И зимой и летом верно и бесшумно охраняют они своих кобылиц. Такой тулпар — хорошая подмога в бою. «Малайсары может на полном скаку сбить любого джунгара, его конь выносливей арабского скакуна», — подумал Кенже. Сеит уже сидел на своем гнедом и коротким шомполом вталкивал жеребе* в ствол мултука.

Проверив, не заклинило ли саблю в ножнах, легко ли вынимаются стрелы из колчана, и надев щит, Кенже придерживал нетерпеливого Акбаса, еще не зная, за кем ему следовать. За батыром или же влиться в чью-либо сотню?

Сотня Кетика уже стояла посередине зеленого поля. Неожиданно выскочив откуда-то из прикрытия, появилась другая сотня всадников во главе с верзилой Атаем. Каждый жигит Атая был вооружен стрелами для дальнего боя, семсером и палицей для рукопашной схватки. По знаку Малайсары сотня Атая стала рядом с сотней Кетика.

Батыр в сопровождении двух сарбазов подъехал к жигитам.

Кенже взглянул на Сеита.

— Ну что ты смотришь на меня, сынок? Решай сам.

— Будем в сотне брата Кетика! — решительно сказал Кенже.

— Иншалла, — ответил Сеит. Они освободили поводья, пришпорили коней.

— Мы с тобой, брат, — сказал, подъехав, Кенже.

— Отныне нас разлучит только смерть, — ответил Кетик.

— Час настал, жигиты! — раздался голос Малайсары. — Там на востоке, в тылу у джунгар, наготове стоят две сотни сарбазов Кенеса. Мерген поведет своих охотников-стрелков в обход, к северу... Всего нас — шестьсот жигитов, связанных единой клятвой мести. Шесть сотен, не считая тех, кто готовит каменные обвалы! Священная месть за кровь наших детей и отцов объединила сегодня жигитов албан-суана, найманов, жалайров, кангалы, уйсуней, дулатов, болатшы и бесентина —

* Резная дробь.

все казахские племена и киргизов, живущих в этих горах. Сегодня мы едины, и пусть помогут нам родные горы. Победим или умрем! Иного выхода нет! Дороги в степь объаты ужасом... Для нас нет и пути к аулам, укрывшимся в горах, ибо по нашим следам туда могут пройти и джунгары. Пусть наша смерть или победа будет песнью во имя единства казахских племен — так говорил мудрый Тауке-хан. Готовы ли вы выполнить его завет?!

— Смерть наша дорого обойдется джунгарам. Мы не пощадим ни себя, ни врага! Веди нас, батыр! — гремели сарбазы.

— Костер! Костер Кенеса! — закричал дозорный.

Все повернули лица на восток. Там над самой вершиной потянулся ввысь густой столб дыма.

— Дайте огня! — крикнул Малайсары.

Дозорный поднял копье с белой повязкой на острие, и в то же мгновение недалеко от того уступа скалы, у которого недавно стоял Кенже, тоже поднялся вверх густой сизый дым. Загорелся огонь и на вершинах северных и южных гор.

— Кетик, от твоих жигитов не должен уйти ни один из головной сотни, что миновала ущелье и теперь уже выходит в степь! Ты понял? Ни одна стрела джунгар не должна метить нам в спину. Торопись! Пусть слава предков поможет нам! А ты, Атай, веди свою сотню за мной. Мы распорем брюхо отборным палачам джунгар, поднимем на копье голову мынбаши. Готовьте корала! Мы осыпем их стрелами и обнажим мечи! — Он прищпорил коня. Вороной встал на дыбы и рванулся с места.

Грохот копыт прокатился по зеленому полю. Сотня лавиной устремилась за Кетиком. Кенже старался перегнать других сарбазов и скакать рядом с Кетиком. Сеит не отставал от него. На краю поля, там, где начинался крутой спуск в ущелье, всадники налетели друг на друга, не успев придержать начавших горячиться коней. Но это длилось лишь мгновение. Конь Кетика ступил на узкую тропинку и упруго заскользил вниз. Стремена звенели, ударяясь о выступы скал, кони храпели, силясь удержаться на ногах. Спуск был крут. Сарбазы один за другим устремлялись вниз под прикрытием скал, зарослей дикой арчи, боярышника и яблонь. Ветки то и дело норовили ударить по лицу.

Кенже не ощущал ударов веток. Пристроив Акбаса вслед за конем Кетика, затаив дыхание, весь напряженный, он ждал встречи с джунгарами. Его взгляд был устремлен вперед. С нетерпением он ждал, что вот за этим или нет, за тем выступом скалы, что громоздится еще ниже, он вплотную столкнется с всадниками из головной охраны джунгар.

Когда они проезжали возле старых яблонь с зелеными плодами на ветках, где на тропе не было камней и земля была покрыта травой, Кенже вспомнил свой сон, вспомнил Санию. Сердце застучало еще сильнее. В этот миг ему нестерпимо захотелось, чтобы Сания была рядом, чтобы она увидела, как он стремится навстречу ненавистным джунгарам, увидела бы его первый бой... Где она сейчас? Что с ней?

— Где? — крикнул Кетик.

Кенже вздрогнул от неожиданности, увидев на гребне скалы рослого, потемневшего от загара, от горного ветра человека в малахае, с длинной дубиной в руках. Лицо его было искалечено шрамом на правой щеке.

— Они уходят из ущелья в степь! Верните их! Мы готовы! — человек неистово расхохотался. Эхо понеслось от скалы к скале.

Сотня скатилась в ущелье.

— Ишь как примостились. Словно орлы! — Сеит смотрел вверх.

Подняв голову, Кенже увидел, что над отвесными скалами, поднявшись во весь рост, стоят люди. Все они, как и человек со шрамом, сжимали в руках крепкие длинные палки.

— Мы пригласим их сюда! — Кетик сделал знак рукой тем, кто стоял на вершинах. Люди исчезли. Пришпорив коня, на ходу вынимая стрелы из колчана, Кетик во весь опор помчался вперед. Кенже не отставал, он старался быть впереди других жигитов. Конь Сеита немного отстал.

Выйдя из ущелья, дорога круто свернула вправо. Земля успела просохнуть, и комья глины, вылетая из-под копыт, рассыпались в пыль. Промчавшись версты полторы, жигиты Кетика чуть не врезались в ряды джунгар, которые, повернув коней назад, удивленно смотрели на них. Джунгары были ошеломлены, они не могли понять, кто скачет за ними. Гонцы мынбаши? Подкрепление? Но зачем? Разве здесь есть враги,

разве кто-нибудь смеет напасть на них средь бела дня?

Подскакав почти вплотную, казахи осадили коней. Тонко засвистели стрелы. Несколько джунгар с криком схватились за лица, за животы. Двое вылетели из седел. Еще раз просвистели стрелы, и жигиты с гиканьем помчались назад. Отстал лишь Сеит. Он возился со своим мултуком, бил отточенным куском железа о кремень, высекая искры. Наконец фитиль загорелся. И когда опомнившиеся джунгары кинулись к нему, грохнул выстрел и снес, как показалось Сеиту, самого главного из них. На какое-то мгновение все джунгары замешкались возле своего главаря, а старик помчался за жигитами.

Кенже и еще несколько всадников придержали коней, дождались Сеита и под свист стрел, грохот копыт, крики опомнившегося врага ворвались в ущелье.

Ущелье извивалось, облегчая отступление, жигиты Кетика мчались к восточному выходу, ведя за собой джунгар, и только тогда, когда слышали предупреждающие крики людей, засевших за скалами, круто повернули коней вверх — вправо и влево, и, укрывшись от стрел, исчезли за гребнями скал. Джунгары, уверенные в том, что гонят дерзких безумцев прямо в руки своих владык, осадили коней, не зная, что делать дальше, за кем гнаться. Их ошеломили эти странные лохматые люди на скалах.

Джунгары, все двести, уже были в ущелье. Скучившись, оглядываясь по сторонам на грозно нависшие скалы, они наконец поняли, что попали в ловушку. Их главарь был уже мертв. Укрытый халатом, его труп висел поперек седла одного из всадников. Кто-то тревожно закричал, и все рванулись к восточному выходу, чтобы предупредить своих об опасности. Но не успели передние проскакать и ста сажений, как раздался грохот, сразу заглушивший топот копыт и крики.

Словно качнулась земля. Огромные камни, разрушая все, что попадалось на пути, полетели вниз, наглухо закрывая выход из ущелья, ломая ноги и хребты коням, снося одуревших от страха всадников с седел. Джунгары в ужасе повернули назад и снова оказались под градом камней. Кони вставали на дыбы, их предсмертное ржание оглашало ущелье.

Все смешалось. Среди джунгар не оказалось чело-

века, который мог бы одним окриком собрать всех воедино и разумно направить их силу. Каждый старался в одиночку вырваться из этого ада, но попадал под удары палиц, на пики мстителей. А тех, кому все же удавалось, оставив коней, отбросив щит, вскарабкаться на скалы или укрыться на извилистых горных тропах, настигал брошенный камень или стрела, пущенная из лука меткой рукой.

Не успел замереть поток камней, как жигиты Кетика вместе с теми, кто заготовил завалы, скатились вниз, кто на коне, кто пешим и, не давая врагу опомниться, пошли врукопашную.

Кенже, который с самого начала боя подчинился общей воле, накалу и стремительному азарту, слышал только голос Кетика. Неожиданно он оказался рядом с человеком в малахее и с огромной дубиной. Мелькнула и исчезла мысль о том, что он, этот человек, стоял на вершине скалы и кричал им, когда они гнались за джунгарами, чтобы заманить их в ущелье.

— Берегись, сынок! Не зевай! — Человек отбил острие вражеской пики, направленной на Кенже, и вторым ударом свалил с коня того, кто мгновение назад мог пронзить грудь Кенже.

В этом каменном хаосе пешим легче было сражаться, чем конным. Акбас не слушался поводов. Не в силах найти ровной опоры под ногами, он рванулся в сторону и грудью ударился о круп чужого скакуна. Кенже увидел спину джунгара. Короткая шея, широкие плечи. Согнув голову, весь напружинившись, джунгар в упор целился из лука в кого-то из жигитов. С неистовым криком, скорее от страха, чем от воинственности, Кенже изо всех сил ударил джунгара семсером наискось по спине и шее и, не удержавшись, слетел с седла. Отбросив щит, он, как зверь, прыгнул на только что сбитого джунгара и вцепился ему в горло. Сквозь пальцы засочилась кровь. Кенже вскочил как ужаленный. Опомившись, он стоял над мертвым врагом, удивленно смотрел, как его друзья оттесняли к каменной стене оставшихся. Он не знал, что делать дальше. Ему хотелось кричать и плакать, звать на помощь отца. Он не знал, как избавиться от этой крови на руках, чувствовал запах пота убитого им врага. Он не мог больше смотреть на него. С трудом вырвался из навалов камней и побрел, сам не зная куда.

— Вот он, твой Акбас. Держи! — Кенже поднял голову и увидел Сеита.

— Ой, ой, ой, проклятье! Убили моего гnedого, — стонал Сеит. — Сколько сена, сколько дров он перевез за свою жизнь! Сколько раз выручал! А я не смог уберечь его. Ну да ладно. Мне тоже скоро на тот свет. Вот доработаю свое... — Сеит, бросив поводья Акбаса, начал высекать искры из кремня, чтоб поджечь фитиль своего мултука. — Сейчас, сейчас... Видишь, вон неверный, будто паук, карабкается в гору? Я сниму его...

Грохнул выстрел, Акбас поднялся на дыбы, натянул поводья. Кенже еле удержался на ногах. Он зло крикнул на коня, вытер руки о потник и, ведя Акбаса за собой, осторожно пошел меж камней, обходя мертвые тела джунгар. Подобрал свой щит и семсер, поправил седло, сбитое набок, покрепче натянул подпругу и сел на коня.

Ему хотелось скорее найти воду, вымыть руки и лицо, немного попить. Но он не успел добраться до ручья, протекавшего по дну ущелья.

— С первой победой, братья! — Охрипший голос Кетика подхлестнул его. Он повернул Акбаса вправо, туда, откуда раздался голос Кетика. Но, заметив, как один из его друзей соскочил с коня и припал к ручью, не выдержал и сам бросился к воде. Сделав несколько глотков, он начал мыть руки. Рядом с шумом всасывал воду его конь, а выше по течению ополаскивали лицо и торопливо утоляли жажду другие жигиты. И тут же взбирались на своих скакунов, а те, у кого их не было, те, кто готовил каменные завалы, ловили вражеских коней, оставшихся без хозяев.

Кенже не знал, сколько длился бой — час, полчаса? Но он почувствовал, что солнце уже высоко. Взбираясь на Акбаса, он в третий раз увидел человека со шрамом на правой щеке — тот по-хозяйски осматривал захваченного коня. У него уже не было дубины. За могучими плечами висел колчан. В руках он держал лук и щит, на поясе болталась сабля, а рядом в землю была воткнута пика — все это оружие только что принадлежало кому-то из джунгар. Под ногами у него лежали шлем и кольчуга. Видимо, он бросил их потому, что они были малы для него.

— Сколько наших полегло, Сатай-ага? — Рядом с ним гарцевал на своем скакуне Кетик.

— Наверное, не меньше сорока, а то и все пятьдесят будет, — буркнул Сатай. — Пусть земля им будет пухом и аллах встретит их приветливо, ведь они бились за веру и правду, и за каждого из них по три-четыре неверных в жертву принесено...

— Оставайтесь со своими людьми. Предайте земле тела братьев, раненых отвезите подальше в горы, в свои пещеры, — сказал Кетик.

Сатай недовольно проворчал что-то, затем сказал басом:

— Иншалла.

— На коней, жигиты! Скорее на помощь батыру! — Кетик направил своего коня в обход завала. Кенже бросился за ним, не слыша голоса Сеита, предлагавшего ему кусок лепешки.

Когда кони торопливо вскарабкались наверх из глухого тенистого ущелья, солнце внезапно ударило в лицо жигитам. Кенже, отводя глаза, оглянулся назад и увидел, что отряд Кетика еще многочислен, что места тех, кто пал в бою, заняты другими, которые готовили завалы из камней. Одежда и кольчуги многих были изодраны, у одних — ссадины на лицах, у других — раны на руках.

— Выше, выше берите! Мы должны напасть на них сверху, чтобы нас еще издали увидели проклятые джунгары! — вдруг закричал Сеит.

Конь, храпя, понесли своих седоков на самую вершину.

Там Кетик поднял пику, прищпорил своего скакуна, приподнялся на стремянах и, когда перед ним открылась долина, с криком: «Алга-а!» * — устремился вниз. За ним покатились сотня. Кенже всем телом отпрянул назад и правой рукой вцепился в хвост Акбаса, ноги сами, как клещи, обхватили туловище коня. Все это он делал, как и другие, словно помимо своей воли, подчиняясь давней привычке. А взгляд его был устремлен в долину, где шла битва жигитов Малайсары с тысячной армией джунгар.

В клубах пыли и дыма сверкали на солнце сабли и наконечники пик. В трех-четырех местах, словно в огромном растревоженном муравейнике, в яростной крутоверти бились джунгары и сарбазы. Кенже заме-

* Вперед!

тил — в полуверсте от центра битвы, в небольшом логу, алел шатер на колесах, окруженный плотной стеной конных и пеших. К шатру и от шатра к центру боя сломая голову неслись всадники. Других шатров на колесах уже не было. Их опрокинули, смяли.

Кетик, выбирая дорогу прямее и короче, вел свою сотню к логу, к последнему шатру. Но вот их заметили, и с неистовым криком, вырвавшись из пекла сражения, отбиваясь от настигавших сарбазов, наперерез сотне Кетика бросились джунгары.

Впереди всех скакал коренастый, плотный воин на сильном коне, грудь которого была укрыта железными пластинками. Воин скакал, заслоняясь щитом. В его левой руке застыла длинная пика, на голове сверкал шлем с золотой стрелкой, тонкое стальное кружево, спадая из-под шлема, укрывало плечи и шею. С пояса свисала чуть приподнятая от быстрой скачки сабля с переливающейся инкрустацией на ножнах. Лицо было плоским, безусым, трудно определить — молод он или стар. Наверное, китаец, подумал Кенже.

Кенже сильно прищпорил Акбаса, чтобы настичь Кетика и рядом с ним встретить удар зловещего джунгара. Но Кетик внезапно повернул коня в сторону, избегая лобовой встречи.

— Берегитесь стрел! Корала, корала готовьте! — Он вел своих жигитов круто в сторону, и стрелы лучников, охранявших шатер, пролетели мимо.

Жигиты направили свои стрелы прямо в скопище врага и, не сдерживая коней, обошли шатер с тыла, налетели на охрану мынбаши.

Все смешалось. Трудно было отличить своих от чужих. Кенже вместе со всеми катился к этой долине, окровавленной, оцетинившейся пиками, разрезаемой саблями, тесной, пропахшей кровью, потом и пылью, осатаневшей от свиста стрел, от предсмертных криков и стонов людей и коней...

Он видел лишь искаженные то ли от страха, то ли от ярости лица своих и чужих и искал хотя бы мгновенной передышки, а слух его улавливал лязг железа, тонкое, пронзительное ржание взбешенных и наседавших друг на друга коней, рев, плач и проклятия людей, оставшихся под копытами.

Кровь, кровь была всюду. На одеждах. На щитах. Она внезапной струйкой пробивалась из шеи друга или

врага. Кенже видел глаза, то залитые кровью, то остекленевшие — все, весь этот ад навалился на него. Он кричал, кричал от радости и страха, когда видел, как под его ударами слетает с седла один, другой, третий... Но даже сам не слышал собственного голоса. Щит спасал его от ударов в лицо, в живот, от удара слева, а семсер помогал отбиваться от наседавших справа.

Вот сотня Кетика оказалась в самой гуще джунгар. На жигитов наседали со всех сторон, и уже казалось, вот-вот сомнут их, растопчут враги. Но нет. О аллах, Кенже увидел батыра!

Малайсары пробивался навстречу. Скопище джунгар редело на глазах. Опрокинув с коня одного, другого, Кенже уже готов был кричать о победе, но в это мгновение он услышал, услышал четко и ясно голос Сеита! Он оглянулся и увидел старика, поднятого на трех пиках. Длинные седые волосы прилипли к лицу. Видение исчезло в следующую же секунду, послышался тонкий, пронзительный свист, забил барабан. Джунгары отпрянули назад, оставив на месте еще не понявших, что произошло, но радостно устремившихся друг к другу сарбазов.

И когда жигиты уже единым потоком, подчиняясь воле батыра, с победным кличем бросились за джунгарами, раздался громовой удар. Там, где стоял шатер, полыхнули языки пламени. Несколько всадников слетело на землю, два скакуна с перебитыми ногами забили в предсмертных судорогах. Кони от страха закружились, не слушаясь поводьев. Ужас охватил многих сарбазов: джунгары нарочно отошли назад, чтобы заговорили пушки.

— От атар! * Мы погибли! — десятки жигитов повернули назад. И неизвестно, что бы произошло, если бы в эту секунду они не увидели Мергена и не слышали его клича.

— Надо заткнуть им пасть! — С горсткой самых бесстрашных жигитов он мчался прямо туда, откуда только что из трех черных жерл с грохотом вырвалось пламя и полетели ядра. Не дав повторить залп, они надели на джунгар у пушек и, опрокинув их, заарканили чугунные стволы, стащили с лафетов, поволокли за собой, разбивая о камни.

Последний шатер был опрокинут. Мынбаши поки-

* Огнестрел.

нул его. Он уже восседал на белом коне. Сверкал его шлем, на плечах развевалась легкая, позолоченная шуба, она прикрывала его старую кольчугу и падала на круп скакуна.

Окруженный плотным строем телохранителей, он выехал на небольшую возвышенность. Оттуда была видна вся долина, все поле битвы. Взмахом сабли показал на скопление казахских ополченцев, направляя главный удар. Но атака не удалась, жигиты Малайсары, Мергена и Кетика, увернувшись от удара, рассыпались на три части и вновь вклинились в ряды джунгар с разных сторон. А с тыла на них уже наседали сотня бесстрашного Кенеса.

Мынбаши джунгар не мог управлять своей конницей. Вместе с телохранителями он искал выхода из этого кольца. Ряды его всадников редели на глазах. Многие пытались ускакать назад, искали спасения...

Надежда мынбаши, что к нему на помощь подойдут сотни, усколавшие вперед, не оправдалась. Он не знал, что две головные сотни уничтожены в глухом ущелье.

Джунгар все еще было много. Но, привыкшие лишь к лобовой атаке и не ожидавшие столь яростного сопротивления, не знавшие, сколько мстителей укрывается за скалами, в ущельях этих грозных, таинственных гор, они были охвачены паникой. Да и сам мынбаши уже понял, что битва проиграна, что надо скорее поворачивать остатки своей конницы назад и преградить сарбазам дорогу к шатру Галдана Церена.

Мынбаши повел своих прямо на жигитов Кенеса, чтобы вырваться из кольца, в тот миг, когда Кенже услышал крики:

— Мерген! Мерген! О аллах! Не стало Мергена

Малайсары остановил своего коня и оглянулся на крик. Он увидел, как Кетик, соскочив с коня, бросился к лежащему на земле Мергену. Когда подбежал к нему батыр, Мерген с трудом открыл глаза и с тихой тоской взгляделся в небо, где кружились стаи воронов, потом перевел взгляд на Малайсары.

— Сохрани оставшихся сарбазов... Сохрани. Для главной битвы, долгой битвы, брат. Это моя последняя просьба... К единству зовите народ, расскажите о нас. Джунгары сильны...

Мерген умолк.

Прошла минута, а казалось, прошла вечность, прежде чем он вновь заговорил:

— Прощай, батыр... Аллах вам поможет, — губы Мергена чуть скривились от боли, а может, он хотел встретить смерть с улыбкой.

Атай снова оказался рядом с Кенже. Он осторожно платком вытер кровь с лица Мергена и начал читать молитву. Еле заметная дрожь прошла по телу старика. Малайсары сорвал со своего плеча тонкую абу* и закрыл ею Мергена.

— Готовьте носилки. Мы похороним его на вершине горы...

...Над всей долиной легла тень. Солнце, ударившись о вершины западных скал, кровавым пятном расплылось по горизонту. И хотя с того мгновения, как Малайсары подъехал к Мергену, прошло всего лишь несколько минут, бой уже отдалился. Джунгары прорвали кольцо.

Малайсары надел шлем и вновь вскочил на своего взмыленного скакуна. Теперь, без накидки, батыр выглядел более рослым. Сейчас от его единого слова зависело, умереть всем здесь, догнав и добив остатки джунгар, или остаться, чтобы собирать новое ополчение. Малайсары окинул взглядом поле боя. Жигитов оставалось немного — тридцать-сорок всадников из каждой сотни. Устали кони, устали люди. Но они не думали об усталости. Они ждали, что скажет Малайсары.

Батыр медлил. Он молча слушал Кенеса.

Еще в самом начале сражения Галдану Церену, ехавшему в окружении трехсот телохранителей, удалось повернуть назад. По всему видно — утром здесь будет новая тысяча. Два жигита из ставки Галдана сумели уйти до своего хозяина и влиться в казахскую сотню.

Малайсары смотрел, как в двух-трех верстах от него мынбаши джунгар, собрав остатки своей разгромленной тысячи, медленно уходил назад. В надвигающемся вечернем сумраке казалось, что их вновь стало много. Они не решаются повернуть коней и не идут в последнюю атаку лишь потому, что боятся, как бы из горных ущелий не нагрянули новые, свежие силы казахов. Чужие горы — загадка для врага.

* Накидка.

— Настало время вечернего намаза, в этот час прекращаются битвы, — спокойно сказал Малайсары, наблюдая, как настороженно удаляются джунгары. Там... — Малайсары указал влево. — Там есть узкий овраг. В нем мы похороним наших братьев, отметим их могилу камнями. Пусть половина жигитов займется павшими, а остальные стоят наготове, следят за джунгарами.

...Ведя в поводу изможденного Акбаса, Кенже опирался на свой семсер и шел от одного распластанного тела к другому. Он был молчалив, хмур. Сейчас, если бы кто-нибудь пригляделся к нему, то он не признал бы в нем того юного жигита, которого в прошлую дождливую ночь силач Атай привел в ставку Малайсары.

Тяжело ступая по земле, он шел усталый, но готовый к любым испытаниям. Он искал тело своего друга, наставника, он искал старого Сеита, которому отец поручил его как самому надежному, мудрому брату.

Кенже шел, не зная, что он предпримет дальше — пойдет с Малайсары или вернется к отцу, в свой скитающийся в песках, обездоленный и обескровленный аул. Собственно, в эту минуту он не помнил ни об отце, ни об ауле. Лишь резкой болью прошла по сердцу тревога, когда из глубины памяти вырвалось одно имя, и он повторил это имя, сам не слыша себя: «Если бы ты видела и знала, Сания...»

Сейчас у него была лишь одна цель — найти тело Сеита и предать его земле. Пробираясь к долине на запах смерти, где-то в ущельях тонко скулили шакалы, им подвывали волки. Над трупами, не боясь никого, несмотря на поздний час, громоздились вороны и грифы.

Вглядевшись в землю, Кенже нашел мултук Сеита, а неподалеку — и его хозяина, который никогда больше не возьмет в руки свое оружие.

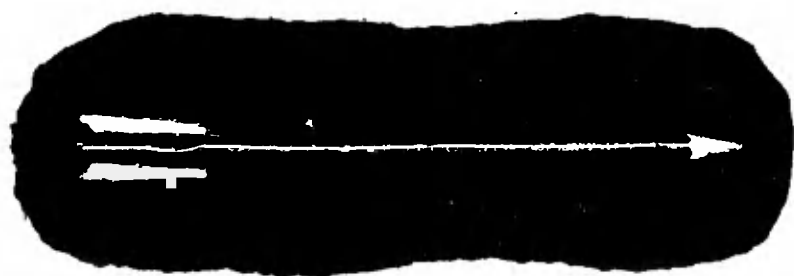
Семсером он отрезал кусок ткани от растоптанного конями шатра мынбаши и завернул в него тело Сеита. Сел возле и устало закрыл глаза. Но голос Малайсары, доносившийся откуда-то сверху, вывел его из забытья.

— Помогите Кенжебатыру...

Услышав слово «батыр», прибавленное к собственному имени, Кенже поднял голову и увидел, что рядом стоит Малайсары.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Манай не дождался возвращения сына. Не вернулся и Сеит. Пятнадцать дней после столь неожиданного и обильного дождя караван Маная скрывался в зарослях тугая у небольшого ручья.

Люди понемногу приходили в себя, зарубцевались раны. Мужчины порой выходили на охоту к сайгачьим тропам, удавалось иногда добыть и диких куланов. Женщины умудрялись готовить достаточно кымрана и кумыса из молока трех оставшихся в караване верблюдиц и нескольких кобылиц. Мяса теперь было вдоволь, хватало и молока. Не было только хлеба. Просо и пшеницу, поджаренные на масле или сваренные в молоке, ели раз в день.

После дождя на короткое время в песках зацвели эфемеры. Так что караван беженцев на целых две недели обрел спокойное пристанище. Люди отдохнули, вернули силы, и по вечерам у небольших костров, как в былые времена, были слышны шутки и смех.

Но когда наступала ночь, людей вновь одолевал страх, томило ожидание. Чуток был сон аула. Хруст веток, крик ночной птицы или крадущиеся шаги зверя — все настораживало их. Днем и ночью, сменяя друг друга, в нескольких верстах от стоянки каравана не смыкали глаз караульные, наблюдавшие за степными тропами и за небольшой дорогой, ведущей к Аккуй-гашу.

До глубокой ночи в юрте Маная сидели старики, коротая время за долгой тихой беседой.

— Уйдем от воды — погибнем в песках от жажды или попадем в лапы джунгар, — вздыхали старики.

Никто не спрашивал, где сейчас враги и как закончилась битва Малайсары. Никто не спрашивал Маная о сыне, не упоминал имени Сеита. Старикам хотелось бы отвлечь Маная от тяжелых раздумий, занять мирными разговорами. Но у каждого было свое горе.

— Наши ханы и султаны забыли о семи заповедях

предков, забыл о них и сам народ, вот почему на нас разгневан аллах, — вздыхал табунщик Оракбай.

— «Богатство народа в единстве и мире», — говорили предки. Но разве у нас осталось единство между родами одного племени? Между аулами, принадлежащими к одному роду? Нет! — после угрюмого молчания произнес Манай. — «Единство всех племен перед врагом — меч победы», — говорили предки. Разве есть оно у нас? Нет! Мы, как стадо перепуганных овец, бежим по степи от волчьей стаи джунгар. Волки становятся во сто крат кровожаднее, когда видят перед собой бегущее стадо. Издревле утверждали, что наследником скакуна становится жеребенок. Бог не дал славному Тауке-хану достойного сына. У льва родился котенок. Ни мудрости, ни смелости в нем. Священное дело незабвенного Тауке превратилось в прах. Ханы и султаны забыли клятву о братстве, скрепленную кровью на Улытау. Наследник Тауке, Болат-хан предал дело своего отца, не смог сохранить все то, что было создано Тауке. Человеку лишь две вещи помогают править людьми — или мудрость и сила, или жестокость и хитрость. Другому не покорялись в степи.

Манай умолк.

Вновь воцарилась тишина.

— Ты очень устал, Манай. Твои ли это слова? — осторожно промолвил старик, первым начавший беседу. — Все идет по воле аллаха. Мы лишь рабы его.

— Мой разум еще чист, — твердо и раздельно ответил Манай. — И я не забыл великую заповедь степи: не бояться говорить правду, перед кем бы ни стоял — перед другом или врагом, перед ханом, палачом или рабом. Поэтому поэты степи и те, которых сам народ возводит в сан биев и батыров, никогда не отступали от правды. А ханы никогда не смели оборвать поэта, бия, батыра, если он говорит правду при народе. Еще предок Тауке-хана воин Хакназар* говорил: можно отрубить голову, но нельзя отрезать язык. Так что же

* Сын Касыма, первого хана, который объединил под своей властью всех казахов. В конце 50-х годов XVI века Хакназар был провозглашен ханом. Он царствовал почти двадцать лет. Как талантливый государственный деятель и незаурядный полководец, он сыграл решающую роль в возрождении казахского союза, который тогда приобрел крупное международное значение. Народные предания окружили Хакназара особой славой.

тебя смутило в моих словах? — Манай поднял густые брови и вгляделся в собеседника.

В юрту вошел молодой воин. Держа в руках огромную чашу с кумысом, он поклонился, приветствуя старцев, и поставил чашу перед Манаем. Женщина внесла тостаганы *, резной ковш и вышла.

Сания присела на корточки, начала взбалтывать и переливать кумыс, чтобы хорошо растворить осадок перед тем, как подать напиток. Когда кумыс запенился, она наполнила тостаганы и поставила перед стариками. Под тонкой накидкой из черных железных колечек, свисавших со шлема и прикрывавших плечи и спину, были заметны туго уложенные волосы. Она ни разу не подняла глаз.

Манай ласково сказал:

— Спасибо, дочка. Отдохни. Быть может, завтра снова двинемся в путь.

Она взглянула на Маная. Это был тревожный взгляд. В больших черных глазах отразился испуг. Девушка готова была спросить о чем-то.

— Успокойся и отдохни, дочка. Мы ждем наших гонцов. Они должны вернуться. — Голос Маная был тих и слаб. Не договорив, он поднял чашу, чтобы ответить кумыса, глубокий вздох вырвался из груди. Он не смог сдержать его. Он терял самообладание. Когда он увидел грустные глаза Сании, его вновь охватила тревога о сыне, о своем Кенже.

Он залпом осушил чашу.

Сания встала и, еще раз отдав поклон старикам, покинула юрту. А ее отец Оракбай снова вступил в беседу:

— Извелась она у меня. Каждый день вместе с дозорными уезжает в караул. Увидев пешехода или всадника, бродящего по степи, мчится навстречу, не слушая предостережений и невольно увлекая за собой жигитов. Всех бедных беглецов и бродяг приводит сюда. Уже человек двадцать прибавилось. Двадцать лишних ртов. Она все еще ждет своего Кенже...

Манай не ответил. Он еще ниже опустил голову. Сжались веки. Оракбай умолк, почувствовав, что невольно причинил боль Манаю.

За все пятнадцать дней Манай ни разу не упомянул

* Деревянная пиала.

имя сына. Но каждый знал, что он думает только о нем, о своем последнем. Люди знали, что здесь долго оставаться нельзя. Что больше ждать нет времени — могут нагрянуть джунгары и перебить всех. Но они понимали своего вожака. Вместе с ним ждали вестей от Кенже и Сеита...

Старики молчали и нехотя мелкими глотками пили кумыс. Посередине юрты стояла небольшая железная чаша на треноге. На одном ее краю был отлит маленький железный конь с понуро опущенной головой, на другом, поджав под себя ноги, сидел маленький железный человечек. Чаша была наполнена маслом, между конем и человечком горел фитиль. Узким, длинным было пламя светильника. Оно колебалось от малейшего дуновения, и тогда по лицу сидящих пробежала еле заметная тень. Старики молча глядели на пламя, на грустного железного человечка и усталого коня, устроившихся у огня. За стенами, время от времени глубоко вздыхая, верблюды жевали свою жвачку, порой во сне скулила собака, а из глубины песков доносился вой шакала.

— Ты вспомнил о славном Хакназаре, Манай, — чтобы как-то рассеять эту гнетущую обстановку и направить беседу в другое русло, проговорил старик, который в этот вечер первым начал речь. — Ты вспомнил и об отце Хакназара — хане Касыме. Но ведь и Касыму и Хакназару в их делах помогала мудрость благословенного Аз-Жанибека, отца Касыма и деда Хакназара. Касыму он помогал советами, Хакназару помогло его имя, его слава в народе. А сам же благословенный Аз-Жанибек был бедным скитальцем, но его мудрость и справедливость придавали народу силы, помогали избегать ненужных междоусобиц, укрепляли братство племен. Так что же теперь? Оскудела наша земля? И некому объединить наших владык, одолеть их своей мудростью? Некому призвать народ к единству? Или уже мы сами, сам народ стал настолько глуп, что не слышит призыва своих заступников? Если страх одолел Болат-хана, то где же Толе-бий? Его мудрость и прозорливость почитаются всеми племенами Великого жуза. Ведь ни Болат-хан, ни султаны, ни батыры наши не посмеют послушаться его! Где же славный и велеречивый Кызыбек-бий, любимец Среднего жуза? А знаменитый мудрец Младшего жуза — алшынец Айтеке-

бий? Неужели страх одолел и их, и они не могут сообщать призвать народ и ханов к спокойствию, к объединению перед лицом жестокого врага? Неужели уж так бессильна и непонятна Казахия, что не внемлет их голосам? Ведь издревле сам народ, не щадя жизни своей, шел на верную смерть, исполняя волю тех, чьей мудрости, чьей справедливости он доверял сполна! Где же жырау наши? Почему в степи не слышно их голосов, почему они не напомним народу о былой силе, о победах, не призовут наших батыров на священную битву? Или им горло залили свинцом, или от страха ослепили их глаза? Что же ты молчишь, Манай? Или горе постигло только тебя одного? Или мы не потеряли своих сыновей?.. Эти люди, что сегодня, как бездомные собаки, лежат вокруг твоей юрты на холодной земле под кустами саксаула и туранги, ждут твоего решения. Теперь их судьба зависит от тебя! Ты, потерявший всех своих сыновей, стал для них ныне единственным отцом. Мы не в силах вести их... Прости, Манай. Твое горе — наше горе. Беда народа — твоя беда. Ты сам напомнил нам истину. А истина, как верная любовь мужчины, не признает ни горя, ни радостей, не щадит седин, не считается с годами. Нам нельзя предаваться своей печали под вой шакалов...

Светильник горел тускло. Оракбай подлил масла, поправил фитиль. Синее пламя обрело силу, в юрте стало светлее.

Манай поднял голову, поправил халат, накинутый на плечи, густые его брови медленно поднялись. Слегка проведя ладонью по свисающим усам и бороде, он устремил свой задумчивый взгляд на маленького железного человечка, прикованного к светильнику.

— Ты, как всегда, жесток и правдив, Алпай. По годам мы сверстники, и я никогда не мог властвовать над тобой, но всегда я находил в тебе опору. Я сед, как видишь, а тебя седина не берет... Что ответить тебе? Вопросами на твои вопросы?.. Разве ты не слышал сегодня утром слова безвестного пришельца, который стремителен, как молодой скакун, и чей взгляд смел. Он назвал себя добровольным глашатаем, сказал нам, что на тучных пастбищах великой степи Сарыарка появились батыры Тайлак и Сасырак и что они собирают свою конницу, что они призывают всех казахских жигитов объединиться с ними, собрать силы в единый

кулак и ринуться на врага. Но пока что люди мало знают об этих батырах. Соответствует ли их сила их мудрости?.. Но правда и то, что каждая война рождает своих героев, как и каждое состязание на тое — своих победителей. Быть может, это начало будущих побед, начало конца нашим распрям... Но что же мы ответили глашатаю? Что у нас нет столько сарбазов, чтобы их можно было бы послать с ним к батырам. Он и сам увидел, что это так. Он остался с нами, чтобы защищать нас, разделить нашу участь. Вместе с ним к нам прибыл и этот человек с посохом — нищее дитя аллаха. Как святой старец Кыдыр, он бродит в поисках счастья по свету. Говорят, что он видел джунгар, что он родом из Хиндустана. Идет по дорогам третий год. Но языка нашего не знает. Глашатаю он встретился в пустыне и пришел вместе с ним к нам... Я ждал вестей от Малайсары. Но уже прошло пятнадцать дней. Мы чувствуем, что костры джунгар приближаются к нам, окружая наши пески. Сарыарка далеко... Путь туда лежит через Алтынколь. А враг близок. Так что же ты скажешь, друг мой Алпай? Пусть сегодня твое слово будет последним, и мы примем его!

Аксакалы понуро опустили головы. В сердце прокралась тревога. Заерзал на месте табунщик Оракбай, то и дело без нужды поправляя фитиль светильника. Алпай не ожидал такого поворота беседы. Его продолговатое скуластое лицо стало сосредоточенным, тонкие губы плотно сжались. И то, что он ногтем царапал редкие волосинки своих усов, выдавало его волнение. Так он поступал всегда, когда не находил ответа.

Неужто обиделся Манай, неужто так ослаб? Или непосильное горе надломило его? Эта мысль тревожила всех, кто сидел в юрте.

Как и все собравшиеся здесь старейшины, Алпай готов был сказать: двинемся через тугай к Алтынколю, обойдем его или перейдем через узкий перешеек, что лежит на северо-востоке, отделяя пресные воды озера от соленых. После Алтынколя можно через день-два, одолев пески, достичь границы золотой, обильной травами Сарыарки...

Но ведь обо всем этом знает и сам Манай. Так почему же он, не посчитавшись с волей своего рода, не сказав об этом тем, кто привык ему верить и идет за ним, передал право решать Алпаю?

— Ты действительно устал, Манай. Устали мы все. Мы сейчас как стадо джейранов, на время укрывшихся от погони. Но, слава аллаху, еще не видно погони. Есть еще время все обдумать, — начал Алпай, опережая других. — Если ты не против, то подождем три дня. Иншалла, за это время мы сможем получить вести от твоего Кенже и от Сеита. Они живы. Иначе быть не может. Вот увидишь, Манай, запомни, когда придет твой сын или услышишь о нем добрую весть, то я первый возьму с тебя суюнши. Сниму с твоих плеч халат. На исходе третьего дня ты сам решишь, куда нам идти. И все мы, весь твой аул, пойдем за тобой. Слово последнего — тяжкий груз... Не сваливай на меня такую ношу. Я был с тобою всегда, как и все сидящие здесь. Горе каждого из нас — общее горе. Но не пристало тебе раньше времени опускать плечи. Не кличь беду. Ее и так полно на казахской земле. Иншалла. Кенже твой жив и невредим.

— Истина в словах Алпая, Манеке... Мы готовы ждать твоего решения, твоя воля священна для всех, кто находится здесь... — перебивая друг друга, стараясь подбодрить Маная, заговорили аксакалы.

— Спасибо тебе на добром слове. Сердце мое не хочет верить в гибель батыра Малайсары, в его поражение. Подождем три дня. Аллах милостив, дождемся гонца и на исходе третьего дня двинемся в путь. К Алтынколю...

* * *

Глубокой ночью, когда дозорные на барханах пристально вглядывались в далекие огоньки костров, зажженных стражами джунгар или бродячими беженцами, к аулу Маная из камышовых джунглей Алтынколя прокрался тигр. Он растерзал кобылицу и уволок жеребенка.

Ржание перепуганных коней и рев верблюдиц, напролом устремившихся под защиту юрт и шалашей, лай собак, крики перепуганных женщин и плач детей — все смешалось во тьме. Мужчины бросились к щитам и пикам. Никто не мог разобрать толком, что случилось.

— Ой-бай! Убивают! Джунгары! Спасайтесь! — кричали женщины.

В свалке один налетел на другого, принимая его за врага. И неизвестно, чем бы кончилось это, если бы старый Манай не догадался намотать на шест свое длинное полотенце, облить маслом и поджечь его от костра в юрте и выйти с высоко поднятым факелом к перепуганным людям. Раздался его грозный, как в былые годы, окрик:

— Спокойствие и разум! Люди, сюда!

Он стоял, накинув чапан поверх длинной белой рубахи. На ногах были легкие походные ичиги из замши, выделанной из жеребьячьей кожи, мягкие ичиги без кебиса *.

Седой, почерневший от гнева, он стоял во весь рост, как разгневанный дух. С факела падали огненные капли.

— Что случилось?! Если пришел враг, то умрем достойно!

— Нет никакого врага! Зверь напал на наших коней, аксакал. — Перед Манаем появился жигит-глашатай.

— Разожгите костры. Враг не увидит огня в тугаях, а звери боятся огня, — распорядился Манай. — А ты, сынок, подойди поближе. Ты третий день гостишь у нас, но я не знаю ни твоего имени, ни твоего рода.

— Мое имя Каражал, я из рода садыров. В верховьях реки Боралдай, близ Каратау, есть урочище Ушаши. Два месяца назад джунгары окружили там мой род и перерезали весь. С тех пор то проклятое урочище называют «Сады-мурде» **. Я — самозванный глашатай, зовущий всех казахов к единству и мести, я одинокий мститель, аксакал...

— Какого старца ты привел с собой сюда и откуда он родом, как его имя?

— Это бедный скиталец. Не обидит даже мухи. У него не наша вера. И родина его далеко. Он бродит по свету и рассказывает свои сказки, он знает языки других народов, аксакал. Но нашему еще не научился. Он встретился мне в дороге и пошел за мной. Его зовут Табан. Я понимаю его, когда он говорит на языке парсов.

— Ты смел и честен, сын мой, и сам волен выбирать свой путь. Останешься — будешь сыном нашего ро-

* Поверх ичигов казахи надевали твердые кожаные калоши.

** Кладбище садыров.

да и нашим защитником. Покинешь нас — пусть аллах сбережет тебя от злого друга и жестокого врага...

— Благодарю, аксакал! — Каражал опустился на одно колено и склонил голову перед Манаем. Манаю хотелось обнять его. Ему показалось, что Каражал похож на Кенже.

Факелов стало больше, и при ярком свете Манай увидел: и кольчуга и шлем ладно сидели на Каражале, и сабля его была нездешнейковки. Такие сабли с узорчатыми ножнами умели ковать только кузнецы из рода борте, чьи оружейники не уступали по мастерству оружейникам из рода болатшы. Они добывали руду на Алтае и Каратау, ибо род борте, так же как и болатшы и бадыры, принадлежал к многочисленному племени найманов, чьи земли простирались от Алтая до Каратау и составляли основу Великого жуза.

— Правду говорят, что на упавшего все удары сыплются... — К Манаю подошел Алпай. — Тигр загрыз кобылицу и унес жеребенка. Это стало причиной переполоха. Но это не все. Как говорят, трус умирает трижды. Вот и сейчас самая главная беда произошла не от набега тигра, а от нашей трусости перед джунгарами. Двое ранены. Друг друга приняли за врага. Один вскочил на коня, огрел другого дубиной, а тот в ответ вонзил ему пику в бок. Убит один из тех, кто примкнул к нам, ища защиты... Многие разбежались по тугаям...

Каражал не дослушал его. Он направился к костру, где стояла Сания.

— Скоро начнет светать. Надо, чтобы теперь люди были наготове. Днем покойника предадим земле. Дадим отлежаться раненым. Пусть все будет готово в дорогу... — говорил Манай, глядя туда, где стояли Каражал и Сания. — И запомни, Алпай: в такие времена людей не приходится укорять за то, что им страшно...

Да, Алпай, — уже собираясь вернуться в свою юрту, добавил он. — Сегодня тигр ушел безнаказанно. Значит, он придет и завтра. Днем надо прочесать окрестность, а ночью — не тушить огней. А теперь пора готовиться к утреннему намазу.

Солнце вновь поднялось над аулом-скитальцем. Вновь началась жара. Но люди уже не обращали внимания на нее. Они хоронили того, кто погиб в ночной суматохе. Старики осматривали окрестности, чтобы подальше отпугнуть тигра. Каражал вместе с табунщи-

ком Оракбаем и его дочерью направился в караул — проверить, не рыскают ли вблизи вражеские разъезды.

Они отъехали верст пять и, оставив коней с теневой стороны, сами взобрались на гребень бархана, залегли. Прождали часа два. Солнце поднялось к зениту. От жары накалилась одежда. С Оракбая пот лил градом, старика совсем разморило. Уже пора было возвращаться назад. Дорога пустынна и безлюдна, словно в этом краю нигде не было ни людей, ни животных.

Все трое сошли с бархана, подправили седла, подтянули подпруги и решили в последний раз, не слезая с коней, подняться на вершину и окинуть равнину взглядом. Кони, торопливо выдергивая ноги из сыпучего песка, храпя, взобрались на гребень. И тут все трое неожиданно увидели двух всадников, усталой рысью направлявшихся в сторону Аккуйгаша.

— Назад! Они увидят нас! — крикнул Оракбай.

— Уже увидели, аксакал, — ответил Каражал. — Вы оставайтесь здесь, а я поскачу к ним. Если враги, то постараюсь не упустить их, если друзья — узнаю, с какой вестью идут! — Каражал хлестнул своего коня плетью и с места пустил его вскачь.

Сания рванулась за ним, но Оракбай ухватил ее коня за повод.

— Не рвись в огонь, дочка. Это не женское дело. Там нет ни Кенже, ни Сеита. Сама видишь...

Двое путников, завидев скачущего навстречу им одинокого всадника, остановили своих коней. Вытащили из колчана стрелы, приготовили луки.

Каражал осадил своего скакуна на расстоянии, где стрелы не могли достать его.

— Кто вы? И куда направили своих коней? — спросил он, дотрагиваясь до своего оружия.

— Кто ты сам? И что там за стойбище? — вместо ответа крикнул тот, что был постарше. — Разве не видишь, кто мы такие?

— Я вижу, что вы готовы направить в меня свои стрелы!

Незнакомцы переглянулись и нехотя уложили стрелы обратно.

— Ну вот, теперь я могу подъехать к вам... Далеко ли лежит ваш путь, благополучен ли ваш аул?.. — по древнему обычаю приветствовал их Каражал.

Перед ним были два усталых человека с осунуши-

мися и заросшими щетиной лицами. Впалые глаза, пересохшие губы. На одеждах — черные, запекшиеся от солнца следы крови.

— А разве в этих краях еще есть уцелевшие аулы и ты знаешь к ним дорогу? — стремясь сохранить достоинство, с усмешкой спросил молодой.

— Прости, брат. Мы обо всем расскажем потом. А сейчас мы твои добровольные пленники. Веди нас к своим и дай глоток воды. Мы вырвались из ада, — перебил его старший.

— Видно, твоя сабля еще не прикасалась к мечам джунгар. Вот и гарцуешь перед нами, словно батыр какой, — не унимался младший.

Но Каражал не стал с ним препираться.

— Будьте гостями у нас. Я сам такой же скиталец, как и вы. Джунгары водятся не только в этих краях... — Он повернул коня и повел двоих за собой туда, где их ждали Оракбай и Сания.

Не оглядываясь назад, он вдруг затянул тоскливую песню:

С вершин Каратау кочевья идут...

За каждым кочевьем одинокий верблюд...

Потерять родных, родную землю — нет горя тяжелее.

Не сдержишь слез — они текут, текут...

Двое скитальцев, доверившихся ему, слушали молча. Это была новая песня, которую они раньше не слышали. Но песня эта была о них. Только переменить «Каратау» на «Джунгарту», и все...

— Это песня о нас, наших разоренных, сожженных аулах, погибших отцах и угнанных сестрах. Эта песня о моем перерезанном джунгарами роде! — внезапно повернувшись, крикнул Каражал. Он обращался к молодому воину. — И я пришел в эти края не в поисках рая!.. Вы слышали о Малайсары? — вдруг спросил он.

— Мы его сарбазы, — ответил старший.

— Он одержал победу?

— И да и нет.

— Он жив?

— Все мы в руках аллаха...

— Значит, вы покинули его.

— Нет, жигит. Мы не покинули его. Вместе с ним и смерть казалась бы победой. Мы выполняли его волю...

Незнакомцы первыми приветствовали Оракбая и Са-

нию. Взгляд младшего задержался на походном торсук, притороченном к седлу Сании.

— Нет ли у тебя хоть глотка воды, жигит?

Сания быстро отвязала торсук и протянула его незнакомцу.

— Там немного осталось.

— Ничего, поделимся.

Сделав несколько глотков, утерев губы, старший передал торсук молодому. Тот, запрокинув голову, жадно выпил остатки кымрана*.

— Спасибо тебе, брат, сколько дней, а то и месяцев я не испытывал такого наслаждения. Какой отменный кымран!

— Да, сынок, недаром казахи говорят, что в голодные дни даже вареная баранья кожа имеет вкус халвы, — сказал Оракбай. — Вот так и прокисший кымран кажется ханским напитком. Видать, далек и труден был ваш путь.

— Дорога не так уж далека, но ее удлинители джунгары. Мы петляли, как мыши петляют зимой под снегом, чтобы уйти от лап прожорливой лисицы.

— И много ли вы их видели? — спрашивал Оракбай по пути к тугаям, где укрывался аул Маная.

— Немало их полегло под камнями ущелий, немало от стрел и сабель сарбазов Малайсары. Но еще больше их сейчас разъезжает по дорогам и горам. Не истребить их, как невозможно истребить саранчу.

Оракбай молча кивал головой. Но Сания, услышав имя Малайсары, встрепенулась и, опережая отца, спросила:

— Агай! Не слышали ли вы о жигите по имени Кенже из рода болатшы?

— Не видали ли старого сарбаза Сеита — опекуна Кенже? — добавил Оракбай.

— Нет... О, эта была великая битва. Жигиты стояли насмерть, и никто не спрашивал, кто из какого племени или рода. Мы одолели джунгар днем, они окружили нас в горном ущелье. Их свежая конница, посланная вслед нам, под покровом ночи взяла нас в кольцо. Малайсары велел нам вынести тело своего друга, нашего любимца батыра Мергена, павшего в битве. Мы сумели прорваться, но в живых остались только двое... Вот

* Кумыс, изготовленный из верблюжьего молока.

он, Томан, — он показал на молодого. — И я. Меня зовут Накжан. Мы вдвоем предали земле тело Мергена. Но прорваться к своим уже не смогли... Отбиваясь от наседавших врагов, Малайсары уходил все дальше и дальше к неприступным вершинам Актау, что стоят над бездонными ущельями Текели... — рассказывал усталый Накжан, пробираясь сквозь густые туранговые заросли и кустарники.

Сания придержала коня.

Томана и Накжана сопровождали Оракбай и Каражал. Они больше не задавали вопросов. Ехали молча. Путники еще не знали, куда их ведут, что за люди встретят их. И лишь когда в густых зарослях тугая показались юрты и шалаши беженцев, Накжан, словно предостерегая, проговорил:

— Ночью с высоты горы Матай мы видели костры джунгар. От них не скрыться, они могут появиться и здесь. Идут к Алтынколю. Спешат в Сайрам и Туркестан, где уже хозяйничают их мынбаши, прорвавшиеся через Текес и Киргизские горы...

Сания уже не слышала его. Свернув в сторону, она скрылась в зарослях. Ей хотелось побыть одной.

«Нет. Нет. Неправду говорят эти люди... Ты жив... Ты жив, мой Кенже, и я найду тебя», — мысленно уверяла она себя, защищая от пружинистых веток затуманенные слезами глаза. Густые высокие заросли камыша и старой колючей облепихи то и дело преграждали дорогу. Конь, привычно петляя, шел по узкой звериной тропе к маленькой речке, которая начинала свой путь где-то на холмах или в горах и, чудом преодолев знойные пески, бесшумно змеилась в тени густых зарослей. Подступы к речке здесь были наглухо закрыты. Лишь там, где хозяевами берега встали тополя, где берега были засыпаны мелкой галькой, можно было подойти к воде, утолить жажду. Речка сохраняла прохладу, словно напоминая, что родилась она в сердце горных ледников и несет память о них.

Поглощенная своей тревогой, воспоминаниями, печалью, Сания не заметила, как конь пробрался к песчаным тополям, к тому месту, где она уже дважды побывала за эти дни, — на крохотную полянку, окруженную плотным частоколом камыша.

Больно и тоскливо было на сердце. Эта боль возникала у нее не раз после того, как Кенже уехал с Сеитом.

И если раньше, как казалось ей самой, она могла легко переносить любые потери, побеждать свое горе и радоваться тому, что многие жигиты к ней равнодушны, снисходительно посматривать на других девушек аула, если раньше она никогда не знала одиночества, то сейчас все эти ранее неведомые чувства навалились на нее.

Еще до джута и нашествия джунгар в своем родном ауле она не раз слышала признания в любви от жигитов. Правда, об этом мало кто знал, кроме нее самой. Горы не степь. И не все здесь на виду, как в степном ауле. Горы умеют хранить тайны.

Она была единственной дочерью Оракбая. Отец ни разу в жизни не сказал ей резкого слова. И мать и отец никогда не упрекали ее ни в чем. Она росла смелой и своенравной, была любимицей не только своих родителей, но и всего аула. Однако джут и нашествие многое изменили. От аула остался нищий караван. Канули в вечность беззаботные дни, неожиданно вспыхивающие и быстро гаснущие девичьи увлечения. Все быстро прошло, как проходит весеннее цветение трав. И теперь помимо ее воли и желания все мысли, все думы были о Кенже. О своем сверстнике.

Конечно, Кенже не таков, как все другие жигиты, которые искали ее благосклонности. Он более мягок и робок, чем иные, чем этот Каражал, например, который попал к ним всего несколько дней назад и уже с нетерпением поглядывает в ее сторону, ждет удобного случая, встречи наедине.

Но все же почему она так тревожится за судьбу Кенже? Почему так грустно, почему так болит сердце?

Два года назад, незадолго до смерти, мать, заметив, как она смеялась над Кенже, который тогда при встречах молчал, говорила: «Дочка, не смейся над ним. Над любовью не смеются. Любовь никогда не приходит одна. С нею приходят и печаль, и тоска, и горе. Мы всю жизнь дружно живем с твоим отцом, я всегда была ему покорна. Пусть он не умнее других, но он добрый, и я всю жизнь не теряла нежности к нему. И аллах свидетель — разве это нельзя назвать любовью? Но я от тебя не утаю своего греха. Всю жизнь я не могу забыть одного человека. Такого же пастуха, как твой отец. Мы ни разу наедине не встречались с ним. Он никогда ничего не говорил мне. Но я часто видела его. А потом он умер. Уже год прошел. И вот теперь, о, прости старую

дуру, великодушный, милостивый аллах, мне кажется, что я всю жизнь жила только им. Мне теперь страшно и стыдно перед твоим отцом — добрым моим Оракбаем... Вот, дочка, как бывает... Не смейся над Кенже. Я по глазам его вижу...»

«А как звали того пастуха, который молчал и молча умер?» — беспечно рассмеялась тогда Сания.

«Что ты, что ты, дочка... Не умножай греха!» — Мать замахала обеими руками.

Сания улыбнулась, вспомнив, какой растерянный вид был у матери.

Конь уже стоял на знакомой поляне, которую прорезала речка и стеной огораживали заросли. Сания соскочила с седла и, оставив коня, прошла к воде. Бросила на землю свою короткую саблю, колчан, лук, щит. Сняла шлем, кольчугу, стянула сапоги и толстые мужские штаны, опустила измятый подол платья, умылась и, расчесав волосы твердым гребешком, сделанным из коровьего рога, села на песок и окунула ноги в воду. Освободившись от тяжелой недевической одежды, Сания почувствовала легкость, от которой давно отвыкла. Ей уже ни о чем не хотелось думать — ни об этих проклятых джунгарах, ни о горе своего аула, ни о нависшей над людьми опасности, ни о Кенже. Она стала, как прежде, собой. Шорох камыша, тихое ворчание воды да ленивый щебет укрывшихся в чаще птиц действовали успокаивающе, заботы и тревоги дня отделились от нее. Конь стоял рядом, хвостом отмахиваясь от мух и мотая головой. Порой, вздрогнув от укуса комара, он ударял копытами и на миг замирал, устремив свой взгляд на Санию, словно удивляясь ее нагоде, густоте ее черных волос, белизне ее кожи. Потом вновь начинал мотать головой — вверх-вниз, вверх-вниз, будто утверждая верность и любовь к своей хозяйке. Было жарко, как и все дни, но здесь, среди высоких зарослей у воды, эта жара была не так назойлива и тяжела, как в барханах или на месте стоянки аула.

Сания вошла в воду. Неглубоко. Чуть выше колен. Медленное течение. Она с наслаждением окунулась. Уперлась руками в дно и свободно вытянула ноги. Перевернулась на спину. От удовольствия закрыла глаза. Вода перекатывалась по груди. Чтобы убрать волосы с лица, она освободила руки и села на дно. И тут, раскрыв глаза, она увидела, как тонкая длинная черная

змея выползает на берег из воды. Сания вскрикнула от неожиданности и бросилась к своей одежде. Конь отпрянул назад и оборвал поводья. Змея уползала в камыши. Сания быстро оделась. Выжала и свернула в тугой узел волосы. Надела шлем. Колчан и щит приторочила к седлу и, взяв коня под уздцы, пошла по узенькой тропе к стоянке аула.

Ее расстроило то, что обыкновенный уж или гадюка так напугали ее. Каждый шорох в камышах настораживал. Она решила пешком добраться до аула, чтобы испытать себя. Ведь если она сейчас испугалась змеи, боится каждого шороха, то какой из нее воин? Вспомнила ночное нашествие. Стало еще страшнее. А вдруг устроился где-то здесь, в засаде, тот самый тигр, что ночью навестил аул? Ей хотелось вскочить на коня и бежать из этой чащи. Впервые у нее мелькнула мысль: зачем она здесь? Можно уехать в глубь степи и найти приют в любом ауле. Она верила в то, что всегда найдется жигит, который возьмет ее под свою защиту.

Нет Кенже. Ну и что из этого? На все воля аллаха, так говорят старики. Жигиты еще не перевелись... Она содрогнулась от своих мыслей и, пожалуй, впервые в жизни подумала о самой себе со стороны, как о постороннем человеке. Чего в ней больше? Красоты или коварства, сострадания к людям или тщеславия? Ведь когда она ехала к ручью и думала о Кенже, где-то подспудно в ней звучало и другое, кто-то словно шептал ей: оглянись на Каражала, он готов сейчас уйти вместе с тобой в глубь тугаев, его объятья крепки, он создан для любви, страсти... Как это, должно быть, жестоко — узнав о смерти того, кого, быть может, любила, в тот же час думать о другом. Ох женщины, неужто неумность плоти, минутная страсть ваша всегда заглушают все другие чувства?!

Вновь послышался шорох в камышах. Конь встрепенулся, наострил уши. Сания готова была вскочить в седло, но тут до ее слуха донесся чей-то голос. Она зажала морду коня, чтобы тот не подал звука, и остановилась. Справа, за плотными стенами саксаула, облепихи и песчаной арчи, переговаривались двое — не настолько громко, чтобы можно было отчетливо разобрать слова. Один жестоко и угрожающе что-то твердил другому. Тот отвечал изредка спокойно, коротко. Сании

показалось, что говорят они не по-казахски, что голос первого похож на голос Каражала. Затем голоса стали еще тише, отдалились, и по тому, как взлетели испуганные птицы, Сания поняла, что эти двое удалились в глубь тугаев.

Она связала разорванный повод, взобралась в седло и, защищаясь от колючих веток, поспешила к стоянке аула.

«Наверное, ошиблась я, — думала девушка, — на каком же другом языке может говорить Каражал, кроме казахского? Да и Каражал ли это? Может, почудилось?»

Въехав в аул, который прежде был разбросан на большой площадке, а теперь, после ночного происшествия, скучился на одном пятачке, огороженном со всех сторон частоколом колючей облепихи и саксаула, нарубленных за день стариками и женщинами, она сразу же, не обращая внимания на других, начала искать взглядом Каражала. Его нигде не было видно. Возле коновязи, устало понутив головы и лениво отбиваясь от мух, стояли кони тех двух жигитов, что привезли с собой печальную весть о Малайсары, да короткохвостый мерин ее отца — Оракбая.

— Куда же ты девалась, Санияжан, тебя отец ищет. Да и этот новенький жигит наш, Каражал, что ли, зовут его, тоже куда-то запропастился, — сказала женщина. И во взгляде, и в словах ее Сании почувствовалось не то осуждение, не то сочувствие. Испытующе смотрели на нее и другие.

— Дочка, где ты? Видит аллах, как ты напугала меня. И что ты еще за дитя!.. Тут звери кругом, да и люди стали не лучше зверей. Ну аллах с тобой. Пойдем по шалашам, собери остатки кумыса и айрана и принеси в юрту Маная. Там гости. Ну, те, что встретились нам... — говорил отец. — Немного отдохнули и поспали они и сами напросились к Манаю. Затянулась их беседа. Там же и Алпай. Видать, разговор у них долгий и тяжелый. Дай им кумыса, дочка.

Выцедив, взболтав и налив кумыс в чистую чашу, Сания внесла его в юрту Маная. Старейшина сурово взглянул в сторону вошедшего, но, увидев, что это Сания, со спокойной грустью сказал:

— Входи, дитя. Кумыс будет кстати.

И сам Манай, и Алпай, и гости были чем-то озабочены, хмуры. Беседа прервалась. Сания почувствовала не-

ловкость и, оставив чашу, собралась было выйти, но Манай проговорил:

— Разлей по пиалам, — и, уже не обращая внимания на нее, продолжил прерванную беседу.

— «Горе одного не тяжелее печали народа», — говорили древние. Если сын останется жив, то вернется, если погибнет, то я верю, что он умрет, не опозорив чести ни своего рода, ни своего отца... Но не о том речь, братья. Горе каждого из нас переросло в муки народа. Кто же может противостоять джунгарам, если у них есть пушки, которые пятнадцать лет отливал рыжеволосый, голубоглазый северный человек неизвестной веры, неизвестного роду и племени, если этот человек научил их владеть пушками, если джунгары решили уничтожить наши города и навсегда властвовать над нами? — Манай тяжело вздохнул, помолчал, пока Сания подала ему большую пиалу кумыса. Потом задумчиво проговорил: — Ваша весть не для нас. Я правду говорю, Алпай? — Он медленно повернул голову в сторону друга.

— Истина твоя, Манай. Но мы должны помочь им.

— Да, нельзя отсиживаться здесь, хотя наши гости и говорят, что джунгары пройдут мимо и не заглянут сюда. Скорее переберемся на другой берег Алтынколя, к Чингизским горам. Во все времена степь слухом полна. Не может быть, чтобы все батыры казахов сидели сложа руки. Аллах не допустит нашей гибели. Не так уж скуден и безроден наш народ, у него найдется сын, способный объединить жигитов всех племен и жузов. Нужно проводить наших гостей к батырам Тайлаку и Саныраку. Нужно только узнать, где они, и направить братьев к ним. Пусть все, что поведано нам, услышат и они. Слух о том, что в шатре и в стане джунгар есть наши люди, укрепит дух батыров и сарбазов.

— Но достаточно ли это для единства? — проговорил Алпай и, словно попросив взглядом прощения у друга, продолжил речь: — Благословенный Тауке завещал нашему народу искать друзей. Ты знаешь об этом, Манай. Он за два года до своей смерти посылал гонцов к белому царю, а царь присылал гонцов к нему, чтобы сговориться о военном союзе, о дружбе на равных, как брат с братом, и в дни опасности вместе идти на джунгар.

— Но этой дружбы нет по сей день, Алпай. Да и захочет ли царь русов подать нам руку, когда мы сами,

как стаи перепуганных шакалов, бежим по степи, перегрызая по ходу глотки друг другу, предавая друг друга. Нет, Алпай. Никто сейчас не подаст нам руки помощи, если мы сами не поймем свою беду и не восстанем для последней схватки, которая должна решить — жить нам или умереть, стать навеки рабами джунгар.

Сания, наполняя чашу одну за другой, не знала, что ей делать, думала, как бы ей выйти из юрты, чтоб не мешать столь тяжелой беседе старейшин. Но если уйти, то кто будет разливать кумыс? Не положено, чтоб аксакалы сами занимались этим. И гостям это не к лицу.

Когда вместе с отцом и Каражалом она встретила этих двух незнакомцев на дороге, то подумала, что они враги. Потом они рассказали о Малайсары, и она решила, что это сарбазы батыра. Они говорили, что выполняли волю Малайсары. Тоской и болью повеяло от их слов, когда она спросила их о Кенже... А что же выходит теперь? По разговору аксакалов получается, что они прямо из стана джунгар. Так кто же они? Сания вспомнила, что старший назвал себя Томаном, а младший — Накжаном.

А все-таки этот Накжан привлекателен, он немножко застенчив и этим похож на Кенже... Но ведь это он, Накжан, говорил, что сегодня или завтра джунгары будут здесь, в этих местах. А дед Манай только что сказал другое, и, видно, сказал с их слов. Так как же верить им? О чем они здесь рассказывали двум аксакалам до ее прихода? Почему они сейчас сидят молча, сосредоточенные, задумчивые, словно совершили великий грех...

И эти голоса в тугаях, голос Каражала... Сания теперь была уверена, что там, в зарослях, она действительно ясно слышала Каражала. Что случилось здесь за то недолгое время, пока она купалась?..

Она была поглощена своими мыслями. Ей, единственной дочери Оракбая, баловнице аула, не уступающей жигитам, ей, которой всегда казалось, что она вызывает зависть всех девушек и женщин аула своей красотой, своим открытым нравом, которая не терпела соперниц и хотела, чтоб жигиты аула вздыхали лишь по ней, удивляясь ее решительности и смелости, сейчас было не под силу разобраться в тонкостях столь простого мужского разговора.

— Дитя мое, позови своего отца — Оракбая. Остальных не тревожь. И пусть все те бедные скитальцы, что теперь оказались вместе с нами, не знают о нашем разговоре, пусть о нем не услышит и тот, кто называл себя глашатаем. Его зовут Каражалом. Он из рода садыр. — Слова Маная прервали мысли Сании.

Она вышла из юрты и передала слова Маная своему отцу. Солнце приближалось к закату. Жара ослабла. Кони и верблюды стояли на привязи в центре поляны, вокруг которой расположились юрты и шалаши беженцев. Перед животными было вдоволь травы, накошенной за день. Возле шалашей и юрт все было прибрано, кое-где лежали готовые выюки. Горело несколько небольших костров.

В лагере беженцев чувствовалось напряженное ожидание. Одни боялись нового прихода вчерашнего полосатого гостя, другие ждали, когда Манай уведет их подалее от этих мест.

Сания обвела взглядом лагерь и внезапно увидела Каражала. Он сидел в кругу людей у костра и в упор смотрел на нее. Она даже вздрогнула от неожиданности. Взгляд жигита казался загадочным, в уголках губ затаилась улыбка.

— Иди к нам, юный друг. Угостим куском жареной баранины, — нежность прозвучала в его голосе. Сания пошла на зов. Каражал вытащил из-за голенища острый нож и одним ударом отсек жирный кусок мяса от бараньей ляжки, что была зажарена на вертеле и теперь лежала посреди круга на старом дастархане.

— Ну и как, скоро здесь будут джунгары? — словно невзначай спросил Каражал.

— Сюда, к нам, они не придут, — ответила Сания и чуть не выронила мясо из рук, поняв, что нарушила наказ, только что данный Манаем.

— Так, так. А эти болтуны, которых мы сегодня взяли в плен, говорили, что джунгары будут сегодня или завтра. Вот вруны... Со страху это они, что ли? Вот и верь керейцам. Это ведь керейцы. А большинство керейцев помогают джунгарам... — будто размышляя вслух, говорил Каражал, вытирая нож о пучок травы и вновь засовывая за голенища. Сания заметила, что он исподлобья поглядывает на Табана — оборванного старца с посохом, которого он сам привел сюда, как бедного безродного бродягу, скитающегося по свету из страны в

страну, рассказывающего чудесные сказки и говорящего на разных языках.

«На разных языках?» — мелькнуло в голове Сании. А быть может, сегодня, там, в зарослях тугая, Каражал говорил с ним, с этим Табаном? Девушка посмотрела на Табана. Старик никогда не расставался с посохом. Даже сейчас посох лежал рядом с ним, с правой стороны. А сам он, задрав рваные штаны до колен, грел ноги у костра, хотя вечер и без того был чересчур теплым. Ноги были все в струпьях, с зарубцевавшимися ранами. Сания отвела взгляд. Что может быть общего между этим беспомощным, нищим и жалким бродягой и гордым Каражалом? Да и какая у них может быть тайна? Ведь Каражал говорил Манаю, что он встретил этого бродягу на дороге, что он, Каражал, понимает его только тогда, когда тот говорит на языке парсов.

— Что же молчим? Огонь всегда располагал к долгим беседам или воспоминаниям о батырах, у огня рождались красивые сказки, — весело произнес Каражал. — Вот у этого божьего человека сказок целый клад. Пусть поведает Табан одну из них, а я перескажу.

Табан опустил штанину, прикрыл ноги. На миг не по-старчески сверкнули его глаза, когда он взглянул на Каражала. Но он тут же опустил свои ресницы, не то запыленные, не то седые. Подобрал ноги под себя, принял спокойную невозмутимую позу.

— Пусть говорит божий человек, пусть развеет наши тяжкие думы, — тихо произнес старик со слезящимися, покрасневшими от солнца и трахомы глазами.

— Пусть расскажет... — поддержали другие.

Каражал сказал что-то Табану на незнакомом языке. Тот, оставаясь невозмутимым, глядя в огонь немигающим взглядом, певуче заговорил и долго, монотонно говорил о чем-то.

— Он спрашивает: о чем повести рассказ? Или о богдыхане, или о великом Цевене Рабдане, решившем навсегда покорить эти степи? Или о евнухе Надире, рабе шаха Тахмаспа, который ныне, свергнув своего владыку, стал повелителем персов и вселяет страх в сердца русов? Или о маге, обладающем тайной литья пушек, которые ломают стены казахских городов и с благословения самого всевышнего бога повелевают джунгарам покорить вас — вольных детей степи, не признающих ни власти, ни единства, ни веры и грызу-

щихся, как стая волчьих переярков, меж собой? Или просто о жизни и основе жизни — любви?.. О чем же мне начать свой рассказ? — спрашивает божий человек. — Каражал говорил, отчеканивая каждое слово, словно хотел этим подчеркнуть силу рока, нависшего над кучкой беззащитных бедных людей, скитающихся по степи вслед за своим вожаком Манаем. Сании стало страшно от этих вопросов.

— Что он, этот безродный бродяга, мелет? Почему он хоронит нас раньше времени? — вдруг вспылила женщина в черном платке, сидевшая чуть подальше от мужчин, — мать, потерявшая свое дитя по дороге сюда, мать, чуть не сошедшая с ума, когда под зноем хоронили ее малыша.

— Можно отрубить голову, но нельзя отрезать язык. Достоин уважения тот, кто говорит правду в лицо. Чем мы лучше волков? Даже волки объединяются в минуту опасности. Прав этот волосатый странник. Говорят, спрашивай о смысле жизни не у того, кто много прожил, а у того, кто много ездил по свету и многое повидал. Но пусть он расскажет нам не о джунгарах и не об евнухе Надире, не о богдыхане и Цевене Рабда-не, а сказку о жизни, — успокоил женщину старик с трахомой, утирая слезящиеся глаза.

— Пусть говорит о любви. Только она может создать единство и прибавить силы человеку, а может и внести разлад даже меж братьями... — поддержали старика.

Каражал перевел их слова. Табан вновь поднял пепельные ресницы, загадочно взглянул на Санию.

— Я был в стране детей львов* и слышал легенду об Ануле**, которая, убив собственного мужа, стала царицей детей львов. Жила она во дворце, построенном на высокой неприступной скале. Каждый месяц приводила к себе нового воина и возводила его в цари, клялась в любви, клялась быть его рабыней.

Но каждый царь властвовал лишь месяц. Анула убивала его на ложе. Ее лоно было ненасытно и безродно. Над нею властвовала похоть, она подчиняла ей свой ум, свою хитрость. В ней было столько же красоты, сколько жестокости. Она сеяла вражду между воинами

* Так называют себя коренные жители страны Шри Ланка (Цейлон).

** Царица Цейлона в древние века.

и выбирала жертву среди них. Ее не любили, но ее ласковость привлекала мужчин, как ласка самки привлекает самцов.

Царство детей львов распалось. Воины, сговорившись, жестоко и всенародно насытили жажду Анулы и, разрезав ее тело на куски, бросили шакалам...

Анула говорила, что вся жизнь, вся борьба, вся красота даны человеку для наслаждения и для насыщения своей похоти. Народ отверг ее слова, потому что она была подобно самке скорпиона, которая ждет любви лишь для того, чтоб получить у самца его силы и тут же убить его. Самка скорпиона живуча и бессмертна, как живучи на земле зло, коварство и жестокость. Зло в женщине... — Каражал слово в слово пересказывал легенду Табана, а Табан немигающими глазами смотрел на Санию, которой стало жутко от этого взгляда. Но вот глаза старика потускнели, и, когда Каражал перевел его последние слова, Табан, не дав людям времени осмыслить услышанное, начал новую сказку:

— Я продолжу легенду, но теперь другую, родившуюся в стране, благословленной всеми богами и проклятой всеми духами, в стране, богатой и нищей, — в Индии, на земле славных воинов раджпутов.

Да, я продолжу свой рассказ... — Теперь, когда солнце уже коснулось земли и огонь костра стал ярче, когда разморенный дневной жарой мир погружался в тихую дрему, он, этот безвестный странник, казался святым, казался мудрым посланником самого аллаха в этот нищий, бегущий от врага аул. Переводя рассказ Табана, Каражал изредка поглядывал в сторону юрты Маная. Там все еще шла беседа. Табунщик Оракбай давно вышел оттуда и уселся на куче седел, лежавших возле ее порога. Он наверняка охранял вход в юрту, чтобы кто-либо не помешал беседе старейшин аула с двумя пришельцами из стана Малайсары.

— Да, я продолжу свой рассказ, — повторил Табан и чуть подался всем телом вперед, словно хотел подвинуться поближе к огню. — Нет, не было истины жизни ни в поступках Анулы, ни в ее словах. Если бы в ее словах была истина, то владыки бы не дрались за престол, люди не боролись бы за свое счастье, народ не мечтал бы о свободе, отец не думал бы о сыновьях, а мать о дочерях. Да, жизнь — это миг, и тот, кто хочет использовать этот миг лишь для насыщения своей утро-

бы, для удовлетворения своей похоти, тот подобен царице Ануле и самке скорпиона...

Я расскажу вам легенду о дочери раджпутов — расскажу вам быль о красавице принцессе. Юной царицей величали ее, ибо она была дочерью вождя племени раджпутов.

Люди молча слушали Каражала, который, не нарушая напевного монотонного рассказа Табана, быстро и искусно переводил легенду. Каражал уже не выглядел прежним — гордым, недоступным и в то же время хитрым глашатаем. Он весь превратился в слух. Лицо его было словно вырублено из серого холодного гранита, в глазах переливались искры — отражения костра. Казалось, он, не задумываясь, пересказывал слова Табана, а думал о чем-то другом. И то, другое, волновало его больше, чем легенда Табана.

— ...Близ скалистых горных ущелий, заросших садами, раскинулись розовые дворцы. В самую великую жару там веет прохладой. Кругом луга, сады, щедрое поле, под тяжестью плодов сгибаются деревья. Журчат арыки, и блестит на солнце, как голубой жемчуг, озеро. Его влага чиста и холодна, живительна, как нектар, и лотосы, прекрасные лотосы цветут на волнах озера, как бриллианты на груди красавиц. Богатым был край, но скупым на дружбу оказался его народ. Распри, коварство и месть, бесчестье, ложь змеились между родами. Топтали друг другу посевы, угоняли скот, крали красавиц, жгли сады. И не выдержал бог — великий Шива, решил наказать раджпутов за грехи.

Вражья конница двинулась на поля раджпутов, под ее ударами падали стены крепостей, горели рисовые поля. Каждый защищался в одиночку от своих и чужих. А тут суховеи, пыльные бури и жара, жара, иссушившая в пепел лепестки лотоса, жара, выпившая воду в каналах, в арыках, озерах. Болезни и голод, нищета и враг обескровили край...

— Точь-в-точь как у нас, казахов, — вздохнул старик с трахомой и грязным рукавом вытер слезы.

...Высохли водоемы, издыхал скот, и даже родники, что доселе бурно вырывались из-под скал, иссякли. Черный меч смерти навис над всем Раджастаном. Запершись в последней крепости, великий раджа созвал к себе всех мудрецов.

— Что нужно, чтобы снова воспрял дух народа, чтоб

он почувствовал в себе силу, забыл распри меж родами и прогнал врага, чтобы к нему вернулось былое единство и слава великих воинов? — спросил раджа мудрецов.

— Вода! — ответили старцы. — Нужно изготовить для нее великое, прекрасное ложе из камня там, где еще есть жизнь в родниках, и принести священную жертву — белую корову в честь справедливого, благородного Шивы — справедливого Махашевры!

Ложе было готово. Жертва принесена. Ждали месяц. В живых раджпутов оставалось мало. Последняя крепость была готова сдаться врагу. Но то уже был бы вечный конец всему племени раджпутов. Последние листья осыпались с деревьев, обнажая черные сухие трещины земли и зловещий оскал скалистых гор. Запах последний родник. Ни капли дождя — муссоны обошли этот край.

— Мы погибли. На нас пал гнев всемогущего Шивы. Мы сами разгневали его своими грехами. Завтра на рассвете мы все сами должны покончить с собой, — сказали мудрецы.

Настала последняя ночь перед гибелью раджпутов.

В последний раз пришел старый раджа в храм, единственный храм бога Шивы, оставшийся у раджпутов, и окутал ноги благословенного Шивы благоухающими лепестками последних роз из своего сада. Зажег светильник. Молча стояли жрецы вокруг могучей статуи. Раджа поклонился и поклялся богу, что утром на рассвете он отдаст свою душу ему, священному Шиве, за все грехи своих рабов.

Ушел раджа, наступила полночь. Верховный жрец смыл со лба священный трипунд* и пошел в свои покои. В темных углах храма растаяли молодые жрецы — неусыпная охрана многорукого Шивы.

И вдруг бесшумно, словно привидение, через каменную арку, освещенную луной, вошло в храм нежное создание в голубом сари. Застыли невидимые стражники, и только сверкали из темноты их глаза. Стража знала: то была единственная дочь великого раджи, то была Чамелирани.

Со страхом шагнув в полумрак храма, она опустилась на колени у ног пляшущего Шивы, сложила ла-

* Три красные черты на лбу. Знак преданного служения Шиве.

дони и зашептала молитву. Струился дым сандала из чаши, лепестки последних роз маслянисто светились. Грациозно и спокойно извивалось тонкое пламя, то озаряя руки, то скользя по лицу, то освещая ноги трехликого Шивы, и казалось юной деве: зол и страшен бог, он разгневан, и танец его свиреп и жесток. То был вечный танец — танец жизни, танец смерти, танец ненависти и любви — танец созидания вселенной, танец обновления.

— Помоги народу моему, обнови нашу землю, дай влагу полям и садам, дай силу воинам нашим, всели в них любовь друг к другу, любовь брата к брату, дай жизнь садам, помоги матерям с иссохшей грудью, дай жизнь детям матерей наших, о великий, справедливый Шива! — дрожа от страха, шептала девушка. — Я лишь росток, я лишь крохотный цветок в море жизни, белый лепесток в черном океане лжи, ты сожги меня, но помоги народу моему. О священный Шива! — лились слезы из глаз Чамели. Страх прошел, глаза ничего не видели от слез. — Я в жертву готова себя отдать, скажи мне: что мне делать, чтоб спасти народ?! — молила принцесса.

Ночь проходила, бесшумно на землю надвигался рассвет. Но не заметила юная царица, как светлее стало в храме. Лишь почувствовала — земля у нее под ногами заколыхалась. В руках Шивы сверкнуло пламя — и озарило весь храм, древний и просторный, вырубленный в недрах скал. И, словно огненная струя, из пламени прыгнул тигр в центр храма.

— Я поняла тебя, о великий и священный Шива! Принимаю смерть! Я погибну под когтями тигра, пусть он разорвет меня клыками, но дай жизнь народу моему! — Она сбросила сари и, прекрасная, как лотос, нагая, как солнце, раскрыв объятия, шагнула навстречу тигру. Но снова пламя — тигра нет, стоит олень — дитя природы. Еще шаг — и нет оленя, и перед обнаженной девушкой стоит юноша печальный. Упала юная царица к его ногам. Стыд подкосил ее. Юноша вернул ей сари.

— Ты прекрасна и чиста. Твоя любовь едина, вечна. Разорви завесу майи. И поймешь, что жизнь прекрасна. И нет священнее дела для человека, чем пожертвовать собою во имя жизни племен своих. Ступай ты в каменное ложе, где пересохли все истоки влаги. Отдайся камню. Напой каменное ложе своей кровью... Все

истоки оживут к восходу солнца. Спешите, сестра! — И видение исчезло.

Ранним утром, когда матери с иссохшей грудью, еле двигаясь от жажды, волоча за собой гулкие кувшины, в которых давно не было воды, в последний раз перед смертью пошли к каменному ложу, их взгляду представила голубая, чистая, прозрачная, прохладная вода. Она заполнила огромное ложе, переливалась через края, а вокруг звенела трава, цвели розы, птицы вновь пели свои песни. Сады оживали. А в самом центре ложа цвел алый лотос.

Первый луч солнца упал на воду, скользнул над рябью волн и зайскрился в лепестках лотоса. Люди смотрели на сверкающий волшебный лотос, и никто не знал, что то была последняя улыбка их юной царицы, любовь которой вернула им жизнь. Никто не знал, что сегодня на рассвете она напоила своей кровью раскаленное дно каменного ложа...

Уже наступила ночь, небо зайскрилось холодными звездами. Потрескивая, горели сухие корни саксаула. Люди, сидевшие у костра, задумчиво слушали рассказ Табана.

По лицу Сании бродили отблески пламени костра. Сидя на вязанке сухого хвороста, она молча внимала легенде. Перед ней лежал колчан со стрелами — колчан Каражала. На одной из стрел она увидела тонкую зарубку. На других зарубок не было. Сания думала о юной царице. Она видела огромное море воды и этот цветок, который Табан называл лотосом. А корень цветка на дне, под водой, там, где лежит юная дева, принесшая себя в жертву народу.

— ...Так чья же любовь прекрасней: царицы Анулы, что правила детьми львов, или юной царицы раджпутов? — завершил свой рассказ Табан. Каражал перевел его последние слова. Люди молчали.

— Говорят, что дочь царя мавренахров вонзила нож в спину юноше — своей единственной любви, который по ее зову пришел к ней в сад. Она ласкала его, клялась в любви, но когда случайно заметила, что к ним идет стража и что люди могут узнать об их любви, то она незаметно ударила ножом в спину юноши, а страже сказала, что он, этот юноша, тайно проник в сад и осмелился заговорить с ней, и приказала выбросить его тело на съедение шакалам... — вставил старик со слезя-

щимися глазами. — Один аллах знает, что это за чувство — любовь? В ней немало добра, в ней не счесть и зла.

— Я слышал, что в вашей степи пленных могут освободить по воле женщины-матери, потерявшей в битве сына. Если великодушные матери победит ее ненависть к убийцам сына, то пленнику даруют жизнь и волю. Так ли это? Смогла ли какая-нибудь женщина забыть о своей любви к сыну и дать свободу врагам? — спросил Табан, и Каражал перевел его вопрос.

Все молчали, как и прежде, задумчиво глядя на языки пламени. Каражал заметил, как из юрты вышли двое — те, кого они днем встретили на дороге и привели сюда.

Они прошли мимо костра. Табунщик Оракбай отвел их куда-то на ночлег, сам вернулся к костру. Увидев отца, Сания поднялась и направилась к своей юрте.

— Кто может сейчас ответить на этот вопрос? Сейчас мы сами словно пленники джунгар. И останемся ли мы живы сами... — проговорил наконец старик с трахомой. Глаза его совсем покраснели. Он поднялся и побрел в свой шалаш.

— Все ко сну, на отдых. Завтра в дорогу! Так сказал Манай! — прозвучал хриплый голос Оракбая...

...Сания долго не могла уснуть в эту ночь. И странный разговор, услышанный ею в тугаях, и поведение этих новых пришельцев, которые сказали, что идут от Малайсары, а кажется, что они от самого Галдана Церена, и эти легенды Табана об Ануле и юной царице раджпутов — все было таинственно, вселяло страх и неверие в окружающих людей, неверие в себя. Почему вдруг этот бродяга Табан начал рассказы о любви и почему он так странно посмотрел на нас, и зачем Каражал следил за юртой Маная и так неожиданно спросил ее, о чем там, в юрте, шла речь, и она, не задумавшись, выложила ему правду, хотя дед Манай просил все, о чем там говорилось, держать в тайне....

Не спалось. Тяжелела голова от дум. Никогда еще ей так не было нужно разобраться во всем том, что творится вокруг. Она раньше не думала об этом, жила своей радостью и печалью. Лишь горе родного аула угнетало ее. А теперь, когда она слышала о пушках, когда поняла смысл разговора Маная с гостями и угрозу, да, угрозу, прозвучавшую в словах Табана о джун-

гарах, ей стало страшно. Но она не могла понять, как это, каким образом может погибнуть весь народ. Ведь земля казахов так велика и так много на ней смелых жигитов?.. Ее мысль прервал вой собаки. Это была одинокая дворняжка, которая то исчезала, то вновь появлялась в стане беженцев. И вот кто-то прогнал ее, потому что вой собаки всегда вселял тревогу в сердца людей. Говорили, что собачий вой — предвестник несчастий. Дворняжка, видать, ушла подальше в тугай и теперь глухо выла от страха.

В юрты врывался запах навоза, запах дыма костра, кто-то бормотал во сне в соседнем шалаше. Вот фыркнула лошадь, застонал верблюд — и вновь тишина. Странная, жуткая тишина. Где же отец? Должно быть, в карауле. Они с Алпаем всегда стараются быть рядом с Манаем или вблизи его юрты.

Собравшись в комок и плотно укрывшись мягким одеялом из верблюжьей шерсти, Сания прислушивалась к каждому шороху. Мало-помалу сон взял свое, дневная жара, усталость и тяжесть всех этих загадочных событий долгого дня одолели ее. Она забылась в беспокойном сне...

Наступило то самое мгновение ночи, когда властвуют тишина и покой.

Никто в стане беженцев не видел и не слышал, как две тени мелькнули в лунном свете и бесшумно исчезли на тропе, ведущей в пески, а оттуда к дороге, где днем были задержаны двое — Тoman и Накжан.

Когда кончились тугай и под лунным светом завиднелись очертания барханов, передний из беглецов остановился.

— Все. Возвращайся. Помни, ни один из этих двух керейцев не должен уйти к шатрам Болатхана, Абульмамбета или хана Абулхаира. Казахи готовятся собрать единое ополчение... А теми из керейцев, кто еще остался в стане великого хунтайджи, я займусь сам. С них сдерут шкуру... Ступай! Помни, огонь поможет тебе рассчитаться с керейцами и еще более приблизиться к Манаю. Держись ближе к Манаю, выполняй его волю, иди вместе с ним в Сарыарку, узнай, что замышляют казахские батыры. Великий Цевен Рабдан наградит тебя... Ступай! Скоро я разожгу здесь такой огонь, что он будет виден отовсюду.

— Ох, сказочник, видать, немало крови ты выпил, — слышался голос Каражала.

— Я старый гуркх*. Я прошел по многим странам, видел многих владык. И как гуркх я был предан тому, кому служу. И грех и слава удел тех, кто направляет стрелу... Тетива натянута не мной, — спокойно и твердо сказал Табан. — Ступай...

Каражал молча исчез в тугаях.

...Сании снились сны. Тяжелые, неразборчивые. В них ожили легенды казахов о неверной жене и сорока женах пророка Сулеймана. А потом она видела Кенже. Он был в крови. Потом поднялся тигр, тот самый, что ночью всполошил весь стан, весь аул беженцев, он был красив — гладкая спина, страшный оскал клыков. Потом она видела Табана, огромного, высеченного из камня и раскачивающегося у костра, он вселял в нее ужас. Она хотела крикнуть от страха, позвать на помощь отца, но тут сквозь сон сама услышала чей-то пронзительный крик. Попыталась встать, вскочить с места и вдруг почувствовала, как кто-то сорвал с нее одеяло. Кто-то навалился на нее, чьи-то холодные руки коснулись ее тела. Из-за стен юрты слышался ответный крик отца. Кто-то тихо залился злым смехом и черной тенью метнулся вон из юрты.

Сна как не бывало. Холодный пот покрыл лоб Сании. Она торопливо оделась. Откинув дверь, в юрту вбежал отец. За пологом юрты было светло как днем. Где-то горело, трещало. Кричали люди, ржали кони.

— Скорее, дочка! Пожар! Все горит! — крикнул отец.

Еще не в силах взвесить разумом и понять, что творится вокруг, охваченная страхом, она, подчиняясь инстинкту, в мгновение ока успела схватить щит и, невольно защищаясь им от палящего света, выскочила вслед за отцом. Отец уже сидел на своем мерине и держал наготове коня Сании.

— О суд аллаха, как ты страшен! Скорее, дочка! А то ветер, как шайтан, может повести огонь так, чтобы взять нас в кольцо. О, как ты страшен, суд аллаха! — повторил Оракбай каким-то странным, непривычным для Сании голосом.

Вскарабкавшись на коня, она увидела, что отца уже

* Горное племя, живущее в Гималаях.

нет рядом. Оглянулась вокруг, не зная, куда и за кем сказать.

Люди сдирали кошму с остовов юрт и торопливо скатывали, связывали и выючили на перепуганных коней и верблюдов, молча поглядывая на восток, откуда приближалось густое кроваво-черное пламя. Горел древний сухой лес — заросли саксаула, что лежат на границе с песками.

Все ярче становилось зарево, обостренный слух уже улавливал гудение горящего леса. Огонь приближался к стану беженцев.

Юрты Маная как не бывало, а сам он уже сидит на коне. Рядом с ним его друг Алпай. Отец тоже возле них и что-то торопливо говорит Манаю, указывая на восток и обводя руками вокруг. Наверное, он объясняет, что пламя может взять беженцев в кольцо. Но Манай властно указывает ему в ту сторону, где стоит Сания... И девушка поняла — только их юрта еще не была убрана. Она слетела с седла и кинулась вырывать кольца, к которым прикреплен остов юрты. Она и не заметила, когда рядом с ней оказались Каражал, отец и еще несколько человек. Все это произошло быстро — не успела Сания опомниться, как кошмы были скатаны, остов юрты уложен и связан и все это вместе взвалено поверх поклажи чьего-то верблюда. Сания видела, как мужчины и женщины хватали испуганных детей и бросали их на коней и верблюдов, навьюченных скарбом. Дети не плакали. Они были так же бледны и молчаливы, как взрослые. Какая-то старуха вытаскивала из золы обгоревшие лепешки, кто-то засовывал в торбу недожаренное на углях мясо, а караван уже, спеша, покидал насиженное, обжитое за эти дни место. Он уходил вслед за Манаем и Алпаем в чащу, держал путь к берегам Алтынколя — Балхаша.

— О суд аллаха, скорее, скорее! — Оракбай помог старухе взобраться на верблюда. Подал ей вывалившуюся из узла лепешку...

Томан, Накжан и Каражал вместе с Оракбаем последними покинули стоянку. Огонь, распластав свои смертоносные крылья и обдавая жарким дыханием все, что лежало впереди, торопился вслед за караваном. Лишь ветер, неожиданно подувший с северо-запада, со стороны озера, замедлил его бег. Но пламя рвалось вперед, к камышам, к зарослям акаций и тополей, к дре-

мучим завалам саксаула, поднимая птиц из обжитых гнезд, выгоняя зверей из логова, пожирая птенцов, сжигая змей и ящериц, не давая выйти из гор грызунам. Где-то в чаще в страхе зарычал тигр, слышался вой шакала. Не разбирая троп, мчалось к воде стадо кабанов. Оно перерезало дорогу и проскочило впереди каравана Маная.

Собственно, караван уже не был подвластен Манаю. Страх гнал людей напролом через тугай. Каждый стремился быстрее выбраться из этого леса, до сих пор служившего убежищем, а теперь превратившегося в безумствующего врага. Никто не думал — откуда и как возник этот пожар, потому что никто не сомневался: тугай подожжены джунгарами, вслед за огнем идут они, эти беспощадные, железные джунгары с пушками. И от этой мысли страх усиливался вдвойне.

Не щадя коней и верблюдов, не жалея себя, не чувствуя боли от ударов веток, не ощущая, как шипы диких акаций и облепихи рвут одежду, вонзаются в тело, люди мчались к великому Алтынколю, как к матери-спасительнице. Весь восток был озарен красным пламенем, а над языками пламени, тянущимися к небу, висел черный дым. И пламя и дым подходили все ближе и ближе, стаи птиц с криком, наполняя воздух шумом крыльев, неслись к озеру. Они летели низко над головой беженцев.

Сания подгоняла навьюченного верблюда, стараясь не отстать от других и не терять из виду Маная или Алпая, чтобы скакать вслед за ними. Где-то справа в чаще мелькнула голова Каражала. Сзади нагнал отец, крикнул:

— О суд аллаха! Ты жива, дочка? Не отставай! Я посмотрю, чтобы кто-нибудь не слетел с коня и не остался под пламенем. — Он повернул своего коня в сторону, исчез. Через мгновение Сания сквозь треск леса, шум птичьих крыльев, рев верблюдов ясно и четко услышала хриплый, ожесточенный и испуганный крик отца:

— Э-эй, скачите сюда! Кто ближе?! О суд аллаха! За что такое наказание — и огонь и джунгары!

Сания придержала коня. Верблюд, которого она охраняла, понесся вперед изо всех сил, подгоняемый страхом. Своей огромной тушей тараня пустые заросли, он уходил вперед, мчался к воде, понимая опас-

ность. За ним уже невозможно было угнаться. Лишь бы выюки не слетели.

Завертелся конь, не подчиняясь удилам. Сания крепче сжала поводья и хлестнула скакуна, направляя его туда, откуда донесся голос отца. Выскочила на небольшую полянку. Не отпуская конец длинного чембура и проклиная своего коня, то и дело норовившего вырваться из рук и умчаться прочь, Оракбай наклонился над чьим-то телом.

— Помоги, дочка, надо положить его на коня и похоронить подальше от огня. Джунгары посылают вслед за нами не только огонь, но и стрелы. — Оракбай пучком травы вытер окровавленную стрелу и вложил в свой колчан. Спина лежащего перед ним воина была вся залита кровью.

— Это провидец Накжан, которого мы вчера привели в наш стан. Он хотел рассказать нашим батырам о джунгарах...

Сания в страхе взглянула на приближающееся пламя. Ее на мгновение охватил ужас, похолодело тело от мысли, что такая стрела может вылететь из-за любого куста и вонзиться в нее. Но окрик отца заставил ее слезть с коня. Она помогла взвалить тело Накжана в седло отца.

— Кто его убил? — На полянке внезапно появился Томан. — Кто его убил?! — Он был бледен от гнева.

— О суд аллаха! Мы за него в ответе. Вот стрела, сразившая его, — Оракбай передал стрелу Томану.

— Кто бы ни был владельцем этой стрелы, я найду его. Ты будешь отмщен, брат мой! — Томан со слезами на глазах нагнулся к телу Накжана.

Они вдвоем — Оракбай и Томан — вскачь повезли мертвого Накжана вслед за караваном. Сания мчалась за ними, с ужасом ощущая, как приближается огонь, и содрогаясь от мысли, что ее тоже может настигнуть вражеская стрела.

...Казалось, горят не только тугай, горит вся земля, пылают иссушенные жарой барханы, и беглецам уже не будет спасения от этого всепожирающего пламени, дымом которого окутано утреннее небо.

Прошел час, два, а быть может, и все три часа с тех пор, как люди покинули свой стан и вместе с испуганными зверями и птицами пробивались к воде. А же-

ланного берега все не было. Выбирались из одного тугая и тут же попадали в другой, заросли камыша то редели, то вновь плотной стеной преграждали дорогу.

Сквозь густую завесу дыма показалось утреннее солнце. Необычное, кроваво-красное, как при закате, огромное, стремящееся пробить свои лучи сквозь черную дымовую завесу, но пока что плывущее как огромный раскаленный щит за этой черной завесой. Но вот сквозь разорвавшуюся пелену дыма прорвались его лучи, и в этот же миг люди увидели широкую, почти в несколько верст, длинную до бесконечности песчаную полосу, отделявшую воды Алтынколя от зарослей диких тугаев.

...Люди спаслись от огня, и хотя многие потеряли свой последний скарб, хотя с новой силой заныли прежние раны, хотя исчезли последние запасы муки и в клочья изорвалась одежда, измотались кони и верблюды, но не это было главным. Главное было то, что все остались живы, кроме Накжана. Да еще потерялся бродяга старец Табан. Куда он исчез? Погиб в огне или растерзан зверем? Никто не видел его. Никто ничего не знал о нем.

— Где тот старец, которого ты привел с собой? — спросил Манай у Каражала.

— Этот странный скиталец не боялся смерти. Он часто говорил, что смерть от огня священна, говорил, что люди его племени часто кончают жизнь самосожжением... — ответил Каражал.

Люди двинулись по берегу великого Алтынколя на северо-восток по ровному пустынному песчаному берегу, на котором оставили свои следы звери и птицы, вырвавшиеся из объятий огня и умчавшиеся, улетевшие в поисках спокойного клочка земли.

Манай спешил. Он чувствовал, что ослаб, что теряет последние силы. Его мучила тоска по сыну, он считал себя виновником гибели своего верного друга Сеита. И еще он чувствовал, понимал, что тугаи не могли загореться сами собой, что в Накжана не мог стрелять кто-то из джунгар — их пока нет в этих краях. Значит, стрелял кто-то из тех, что идут вместе с ним, кто-то из каравана. Но кто? Зачем? Куда девался этот странный бродяга Табан и почему не ищет и не искал его Каражал? Ох загадки... Загадки и тайны жестокой жизни. Манай уже не властен над этими людьми, что

идут вместе с ним. Чья-то невидимая рука управляет ими теперь, управляет и самим Манаем... Но пока некогда искать разгадки всех тайн...

Люди покинули обжитое место. А здесь, на этих песчаных берегах, нет ни одного ручейка. Вода в озере соленая. К тому же вновь началась жара. До захода солнца, самое крайнее — до завтрашнего утра нужно найти пресную воду. Иначе не стоило и спасаться от огня. Нужно идти и идти вперед. Там, впереди, должна быть пресная вода, должно быть маленькое голубое прохладное озеро. Манай не раз слышал о нем. Старик — его сверстники и люди постарше — говорили, что Алтынколь — это мать маленького прохладного озера, со дна которого бьют родники, и потому это озерко называется Балапанколем*.

...Когда огонь остался далеко позади и уже не было видно зарослей саксаула и камыша, а прямо с пологих берегов Алтынколя начались ровные, выжженные солнцем окаменевшие степи, Манай остановил коня у небольшой возвышенности.

— Здесь мы предадим земле тело жигита — славного сына кереев Накжана... Как звали его отца, сынок? — Манай обратился к Томану.

Томан устало опустил голову и, глядя себе под ноги, сказал:

— Прости, аксакал. Он хоть и молод, но был за старшего. Мы встретились в плену. Не нашлось у нас времени расспросить друг друга о родных.

— Он сын казаха и силы свои отдал за народ. Алпай, отмерь ему ложе на вершине сопки...

Пока мужчины под наблюдением Алпая копали могилу, Манай сидел возле тела Накжана, завернутого во все белое и укрытого белым. Над телом был воздвигнут навес.

Когда жигиты понесли покойника к могиле, Манай, устало передвигая ногами, подошел к воде, постоял, задумчиво вглядываясь в переливающиеся на солнце волны Алтынколя. Соленая вода ласково лизала его ичиги. Он нагнулся, зачерпнул шершавой ладонью влагу, освежил лицо, провел мокрой ладонью по бороде, ополоснул рот.

* Озеро-птенец. Балапанколь расположен на юго-восточном берегу Балхаша.

Вдали на волнах качались не то утки, не то дикие гуси, а над головой то и дело проносились чайки. Их крик был похож на плач ребенка, а быть может, какая-то чайка потеряла своего птенца при пожаре, как он, Манай, потерял своего последнего сына... Ему не хотелось двигаться. Хотелось разжать колени и лечь здесь у воды, смотреть на чаек и спокойно ждать конца. Но он понимал, что не имеет на это права. Там, на холме, ждут его. И он вновь поднялся, стараясь держаться собраннее, крепче.

Женщины наспех готовили еду. Был полдень. Вновь над землей властвовало огненное око аллаха. Вновь жара, а рядом вода, много воды, которую нельзя пить и которая лишь удесытеряет жажду. Какая-то старуха, сидя у воды, тихо причитала.

— Слезы не помогут. Перестань скулить. Нам с тобой уже давно пора на тот свет... — проговорил Манай. — Успокойся. Нам с тобой не положено плакать... — Он поднялся на возвышенность. Люди ждали его.

— Бисмилла... — тело опустили в глубокую могилу, головой в сторону Мекки. Манай бросил в могилу горсть земли. А потом все было как всегда. На сопке вырос маленький холмик свежевырытой земли, и, как всегда, Алпай приготовился прочесть последнюю молитву. Манай подошел к нему. Алпай уступил ему свое место. Манай опустился на колени. Все стали на колени позади него.

Он долго неспешно читал молитвы, и те, кто сидел ближе, ясно слышали, что он во время молитвы произнес и имя своего сына — имя Кенже. Отец навеки прощался не только с Накжаном, но и с сыном. Уже поднося ладони к лицу, чтобы вместе со всеми произнести последнее «Амины!», Алпай взглянул в сторону Маная. Повернув голову, Манай взглянул на него. Его лицо было страшным. Оно было жестоким, суровым. Но глаза выдавали слабость, он тоскливо, с мольбой смотрел на Алпая. Алпай не выдержал.

— Амины! Амины! — понеслось от одного к другому. Алпай незаметно поддержал старого друга, который только что мысленно похоронил своего последнего сына. Но вожак мягко отстранил руку друга и встал сам.

— А теперь к дастархану. Помянем усопшего. Пусть дух вместе с нами примет последнюю трапезу

здесь, на берегу Алтынколя. Пусть колыбель мертвых сыновей наших будет мягкой. Земля рождает нас, она же и забирает нас в свои объятия... Прощай, незнакомый жигит, прощай, сын мой... Мы скитальцы. Сегодня наш путь лежит на Балапанколь. Здесь среди нас и твои друзья, и твои враги, — сказал он твердо.

...Растянувшись по берегу, караван Маная в тот же день достиг Балапанколя. Небольшое, изрядно обмелевшее в это жаркое лето озеро встретило их веселым гвалтом непуганых птиц, даже стадо сайгаков паслось неподалеку. Вода была прозрачной, и, стоя на берегу, можно было наблюдать, как стайки рыб весело и стремительно носились по мелководью. Уставшим от страха, от бесконечных тревог людям казалось, что они наконец-то нашли тот уголок земли, где можно без страха и риска воздвигать юрты, копать землянки. Здесь можно жить, не думая о жаре — вода рядом, о голоде — здесь много птиц, и рыбы, и сайгачьи стада здесь не пуганы, быть может, и джунгары сюда не придут. Ведь им нет смысла забираться в такую даль, здесь нет богатых аулов, тучных косяков коней...

Но слова Маная, сказанные им у могилы Накжана, все же тревожили их. Они уже чувствовали внутреннюю неприязнь друг к другу. В их лагерь прокралось недоверие — причина распрей и ссор, причина всех малых и больших бед меж людьми. Как-то незаметно, без особых слов, без видимых ссор люди разделились на два лагеря. Одноаульцы Маная уже потеряли прежнее доверие к тем, кто примкнул к их каравану на этом опасном, долгим и тяжком пути. Это особенно относилось к мужчинам. Даже старик, больной трахомой, уже заметно сторонился чужаков. Прежде чрезмерно словоохотливый, он теперь стал молчалив, замкнут. Ему, как и другим, не давали покоя загадочные слова Маная: «Здесь среди нас и твои друзья, и твои враги». Но кто же враг? Кто убил керейца Накжана? Если бы мудрый Манай точно знал убийцу, он давно бы назвал его и сам бы осудил его перед всеми. В таких случаях он бывал беспощаден. Как же быть теперь?

Люди стали зорче, бдительней. Старались не оставлять без внимания все поступки друг друга. Только женщинам было не до долгих и томительных размышлений. Не успев отдохнуть час-другой, они тут же решили перестирать все, что поддавалось стирке. Они то-

ропились. Ведь неизвестно, что на уме у Маная, вдруг завтра снова в путь... Нужно запастись мясом, прокоптить и провялить его на дорогу. Всех, кто может подстрелить уток, диких гусей и подбить сайгаков, они погнажи на охоту. Только Томан остался вместе со стариками в юрте Маная и Алпая. Горю молчаливого Томана сочувствовали все, и все уже знали, что стрела, которой был убит Накжан, хранится у него и что он сам сказал: это джунгарская стрела. Он, пока добирался до Балапанколя, тайком заглянул в колчаны всех, кто был в караване Маная, и ни у кого не нашел таких стрел — с наконечниками-шестигранниками. Но откуда в тугаях Алтынколя мог появиться одинокий джунгарский стрелок? А если он и мог появиться, то куда исчез? Ведь кругом было пламя. И люди и звери могли спастись, лишь выйдя к берегам великого Алтынколя по тем же тропам, по которым выбирались они. А еще — куда же девался этот дряхлый, беспомощный, но в то же время непонятный Табан?

Вопросов и сомнений было много, но никто, даже сам Манай, не мог ответить на них...

Первым с охоты вернулся Каражал. Он привез тушу сайгачихи, молодой, яловой, откормленной. Словно не существовало для нее страшного джута и опаляющего летнего зноя. Женщины были довольны. Одно удовольствие готовить такое мягкое мясо. Они наперебой хвалили Каражала. Нашелся-таки храбрый жигит и удачливый охотник-кормилец.

Каражал, принимая как должное лесть женщин, расседлал коня, вытер пучком травы вспотевшую спину и грудь скакуна.

— Моя сила в моем вороном. Нужно проехаться, охладить его, искупать, чтобы он и завтра на охоте не подвел меня. — Он взял коня за повод и, мельком взглянув в сторону юрты Маная, ушел подальше от людей, скрылся в зарослях тростника.

...Берега Балапанколя были пологими, заросшими травой, тростником. Здесь не было ни саксаула, ни облепихи. Попадались лишь редкие кусты шиповника и песчаной акации. А кое-где берега были совсем голые, усыпанные мелкой галькой или золотистым, нагретым на солнце песком. Густыми зарослями карагачника, терскена и таволги полнилась степь, лежавшая к юго-востоку от Балапанколя, а пространство между Алтын-

колем и озером-птенцом было пустынно, и только редкие кусты колючек нарушали его однообразие.

Балапанколь лежал, словно малыш на груди у своей великой матери — Алтынколя. И сейчас, когда солнце, одолев свою дневную дорогу, готово было уйти на покой, великое море сверкало, лаская его последние лучи. Золотистые блики были видны далеко вокруг. Но Сания не могла наслаждаться этой красотой. Стреножив коня, она углубилась в заросли. Благо жара и засуха сделали свое дело: почва под ногами была твердой, а трава от густой тени и близости воды стала сочной, мягкой, прохладной. Она бродила среди гнездовий птиц, намереваясь подойти к прозрачным водам Балапанколя в таком укромном месте, чтобы ее ниоткуда нельзя было бы увидеть. Наконец девушка нашла подходящее местечко, сняла доспехи, выстирала рубашку, повесила ее сохнуть на тростники. Ей и в голову не приходило, что белизна рубашки может привлечь чье-то внимание. Оставив свои доспехи и трофеи — подбитого селезня и дикого гуся — возле стреноженного коня, она вошла в воду.

За день вода нагрелась, но здесь, в тени тростника, она все же сохраняла прохладу. Сания не умела плавать. Стоя по грудь в воде, она умыла лицо, расплела косы и вымыла волосы. Вдоволь насладившись прохладой, выжав волосы и раскинув их по плечам, чтобы быстрее высохли, Сания вышла на берег, осторожно ступая босыми ногами по траве. Она сняла с тростников рубашку, но не стала надевать ее. После купания девушка чувствовала необычайную легкость. Ей не хотелось натягивать мужскую одежду, кольчугу поверх платья, не хотелось вновь скручивать волосы, чтобы спрятать их под шлемом. Свободно дышала грудь. Усталость как рукой сняло. Ей не хотелось сейчас возвращаться туда, на стоянку аула, слушать жалобы людей на судьбу. Она с удивлением отметила, что уже реже вспоминает о Кенже.

Хотелось побыть одной. Расстелив потник и подложив седло под голову, она решила немного помечтать перед заходом солнца под тихий шелест тростника и предвечерний гвалт птиц. Глядя в бездну неба, окрашенную алыми лучами догорающего солнца, она не заметила, как рядом с ней оказался Каражал.

— Вот мы и одни...

Она, услышав его голос, подняла голову, села. Глаза Каражала показались ей темнее обычного. Он не мог отвести взгляда от ее груди. Ей хотелось вскочить с места, прогнать незваного гостя или уйти самой. Но она не сделала ни того, ни другого. С необычным для нее спокойствием в голосе спросила:

— Так что же ты стоишь?..

Каражал стоял от нее шагах в пяти, и, когда он самодовольно сказал: «Не торопись», — отбросил в сторону камчу, расстегнул пояс, на котором висел кинжал и с ухмылкой, сверля ее своими недобрыми глазами, шагнул к ней, Сания схватила свою короткую саблю и бросилась в воду.

— Ни шагу дальше!

Каражал растерялся, расстегнутый пояс упал к ногам. Быстро подобрав его и вновь застегнув, жигит негромко рассмеялся и сел на ее одежду.

— Буду ждать. Ты хороша в воде, как разгневанная лебедь. Ну а я... Я все же дождусь тебя. Смотри, чтобы камыши не окровавили твое лоно раньше времени.

— Молчи и убирайся. Я не шучу. Позову на помощь.

— Зови, если у тебя нет стыда.

— Это ты говоришь о стыде?! Мне нечего стыдиться своей наготы перед своим аулом. Я его дочь. Эй-и, люди! — крикнула она.

— Тише ты, бешеная кобыла, заткни глотку! — Каражал вскочил с места. — Все равно не уйдешь от моих когтей. Пусть решит сегодняшняя ночь! — пригрозил он, исчезая в тростниках.

Напряжение улеглось. Вернулось спокойствие. Сания оделась, прислушиваясь к негромким голосам птиц. Вода вновь освежила ее. Она давно не испытывала такого состояния успокоенности и какой-то блаженной усталости.

Закатные лучи солнца уже далеко отбросили косые тени от тростников. Собственно, теней уже не было, они быстро сливались воедино. Солнце вошло в объятья Алтынколя.

Она медленно поднялась с места. Грубой расческой привела волосы в порядок и туго скрутила их сзади. Стальная пластина на затылке шлема укрыла волосы, и она вновь обрела вид молодого красивого сарбаза.

Только не по-юношески мягок был ее взгляд, да и в уголках губ затаилась спокойная улыбка.

— Что-то заскучала, уединилась наша баловница, а тут уже готовы были искать, думали: где же она запропастилась? А она, выходит, не отстает от мужчин, тоже добычу принесла. — Такими словами встретила ее одна из словоохотливых старушек, когда Сания вернулась на стоянку.

— Даже в такое время нет спокойствия твоему языку, — прицыкнула на старушку другая и тихо добавила: — Не знаешь, что ли? По Кенже ее горе. Вот и тоскует. Жаль славного жигита...

Лицо Сании потускнело, когда она услышала имя Кенже. Но никто не заметил этого.

— Дочка, придется тебе угощать ужином аксакалов. Манай уже спрашивал о тебе.

Огромную деревянную чашу, наполненную мясом, Сания внесла в юрту Маная.

— Молодец, дочка. Мы уже совершили вечерний намаз и готовы к трапезе.

Пока Сания готовила дастархан, старики, а вместе с ними и Томан вышли, чтоб помыть руки перед ужином. Развязав стоявший в углу коржун, она достала горсть прошлогоднего курта и положила в большую пиалу, налила туда кипяченой воды, чтобы растворить курт и, смешав со свежим бульоном, приготовить любимый напиток Маная. Сегодня не было кумыса. Еще не доили кобылиц.

Снимая с кереге* мешочек с баурсаками, она увидела стрелу, засунутую между кереге и кошмой, укрывшей остов юрты.

«Почему она не в колчане? Зачем Манай спрятал ее сюда?» — подумала девушка. Она внимательно вгляделась в стрелу и заметила, что та непохожа на те обычные, которыми пользуются казахские жигиты. Шестигранная, ближе к тыльному концу сделан тонкий надрез. Кажется, Сания уже видела такую стрелу. «Но где и у кого?» — мелькнуло в голове и забылось. Аксакалы вошли в юрту и расселись по местам. Манай вытащил свой старый охотничий нож с костяной ручкой и передал его Томану.

— Будь хозяином, сынок, нарежь-ка мяса.

* Остов юрты.

Томан осторожно пододвинул к себе чашу с мясом, взял лежавшую поверх громадных кусков дымящуюся голову сайгака и, переложив ее в другую чашу, передал самому Манаю.

— Аксакал, благодарю вас за оказанную честь, но, когда сидят старшие, мне не пристало нарушать обычай. Вот ваш нож. У меня есть свой.

— Бисмилла, — старик принял чашу.

Томан начал нарезать куски мяса. А Манай осторожно отрезал сайгачьи уши и передал одно Томану, другое Сании.

— Вам еще не мешает внимать мудрости старших...

Сания молча приняла угощение. Мельком взглянула на Томана. Тот, кажется, улыбнулся.

— ...Ты говоришь, что это джунгарская стрела. Видать, такая стрела сразила и моего сына. — Эти слова, продолжившие разговор, заставили девушку встrepенуться. Подняв голову, она увидела, что Манай держит в руках стрелу.

— Сын мой, если поможет аллах, то убийца не уйдет от нас. Все в руках бога. Что предписано судьбой, того не изменить, аллах сам ведет нас к победам и поражениям, к радости или печали. Ты должен забыть о мести, забыть, пока не знаешь, над кем нужно занести меч возмездия. Быть может, твои знания помогут нашим батырам одолеть джунгар. Ты должен дойти до них, найти ставку наших ханов, найти батыра Богенбая и передать им все, что узнал ты в шатрах джунгарских владык. На рассвете кони будут готовы в дорогу. Я дам тебе проводника из своих людей. Он будет верным помощником. Вы объедете великий Алтынколь, преградивший нам дорогу в Сарыарку. Выберете путь покороче. Есть переход: длинная песчаная коса, отделяющая соленую воду Алтынколя от пресной. Оракбай проведет тебя по нему, а дальше вы попадете на пастбища вблизи Чингизских гор. Там живут аулы твоего племени — керейцы. Ты знаешь об этом. Но узункулак доносит, что нынче туда прибыли тобыктинцы во главе со своим молодым и властным бием Кенгирбаем. Кто бы вам ни встретился, я уверен, они укажут тебе дорогу к батырам, собирающим сарбазов против джунгар.

— Иншалла, я провожу тебя через песчаную косу Узунарал, — вставил Оракбай. — Провидцы нужны нашим батырам.

Ужин подходил к концу. Вместо кумыса подали напиток из тертого курта.

— Сон — лучший лекарь перед дорогой, — сказал Алпай.

Когда Сания направилась к выходу, чтобы покинуть юрту Маная, отец сказал вслед:

— Дочка, приготовь мой коржун, иншалла.

* * *

...Как только стемнело, пришел отец. Взял свой коржун.

— Положила пару лепешек, несколько куртов и кусок вареного мяса, — объяснила Сания.

— Хватит. А если не хватит, то здесь, в степи, много дичи, а в озерах рыбы. Дай немножко соли. Мы скоро вернемся, дочка. Отведу жигита к батырам и вернусь. Я найду вас, куда бы вы ни перекочевали. Поможет аллах, увижу батыров, о которых в степи идет добрая слава. Увижу, вернусь и расскажу о них Манаю... А ты, дочка, будь осторожна. Береги себя. Слышишь? Даже среди нас есть волки. Пусть аллах защитит тебя. Береги себя, будь ближе к Манаю. Он любит тебя как родную дочь... Ох-х, наказание аллаха, мне уже пора, — вздохнул старик и своей колючей ладонью неумело погладил дочь по голове. Он волновался. — Ну вот... хорошо. Темнота какая, — открыв полог юрты, отец растворился в темноте. Когда полог закрылся, струя воздуха чуть не погасила светильник.

Сания осталась одна. Волнение отца передалось ей, постепенно ею овладел страх. Она вздрагивала от каждого шороха. Раньше такого с нею не случалось. Она впервые ощутила острую, тоскливую боль — боль одиночества и страха. «Осталась совсем одна, одна на всем белом свете — ни отца, ни Кенже».

Вспомнилась угроза Каражала. Стало еще страшней. Она боялась ночной встречи с ним. Забилась в угол, сжалась в комок на груди старых одеял и подушек, не сводя глаз с дверного полога, боясь резких вспышек лучины, вздрагивая от каждого шороха.

...Каражал вошел в юрту совершенно бесшумно. От страха девушка не смогла произнести ни слова. Отбросив шлем и не гася лучину, он грубо схватил ее за

плечи своими словно отлитыми из железа пальцами. Она вырвалась из его рук и как кошка вцепилась в остов юрты.

— Отец, отец идет! — крикнула Сания неожиданно для себя.

Он отпрянул назад. Она схватила кинжал.

— Ты трус. А корчишь из себя льва. Уйди прочь!

— А где твой отец? Куда он ушел? — Каражал понял ее хитрость и медленно пошел к ней.

— Не будет и завтра. Он ушел проводить Томана. Они уехали в ставку батыров. Томан провидец. Он хочет поведать батырам мысли джунгар, чтобы наши сар-базы смогли понять все хитрости твои и джунгар!.. — внезапно вырвалось у нее.

Лицо Каражала стало бледным, злым. Он не старался скрыть своего гнева. Неожиданно выбил кинжал из ее рук и схватил ее за горло.

— Говори, говори, пастушья сука, возомнившая себя красавицей! Говори все, что знаешь!..

— Ничего я больше не знаю! — Сания вырвалась из его рук и отступила к выходу. — Не двигайся с места, иначе я так крикну, что люди разорвут тебя, — Сания прижалась к дверной раме, не зная, как улучшить момент, чтобы выскочить из юрты.

— По какой дороге они поехали?

— Не знаю.

— Давно они уехали?

— Давно. Тебе их не догнать!

— Ну это мы еще посмотрим! — Он остановился у дверей и пригрозил: — Только посмей высунуть голову из юрты — зарежу! — и исчез в темноте.

Всю ночь Сания не могла сомкнуть глаз. Холодный пот выступил на лбу. Голова разболелась от страшной мысли: «Изменник! Предатель!» Впрочем, не сейчас родилась эта мысль, она и раньше чувствовала, что Каражал не тот, за кого выдает себя и за кого принимает его Манай. Чувствовала, но не думала об этом. Она просто как женщина ждала встречи с ним. Не сердце было виной тому, а желание хотя бы минутной ласки. Ведь она не святая, она как все женщины степи, которые привыкают к простоте и грубости нравов. Только один человек считал ее чуть ли не святой, только один Кенже любил ее, боготворил ее, и она старалась быть в его глазах именно такой — чистой, недо-

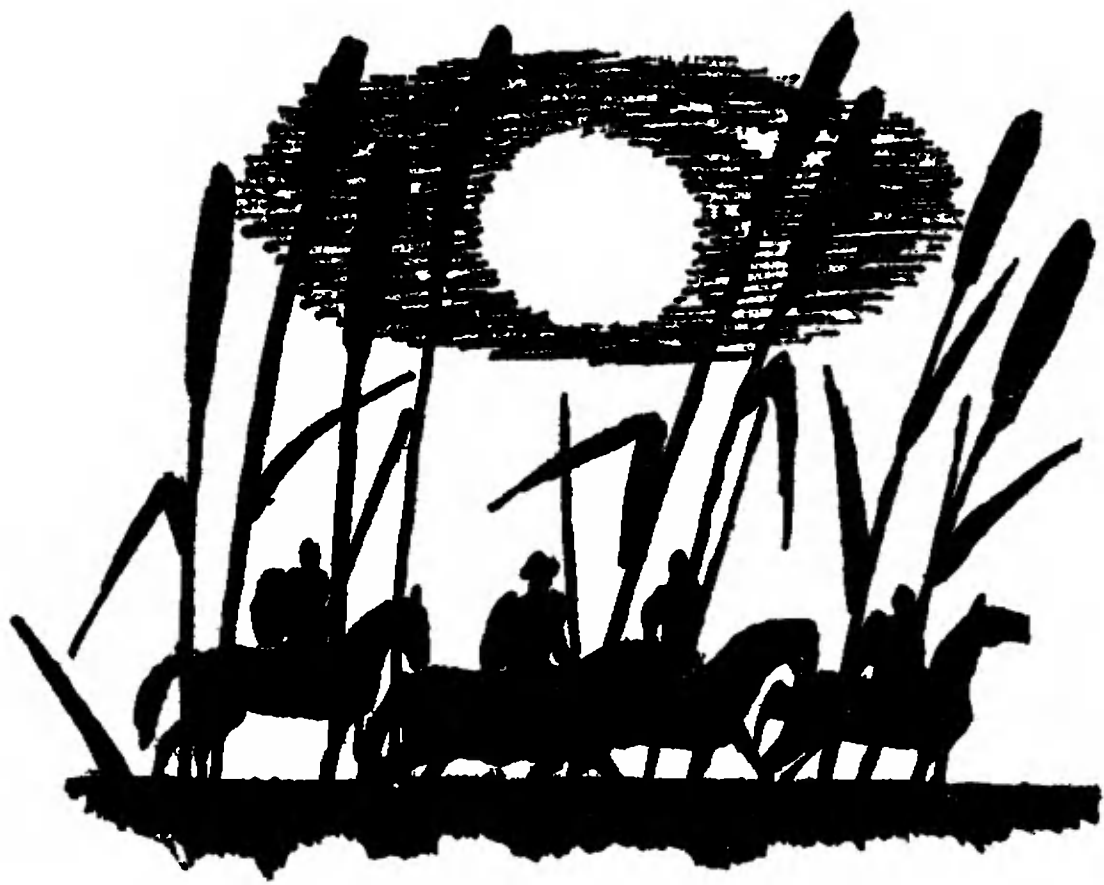
ступной. А если сказать правду, ей нравилось играть, наблюдать, как теряется и краснеет Кенже при встрече с ней... «Эх, эх... Кенже, Кенже, ягненок мой, и на кого я тебя чуть не променяла?! На врага твоего! А может... может... о, упаси, аллах. Нет! Казни меня! Казни! Может, он убийца — твой убийца!» Сания вцепилась в волосы, чтобы заглушить рыдания, уткнулась в подушку.

Да, он настоящий убийца! Она видела его стрелу — стрелу убийцы. Она висит на стене у Маная. Это та самая стрела с надрезанным концом, которая находилась в кольчуге Каражала. Она заметила эту стрелу тогда, когда тот проклятый старик, загадочный Табан, рассказывал свои сказки, страшные сказки о коварной царице Ануле. Это он, Каражал, убил Накжана и теперь, как кровожадный шакал, поскакал по следам Томана. Но с Томаном уехал ее отец! Каражал догонит и убьет их...

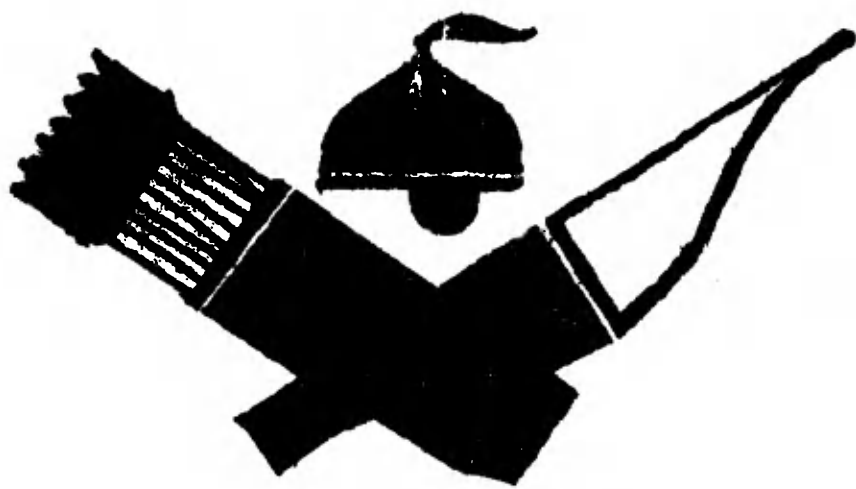
Что же делать?! Бежать к Манаю... Рассказать ему обо всем. Но как? Как убедить его, если он спросит: права ли ты, дочка? А откуда ты узнала это? Сказать правду?.. Нет! Дед Манай слаб. Он не вынесет такого удара, он любит ее как дочь, как подругу своего любимого сына Кенже.

Опять вспомнила слова Табана об Ануле. Страшные слова. Но Табан был прав. Сама Сания сейчас коварнее Анулы... Она стала сообщницей джунгар... Она такая же убийца, как Каражал. И пожар и убийство — это плоды ее измены. Она поведала вражескому лазутчику тайну Маная. Но почему за ее грехи, за ее предательство страдает весь аул, весь их род, который вскормил ее, любит и балует ее?!

Она сама должна найти выход из этого ада. Она догонит Каражала. Убьет его или умрет сама. Она больше не вернется в этот аул, которому причинила столько несчастий. Сания быстро оделась. Натянула кольчугу и шлем, проверила тетиву, острия стрел, лезвие сабли и, оседлав коня, на рассвете покинула аул...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Прошло два года с тех пор, как Кенже оставил свой аул где-то в песках близ мутной и многоводной реки Аккуйгаш. Два года назад отец послал его как гонца к батыру Малайсары. Вместе с ним был и друг отца — Сеит. Славный Сеит, пусть земля на его ложе будет мягка как пух. Это он отводил смертельные удары джунгар в самой первой и самой страшной для Кенжебатыра битве. Именно тогда, после той битвы, Малайсары назвал Кенже батыром, а потом так и пошло — Кенжебатыр.

Младший сын старого Маная оказался удачливым, он остался среди последней сотни жигитов Малайсары, сохранивших жизнь, хотя после битвы в ущелье за Алтынэмелем джунгары не отставали от отряда казахов, не давая передышки, то и дело загоняя в западни. Почти месяц им приходилось скрываться в горах. Они дошли до вершины Актау, что высится над глухим ущельем Текели, переправились через горные реки, а потом, после отчаянной драки с отрядами джунгар в песках у горы Матай, прорвались к Чингизским горам; вели неравный бой на берегах реки Шаган и, воспользовавшись ночной темнотой, оставив вконец исхудавших и обессиленных коней, несколько суток укрывались в пещере Святого Коныра; с помощью жигитов из племени тобыкты, бежавших в эти края с берегов Засана под предводительством своего вождя — бия Кенгирбая, им удалось отбить табун коней у джунгарских воинов-табунщиков и умчаться в степь Сарыарки, слиться с сарбазами батыра Санырака из рода тасжурек...

Санырак собирал одиноких мстителей, чтобы сполна рассчитаться с джунгарами за свои сожженные аулы, за угнанных в неволю сестер и братьев...

Кенжебатыру не удалось найти своего отца, свой аул, скитающийся где-то в степях вокруг Алтынколя.

Малайсары уже не мог, как прежде, вести жигитов в бой. Копье врага ранило его в левую ногу, вражья сабля рассекла мышцы правой руки. Раны долго не за-

живали, и потому он сам привел своих людей к Саныракбатыру. Санырак встретил его как друга и брата, как прославленного воина.

Шатры и юрты сарбазов Санырака были укрыты в небольшом, обильном водой и травой урочище, окаймленном мелкими сопками и лежавшем вдали от людных троп и дорог. Время от времени самые нетерпеливые жигиты, составив сотню, с согласия Санырака под покровом ночи углублялись в степь на сотни верст, совершали неожиданные налеты на стоянки и обозы джунгар, освобождали пленных, вселяя тревогу и страх в сердца джунгарских тысячников. Чаше других такие сотни возглавлял молодой Кенжебатыр. Санырак и Малайсары трижды вместе выводили своих жигитов на бой с отдельными туменами джунгар, разбойничавшими в степи, и трижды джунгары, оставив на поле сотни своих наемников, бежали в ставку своего владыки — принца Шона-Доба* — брата Галдана Церена и второго сына Цевена Рабдана.

С каждым днем увеличивались ряды сарбазов. Жигиты приводили с собой все новых и новых людей. Иные приходили в одиночку, другие — группами. У каждого десятка был свой вожак, обычно лихой и смелый жигит, жаждавший мести за несчастья, принесенные захватчиками ему и его роду. Иногда приходившие пригоняли отличных скакунов, отбитых у врага, а то и пленных — в основном маньчжур, китайцев и иногда уйгур. Но в последние месяцы больше всего среди пленников было западных монголов и восточных ойротов.

Молва о том, что три батыра, сыны трех разных родов — болатшы, басентина и тас-журек — стали братьями и вместе бьют джунгар, шла по степи, радуя сердце каждого казаха-скитальца. Об этом сообщали и пленные. Санырак вместе с Малайсары допрашивал пленных. Сопоставляя рассказ одного с тем, что поведал другой, батыры всегда точно определяли передвижение передовых сотен джунгар по степи. Нередко пленные сообщали о тайных связях того или иного казахского султана или бая с тысячниками джунгар, о тех, кто перешел на сторону врага со своими туленгутами, табунами и аулами. Случалось и наоборот: главари, сотники

* Настоящее имя — Лоузан Шоно. «Шона-Доба» называли его казахи.

или десятские джунгар, оскорбленные несправедливым, на их взгляд, дележом добычи или поддавшись чувству давней родовой вражды, переходили на сторону казахских сарбазов. Так среди джигитов Санырака оказалась ойротская сотня.

Все смешалось в степи, и часто невозможно было понять — где свои, где чужие. Одно было ясно — жертвой и пришельцев, и своих изменников становились мирные аулы. Их обирали дочиста, убивали всех, кто сопротивлялся, на стариков и детей не тратили пуль и стрел — их сжигали в юртах и оставляли в степи без пищи, одежды и крова. Юношей и девушек под охраной отправляли в Джунгарию, а оттуда — на невольничьи рынки Китая.

Постепенно умножая число своих сарбазов, Санырак совершал неожиданные налеты на объединенные тумены джунгар, где было по две, а то и по три тысячи сабель, отбирал у них добычу, освобождал пленных и быстро менял свою стоянку. Никто, кроме него самого, Малайсары и Кенжебатыра, заранее не знал, где завтра состоится встреча с джунгарами и где послезавтра раскинут они свои шатры и юрты. Все жигиты имели по одному, а то и по два запасных коня.

Сарбазы-мстители словно ветер носились по степи. Им была известна в ней каждая тропа, каждый ручеек, каждый колодец. Но где бы они ни проходили, всюду примыкали к ним новые люди — то одиночки, затаившие злобу на своего хозяина-богача, то беглецы из родных краев — казахи из разных жузов, разных родов. Среди сарбазов появились и русские, невесть где оставившие свою семью, свой очаг, бежавшие от гнета своих владык.

Конница Санырака разрасталась на глазах...

Тысячники джунгар тщетно пытались напасть на ее след. Они лавиной проносились по мертвым аулам. Часто им казалось, что великая Казахия вконец разгромлена, что в степи больше нет силы, которая бы противостояла им. Но хозяева степи то и дело появлялись — неожиданно, словно из-под земли, наносили урон, вселяли страх и вновь исчезали, не принимая боя с главными силами джунгар. А в конце лета, не дожидаясь осенних дождей, батыры увели своих сарбазов в глубь степей, повели в Бетпакдалу, куда еще в прошлое лето, спасаясь от джунгар, покинув богатые леса, луга и озе-

ра Кокшетау, переместилось могучее, но давно утратившее свою воинственность племя аргынов. Но здесь сарбазы пробыли недолго, Санырак не доверял вождям аргынов.

Малайсары молчал. Лишь раз, за вечерней трапезой, он как бы невзначай обронил:

— Где-то ходит батыр аргынов Богенбай. Народ славит его. Говорят, он молод, но спокоен и мудр. О его бесстрашии слагают песни.

— Брат мой, разве ты слышал, чтобы у аргынов рождались батыры?.. Если их не было раньше, то где же им взяться теперь... Хваленый Богенбай, видать, не стоит и твоего мизинца. Аргыны мастера распускать слухи и сочинять легенды. Песни и сказки, ворожба и костоправство — это их стихия. Они звездочеты и сочинители. Разве ты не знаешь пословицу: «Кипчаку и найману дай в руки булаву и выставь против врага, а аргынам вели сказы слагать...»?

Малайсары не ответил. Он как-то необычно, с тоской и удивлением посмотрел на Санырака и опустил голову.

— Тебе видней, мой брат... Я уже не тот воин, что может решать распри наших племен...

«Лев превратился в вола», — подумалось Кенже, когда он услышал эти слова. Юноша тут же покраснел от своей мысли, постарался скорее забыть услышанное в этот вечер. Упрямство Санырака ему было не по душе. Сердцем он был на стороне Малайсары, но как младший из батыров молчал, не вмешивался в споры старших.

Запасшись на зиму, они укрылись от глаз своих и чужих где-то в песках. Тысячники джунгар так и не смогли заманить их в свою петлю. Одолеть сарбазов не помогли даже пушки великого хунтайджи...

...На этот раз зима оказалась на редкость мягкой. Подножного корма для коней было вдоволь. Санырак и Малайсары всю зиму готовили жигитов для будущих битв.

Санырак никогда не снимал кольчуги и шлема. Говорили, что у него нет правого уха, что во время первой битвы, когда под его белым знаменем, на котором вышит человеческий глаз, а к острию древка прикреплен пышный конский хвост, было всего лишь

тридцать храбрецов, джунгарскому сотнику удалось полоснуть батыра саблей.

Кенжебатыр никогда не видел Санырака без шлема. Санырак снимал свой шлем тогда только, когда ложился спать.

Каждое утро батыр раньше других садился на своего черного гривастого скакуна и вместе с Малайсары и Кенжебатыром объезжал лагерь, поднимал сарбазов и выводил их в степь.

Начиналась конная борьба. Скинутые с седел продолжали схватку на земле или же учились вести бой со всадниками. Выявлялись лучшие стрелки из лука, мастера сабельного боя, обучались прыгать с коня и садиться на коня на полном скаку; учились не только ловко владеть пикой, но и умело защищаться. В походной кузнице готовили пики, закаляли лезвия сабель, кузнецы научились делать свои самострелы — мултуки (порох доставали из обозов джунгар).

Малайсары всегда с грустью наблюдал за жигитами со стороны. Он уже не мог, как прежде, владеть алдаспанами, пикой, палицей или пустить стрелу из лука. Раны зажили, но правая рука не покорялась ему, как раньше, пальцы ее не разгибались. Веселье в его глазах появлялось лишь тогда, когда жигиты выходили на охоту.

Во время охоты главным был конь. Он настигал лису или волка, и тогда Малайсары левой рукой пускал в ход шестигранную плетку, на кончике которой был кожаный мешочек с тяжелым куском свинца. Одним ударом Малайсары валил волка.

Кенжебатыр всегда неотступно следовал за Малайсары, всегда старался быть рядом с ним и помочь ему в нужный момент.

Однажды во время охоты Санырак заметил, как Кенжебатыр на полном скаку схватил за шею волка, подбитого Малайсары, и забросил его себе поперек седла. Волк был еще жив, и Кенжебатыр добил его в седле. Когда возвращались на стоянку, Санырак и Малайсары ехали рядом, впереди Кенжебатыра.

— Ты счастлив, Малайсары, — услышал Кенжебатыр голос Санырака. — Иметь такого смелого, преданного и неразлучного брата, как Кенже, — это воистину счастье.

Санырак с улыбкой оглянулся. Он был, как всегда,

в утепленном шлеме, короткая густая черная бородка ровно укрывала подбородок, усы аккуратно подобраны, а немного скуластое, широкое лицо стало сейчас добрым и мягким от улыбки.

Кенжебатыр редко его видел таким. Батыр обычно был сосредоточен, суров. Кенже невольно улыбнулся в ответ, но тотчас спрятал улыбку. Не пристало жигиту, да к тому же воину, развесив уши, слушать похвалы в свой адрес.

— Ну что вы, батыр-ага, нахваливаете меня как девушку на выданье, — произнес он и, придерживав коня, отстал.

— Если бы родной брат мой оказался таким, как Кенжебатыр, то большего счастья в жизни для меня бы не существовало. Но этот подлец, опозорив весь род, осрамив меня, с самого начала ушел к джунгарам. Весь прошлый год я жаждал встречи с ним на поле боя, я сам бы покарал его от имени отца и матери, но так и не довелось увидеть этого шакала... — чуть ли не стоном вырвалось у Малайсары.

Санырак молчал. Малайсары впервые вслух говорил о том, что у него есть, вернее, был брат. Он никогда никому не рассказывал ни о себе, ни о своих родичах. Лицо его потемнело, голова склонилась от стыда. Санырак почувствовал неловкость за то, что случайно, по незнанию, причинил боль другу. Но на откровенность отвечают откровенностью.

— Да, тяжкие времена, батыр, ныне роднее родного тот, кто поддержит нас в бою, как друг подставит плечо... Прости, Малайсары, я не знал о твоем горе, и не было злого умысла в моих словах. Аллах свидетель, — проговорил Санырак.

— Кенже — сын старейшины рода болатшы. Младший из пятерых сыновей мудрого Маная, — глубоко вздохнув, вновь поднял голову и, оглядевшись вокруг, произнес Малайсары, — а я из рода басентин, но мы оба, как и ты, принадлежим к великому племени найманов, так что мы единоутробные по предкам нашим, а значит, и братья кровные, как и все племена казахов Младшего, Среднего, Великого жузов. Теперь от нашего единства зависит жизнь, судьба всех казахов.

— Правда твоя, батыр. Нынче все уже знают, что нет у казахов надежды ни на аллаха, ни на ханов и султанов. Единственная надежда у нас всех — на свой

меч. Но сумеет ли воспрянуть народ, собраться воедино... — сказал Санырак. — Прости меня, я не принял твои слова о Богенбайбатыре. Ты помнишь? Но с тех пор многое передумал. Ты прав, брат...

— Народ пришел в себя после ударов джута и джунгар. Опомнился, начал отбиваться и убедился, что джунгары такие же люди, что пушки хунтайджи не так уж страшны, только сильно гремят... И теперь он ищет вождя. Он пойдет не за каждым. Народ никогда не пойдет на смертельный бой, если не поверит в силу и разум вождя, если не заручится единством своих старейшин и не получит их общего благословения... — перебил его Малайсары. Последние слова он произнес твердо, убежденно.

— Да, ты снова прав, Малайсары. Ныне уже все — и стар и млад — говорят о заповедях Тауке-хана, который смог одолеть в битве полчища Цевена Рабдана.

— Но еще никто не сделал первого шага, чтобы восстановить единство. Тауке-хан смог сплотить казахов лишь на несколько лет. А после все пошло как прежде. Любой хан, любой султан, любой правитель не перешагнет междоусобную черту, каждый готов отдать на съедение врагу своего соперника. Пусть сожгут аул найманов, лишь бы аргынов или коныратовцев не трогали... А батыры... Немало богатырей появилось в степи. И каждый со своей сотней или тысячей в одиночку кусает то в бок, то в зад джунгар, то ударит по темени. Но одолеть в открытом бою не может... У каждого батыра своя гордость, и никто не хочет переступить черту, стать под знамя другого... Это наша древняя и затяжная болезнь.

Хотим мы или не хотим, но истина беспощадна, и она утверждает, что всегда нас били, побеждали за нашу спесь по отношению друг к другу, за нашу алчность, наше упрямство. Распри правителей, междоусобицы — помощь врагу. Ты был прав, мой брат, когда говорил, что кто-то должен унять свою гордыню, идти на уступки.

Вот и я думаю: не начать ли это нам с тобой, брат мой Малайсары... Ты пришел ко мне как простой воин, хотя среди батыров ты один из первых дал отпор тысячной коннице джунгар. Ты подобен удальцу Жантаю. Не пойти ли нам вместе и не призвать к единению сил батыра Тайлака?! Достаточно

трех-четырех персходов, и наши сарбазы смогут объединиться... Скоро лето, надо не ждать ударов джунгар, а опередить их и первыми напасть на них... Что ты скажешь, Малайсары?

— Провидцы говорят, что тысячники джунгар стоят у Шаша в Сайраме, закрепили шатры у Алтынколя. Пошлем гонцов к Тайлаку... — проговорил Малайсары. — Пусть гонцы скачут ко всем батырам, ко всем султанам, пусть народ сам потребует единства ханов... Если ты не против, пусть это дело будет поручено Кенжебатыру. Я скажу ему.

— Кенжебатыр! — Малайсары оглянулся, но не увидел друга. — Где он?

Кенже ехал далеко в стороне в кругу молодых жигитов, недавно появившихся в стане Санырака. Они возвращались после осмотра окрестных троп и дорог. Нигде не заметили ничего подозрительного и оттого были спокойны. По дороге слились с теми, кто возвращался с охоты. Кони на ходу жадно пощипывали первую траву.

Кенже с удивлением заметил, что подснежники уже уступают место ранним бутонам диких тюльпанов, что очень пушисты кусты молодого жусана и что вся степь, как тонкой шелковой накидкой, укрыта чистой синевой весенних трав.

... Ранняя, очень ранняя весна нынче, подумалось ему. Да, собственно, и зимы-то по-настоящему не было в этих краях. И весна нынче будет хорошей, богатой травами. Хотя снега было мало, но зато обильными будут дожди — так говорят старые воины, — а это значит, что и лето и осень будут сытными для скота. О аллах, упаси нас от такого джута, как это было в позапрошлую зиму; и от такого зноя, как в тогдашнее лето, и дай нам силы согнать с родной земли джунгар и найти своих родных, говорили старые воины, еще и еще раз напоминая Кенже об отце и о Сании, о родном ауле. Где они теперь? Живы ли? Смог ли отец увести своих бедных сородичей, одноаульцев, подальше в степь, укрыть от врага, найти тот «тихий, спокойный уголок земли», о котором мечтал?

Кенже подумалось, что прошло так много времени — целая вечность — с тех пор, как он не видел Санию.

Всеми виной война. Даже миг на войне кажется бес-

конечным, потому что этот миг — взмах сабли или удар булавой, потому что в это мгновение может оборваться жизнь. На войне в один миг можно потерять не только отца или брата, семью, родственников, но и свой аул, свой род.

Кенже вспомнил, как однажды вечером у костра кто-то из воинов, знавших язык кзылбашей*, рассказывал о каком-то поэте, который говорил, что люди — куклы, они созданы из земли и сам аллах забавляется ими как хочет, поиграет, а как надоест, так выбросит человека из игры, чтобы он вновь ушел в чрево земли. Нет вечной жизни, нет вечных людей. Вечна лишь одна любовь, говорил поэт.

И самое великое несчастье — это потерять любовь или не знать ничего о ней... Что-то страшное, роковое таилось в словах поэта. И та щемящая тоска, которая всегда была его спутником с тех пор, как он увидел Санню, и которая сопровождала его даже тогда, когда он был в ауле и каждый день встречал ее, теперь вновь проснулась в нем с новой силой.

Последние дни он не находил себе места. Внешне всегда спокойный, сдержанный, внимательный, он стал рассеян, часто, поглощенный своими мыслями, не слышал обращенных к нему слов. Вот и сейчас он не слышал крика Малайсары.

— Эй, брат, не тебя ли окликают? — спросил его воин, ехавший рядом.

— Кто? — очнулся Кенже.

— Э-э... Ты совсем задумался. Даже не слышал. Видать, немало горя досталось на твою долю. Да только тоска не поможет. Веселей живи, брат, ты еще молод. Вон батыры тебя зовут, — воин камчой указал вперед, в сторону Малайсары и Санырака.

На казаха непохож, а говорит не хуже любого аксакала, отметил про себя Кенже, еще раз взглянув на воина. Плечист, скуласт, но все же непохож на казаха, волосы светлей, и глаза прозрачней...

— Из какого вы племени? — спросил Кенже.

— Из башкир я. Хайдаром зовут. Ищу батыра Таймаза. Говорят, он на Каратау... — услышал Кенже в ответ.

«Таймаз, Таймаз, не слышал я о таком батыре. По

* Персидский язык.

степи вот уже второй год идет молва о Богенбае как о самом умном, удачливом, спокойном и смелом батыре; знают люди о вспыльчивом Тайлаке, о Малайсары и Саныраке, а о Таймазе... Нет, не слышал о Таймазе. Ну, аллах с ним. Чем больше батыров в степи, тем лучше. Быстрее прогоним джунгар», — подумал Кенже.

— Вы звали меня, батыр-ага? — спросил он, на полном скаку осадив коня возле Малайсары и Санырака.

— Готовь коня в дорогу. Выбирай лучшего в табуне. Возьми с собой жигитов. Завтра будет совет старейшин. Исполнишь волю старших. Жди. Батыров шлют гонцами по самым сложным и важным делам. Удача батыров придает силу сарбазам... — с улыбкой сказал Санырак.

...Попросив подсыпать коню овса из запасных коржун, Кенже до блеска начистил шлем, ножны, свежим бараньим салом натер сапоги, чтобы они стали мягче, проверил запас стрел в колчане, надел свою стальную рубаху-кольчугу, а сверху накинул короткую абу, сотканную из верблюжьей шерсти. Сарбазы, ведавшие припасами, наполнили каз-моин * самым свежим весенним кумысом.

Все готово. Но кого же из жигитов взять с собой и куда держать путь? Санырак еще не сказал об этом. Но не все ли равно — к озерам Кокшетау или к лесам Каркаралы... А быть может, к северным пастбищам Сарыарки или Улытау?

Кенже уже надоело топтаться на одном месте. Может, эта поездка наконец станет для него счастливой и он узнает что-нибудь о родном ауле, узнает, где его отец, найдет Санию! Его охватило волнение. Скорее бы дожидаться завтрашнего вечера и узнать, что предстоит. Возможно, его пошлют гонцом к вождям тобыктинцев, кереев или аргынов. Но кого же взять с собой в дорогу? А что, если того, кто говорил о батыре Таймазе? Башкира. Ведь он тоже ищет своих.

Кенже нашел Хайдара и вместе с ним подобрал еще двух жигитов — быстрого, смелого и меткого Лаубая из рода тас-журек и молодого руса, бежавшего от своего повелителя. Тот называл себя Егоркой, а сарбазы звали его просто «рус Жагор», так было легче. Ни в смелости, ни в лихости Жагор никому не уступал.

* Узкогорлый кожаный сосуд с тиснением.

Когда стемнело и звезды украсили ночное небо, Кенже явился в двенадцатистворчатую белую юрту Санырака. Батыр переселился сюда недавно из крепкого саманного дома, где провел зиму. Стража пропустила Кенже. В юрте на кошмах и коврах, на волчьих шкурах, пододвинув под локоть кожаные подушки, сидело и полулежало человек десять пожилых сарбазов. Большинство из них были воины из рода тас-журек, к которому принадлежал и сам Санырак. Малайсары сидел рядом с хозяином юрты. Кенже отметил про себя, что Санырак сидит без шлема. Но на голове у него была ушанка из тонкой черной материи, которая обычно надевается под шлем.

Огромный дастархан, расстеленный перед гостями, был завален баурсаками, кусками казы, куртом и комками сахара.

Молодой воин разливал душистый чай из огромного железного чайника.

Кирпичный китайский чай из обоза джунгар, подумал Кенже. Ох и ловко же захватили осенью обоз тысячника! Увели вместе с охраной, а следы размыло дождем и запорошило снегом.

Он приветствовал сидящих.

— Иншалла... Старые люди говорят: кто приходит во время трапезы, тот вестник добра. Быть тебе удачливым, — приветствовал его Санырак.

— Мы готовы в дорогу. Куда путь держать, батыр? — спросил Кенже, поблагодарив за приглашение к дастархану.

— Я слышал, что на Каратау собрались лучшие кузнецы казахов из всех жузов и вместе куют алдаспаны и мултуки... Я слышал, что все три великих старца — Толе, Казыбек и Айтеке — три верховных бия трех жузов — собрались в одном ауле на берегу Сырдарьи; я слышал, что тысячники джунгар, захватившие Туркестан, Сайрам и Шаш, ныне не могут без страха покидать городские стены; что у каждого из семи ворот Туркестана стоят по сто воинов джунгар. Люди говорят, что великие бии провели свой совет и послали гонцов ко всем ханам, требуя исполнить волю народа — слить воедино силы сарбазов. Идет по степи молва о славном Богенбайбатыре, птицы на крыльях несут его клич о единстве... — Санырак впервые говорил так долго. Он

словно заранее подкреплял свою еще не высказанную мысль. — Правду ли я говорю, аксакалы? — обратился он к старым воинам, сидящим вокруг дастархана.

— Правда твоя, батыр. Говори!

— У него на груди такой же знак, как и у меня. — Санырак своей огромной ладонью поднял висевшую у него на груди массивную круглую золотую пластинку с барельефом льва. — Такой же знак, как и у батыра Малайсары. Вместе с этим знаком народ нам вверяет свою судьбу, как своим верным сыновьям. Эти знаки вожди племени надевают не всем батырам. И у каждого знака свой символ. На одном изображен лев, на другом — беркут, на третьем — тигр, на четвертом — горный архар. Какой знак у Тайлака?

— Беркут! — ответили воины.

— Лев предлагает беркуту руку, чтоб исполнить волю вождей племени! Ты с нами, брат мой Малайсары?

— Только смерть задушит мою жажду братства и мечту о мести джунгарам. Я с вами, брат. Аллах свидетель, моя обескровленная рука еще тверда.

— Вы слышали, братья? — Голос Санырака звучал торжественно.

— Мы согласны с тобой, Санырак. Твоя речь мудра, как речь великого бия!..

— Дат! — перебил всех Санырак. — Не надо сладких речей. Брат Кенже ждет нашего слова. Пусть он скачет к Тайлакбатыру, передаст ему наши слова. Его шатер недалеко. Тайлак в Иргизских степях. Пусть Кенже найдет его. Я слышу гул копыт коней сарбазов Тайлака. Он ведет открытый бой, не боясь джунгар. Теперь джунгары должны бояться нас, они на нашей земле...

— Истина властвует в твоих речах, батыр! — зашевелились старые воины. Забыв о степенности и выдержке, они заговорили, перебивая друг друга, не скрывая радости. Слова Санырака словно сняли с их лиц пелену настороженности, грусти и тревоги.

— Благословим Кенжебатыра в дорогу. — Самый старый воин встал с места и раскрыл ладони.

Поднялись все. Кенже стоял перед ними, охваченный торжественностью момента, не чуя земли под ногами, готовый сейчас же, сию минуту выполнить волю этих убежденных седирами воинов, волю всех казахов — волю отца своего — Маная, волю Сании. Ведь если они сейчас

живы, то не могут не присоединиться к словам Санырака.

Ах, если бы Сания была рядом и видела бы, какая великая честь оказана ему, Кенже.

Он выполнит волю батыров, даже если это будет стоить ему жизни. Ни сотня, ни тысяча джунгар не смогут остановить его на пути к батыру Тайлаку.

— Аминь! — услышал Кенже. Его благословили в путь.

— Я найду батыра Тайлака. И передам ему вашу волю, не забыв ни слова. — Он на миг преклонил колени перед старшими. Выпрямился.

— Иншалла, пусть небо поможет тебе. Темнота ночи позволит тебе миновать джунгарские засады...

Кенже мельком взглянул в лицо Санырака, потом Малайсары. Станным был взгляд Малайсары. Он будто безмолвно прощался с ним.

Кенже отвернулся, шагнул к двери. Вышел, не удержавшись, заторопился, побежал к своим друзьям, которые, приготовив коней, ждали его в небольшой безлюдной ложбине, в стороне от стана сарбазов, укрываясь от посторонних глаз.

* * *

...Ночи в степи прохладны. Но сегодня было необычно тепло, вероятно, от туч, так низко нависших над землей. Все, кажется, сопровождало гонцам — и темнота и тучи. Одна только беда — как отыскать дорогу в этой тьме? Когда видны звезды — легче, любой казах определит дорогу в степи и по звездам. А во тьме степь не подвластна никому. Не определить, откуда всходит солнце и в какой стороне Кааба. Да к тому же никто из жигитов толком не знал, как быстрее добраться до Иргизской стороны — ни сам Кенже, ни Хайдар, ни Егорка. Разве что Лаубай. Он житель этих краев, он из рода тас-журек, что кочует в этих местах. Он знает дорогу в Иргиз, но во тьме и он беспомощен. И все же Кенже согласился с ним — решили пробираться по древней Сауранской дороге* вдоль караванного пути к Улытау, который виден был днем за десятки верст.

* Древняя караванная дорога, пересекающая Казахстан от Туркестана на юге до города Тары на севере.

С начала войны по дороге уже больше не ходили, как прежде, многолюдные караваны купцов из России и из Каркаралы и Улытау, из Туркестана, Караоткеля и Хивы. По ней иногда проходили лишь беженцы — порой одиночки, порой целые аулы, бегущие от жестокостей джунгар. Не раз по ней двигались и отдельные сотни, находившиеся под предводительством принца Шона-Доба.

Шона-Доба соперничал с Дабаджи *

Его конница с самого начала по велению отца была направлена от Зайсана на завоевание обширных степей и обильных пастбищ, лежавших севернее Алтынколя и тянувшихся до самого Сейхуна ** и Жаика ***. Во всем этом обширном крае не было таких богатых городов, как на пути Дабаджи, чья конница дошла до богатого шелками и золотом Шаца и Туркестана. Все двадцать пять казахских городов захватил Дабаджи. А на долю Шона-Доба досталось лишь несколько старых глиняных крепостей на берегах Иртыша и Аягуза да руины старых городищ на Улытау. Правда, зато здесь, в степи, тысячники и сотни Шона-Доба сразу стали обладателями огромных пастбищ, несметных стад овец, отбили у казахов сотни табунов коней.

Отборные косяки кобылиц Болат-хана достались Шона-Доба. Но что от этого толку, если он не смог овладеть кладами хана и взять в плен самого Болат-хана — властителя Великого жуза. Правда, и Дабаджи не сумел взять в плен ни одного казахского хана, ни одного батыра, но зато он слал повелителю в дар шелка, парчу и бархат.

Что же касается пленных жигитов и казахских красавиц, то Шона-Доба отправил их в прошлом году в Джунгарию не меньше, чем Дабаджи.

Чем дальше продвигалась конница, тем все труднее и труднее доставалась джунгарам победа. Да и можно ли было назвать это победой? Не только рядовые наемники, даже тысячники уже не те, что год-полтора назад, когда они, опьяненные первыми успехами, ринулись в эту бесконечную, но чужую и оттого загадочную и пугающую степь за наживой. И тогда всем им хотелось

* В русской историографии известен под именем Даваци, Джунгарский феодал ханского рода.

** Сырдарья.

*** Река Урал.

вернуться назад с первой же добычей. А сейчас, в эту новую весну, еще труднее стало управлять изголодавшейся за зиму армией.

Все меньше и меньше становилось добычи. Неуловимые сарбазы казахов, как волчьи стаи, неожиданно появлялись, сеяли панику, опустошали обозы. Караваны с трофеями и пленными, которые под усиленной охраной Шона-Доба отправлял домой, в Джунгарию, в ставку отца, вот уже несколько месяцев не могли выйти за пределы казахских земель — исчезли бесследно, где-то в пути попали в руки мстителей. Более того — уже дважды сотники, хранители добра хунтайджи, возвращались к нему, потеряв всех своих воинов и онемев от ужаса. Под ударами нагайки, под пытками они говорили правду: караван захвачен казахскими сарбазами, а их — сотников — сарбазы оставили в живых для того, чтоб они передали ему, наследнику трона, принцу Шона-Доба, слова... Ха! Какие это были слова!.. Принц, не дослушав, не узнав, где сотники попали в руки сарбазов, всаживал в них кинжал...

Какие-то самозванцы, именующие себя батырами, требовали от него, Шона-Доба, покинуть эти степи!..

* * *

...Взобравшись на походный трон, схватившись за золотую голову огнедышащего льва, служившую для опоры рук, положив на колени обнаженный меч с рукояткой, инкрустированной бриллиантами, принц-полководец, одетый в легкую соболью шубу, созвал к себе тысячников и вот уже второй раз приказывал им найти тех, кто осмелился увести караваны, кто посмел произнести столь дерзкие слова о нем.

Он торопился скорее покинуть эти края, скорее отвести свою конницу к городам на берегах Сейхуна. Но не мог идти дальше, не обезглавив сначала столь дерзких батыров.

Но где эти неуловимые батыры? Быть может, и нет их вовсе? А быть может, появились предатели в самом лагере принца, среди его слуг и рабов, среди его полководцев?..

Тысячники молчали. Вокруг стана, где собралось

пятнадцатитысячное войско джунгар, по крайней мере верст на двести-триста все было пустынно. Оставались там лишь нищие аулы. Лазутчики и провидцы возвращались ни с чем. Никто не мог узнать точно, где стоянка батыров Санырака и Тайлака и сколько сарбазов у них. Собственно, одной тысячи хватило бы, чтобы расправиться с каждым из них в отдельности. Но посылать в открытую степь столько войска, не зная, где находится враг, было бессмысленно.

— Кони набрали силу, заждались. Все тумены покинули зимние стоянки, стянуты к твоему шатру, готовы к походу. Люди все чаще оглядываются назад, тускнеют их глаза, они вспоминают о своих домах. Не слишком ли часто ты говоришь об этих недостойных твоего внимания бродягах, мой повелитель? — начал старый косоглазый Дамба — любимец самого хунтайджи, главный советник принца. Он был старшим над тысячниками и командовал всеми туменами войска. — Нас ждут города на Сейхуне, реке, которую казахи называют Сырдарья. Там мы должны объединить наши знамена с бесстрашным великим Дабаджи, и тогда у наших ног будут все красавицы Самарканда и Бухары, а богатства этих городов умножат могущество и славу вашу, мой повелитель. Еще выше станет трон непобедимого и славного владыки — Цевена Рабдана. Мы оставим здесь конницу тысячника Хансаны. Пусть он пронесется со своей тысячей по этой степи, растопчет безумцев, осмелившихся бросить нам вызов. Он догонит нас. Пора в дорогу. Кони заждались...

— Разве ты забыл, как этот наглец Тайлак осмелился назвать нашего солнцеподобного отца трусливым зайцем? Разве ты забыл, что он осмелился сказать, будто наш владыка и повелитель, всемогущий отец наш, перед которым склоняет голову сам богдыхан, когда-то был бит Тауке-ханом? Я не сделаю ни шага с этого места, пока у моих ног не окажутся головы безумцев, — принц впервые так резко говорил с Дамбой. Ему хотелось как можно резче осадить этого старика, который посмел назвать Дабаджи «великим». Ведь не Дабаджи, а он, Шэна-Доба, сын Цевена Рабдана и брат Галдана Церена, значит, он, Шэна-Доба, великий принц — прямой наследник трона. — Мы даем вам неделю. К ее исходу они должны быть привязаны к моей повозке. Как псов

я поведу их на привязи за собой. Пусть своим воєм оглушают степь! Я все сказал!

Тысячники, пятась, покинули шатер. Остался Дамба.

— Честь и слава нашего владыки для нас превыше всего! Ты, наверное, забыл об этом. Ты стар. Тебе уже пора в постель. Ты боишься подальше заглянуть в казахские степи, Тайлак и Санырак тебе кажутся львами, живущими в недоступном логове. Найди дорогу к ним. Ступай! Мы подумаем о тебе, — губы принца скривила улыбка, лицо старого советника окаменело, глаза еще больше сузились.

Впервые с тех пор, как хунтайджи назначил его наставником и советником своего младшего сына, он вышел из шатра принца как простой воин, пятась. Чуть не свалился, споткнувшись о порог. Услышав за собой тихий смех принца, он до боли в ладонях сжал рукоятку кинжала и, кажется, понял, какой гнев принца он навлек на себя. Заметив, что в стороне, как обычно, в ожидании его приказов стоят тысячники, Дамба обрел привычный вид и, пристально вглядевшись в их лица, приказал им следовать за собой.

В тот же вечер, несмотря на близость ночи, из стана джунгар по всем дорогам и тропинкам направлялись в степь отряды конницы, ведомые сотниками. Свирепый Хансана после долгой беседы в шатре Дамбы собрал всех своих сотников и повелел им до заката следующего солнца узнать точное местонахождение главных сил Тайлака и Санырака.

Прочесать степь так, как это делали разъезды Чингисхана, чтобы ни один зверь не мог проскочить незамеченным, ни один человек не мог ускользнуть из рук. Пытать всех встреченных в степи. В аулах заставить говорить всех от мала до велика. И в первую очередь пытать старцев, которые, решив, что нечего бояться тем, у кого ничего нет, остались здесь.

Уже покидая свои шатры, сотники видели, как пришел в движение весь огромный стан всесильного Шона-Доба. Пламя вспыхнуло на копьях отборной охраны, стоявшей вокруг огромного островерхого шатра принца.

К вечеру загорелись костры, отмечая боевой распорядок туменов. Этого давно уже не бывало, но таков был наказ солнцеликого Цевена Рабдана, и, видимо, сегодня и принц, и Дамба вспомнили о священном наказе. Видимо, не сегодня, так завтра принц устремит

свою конницу в поход. Но куда? Вперед, к войскам Дабаджи, или назад, к отцу? О священный Будда, вразуми принца...

В зареве костров, покидая стан, сотники заметили и то, как резко была увеличена охрана боевых коней, набравших силу на весенних выпасах.

* * *

...Всю ночь не останавливались гонцы Санырака. Глаза их привыкли к темноте, к тому же после полуночи с неба спала завеса туч, выглянули звезды. Ехать стало легче и спокойнее. Кенже и Лаубай, вглядевшись в звезды, убедились, что не сбились с пути, не свернули на одну из сотен троп, которые ветвят Сауранскую дорогу. Дорога вела к старым горам, за которыми простираются Иргизские степи, а там не пройдет и дня, как они найдут — в этом они были уверены — прямую тропу в стан батыра Тайлака.

Ехали быстро, изредка перебрасывались словами. Интереснее всего было слушать Егорку. Хайдар все же не так интересовал Кенже и Лаубая — как-никак был своим, единоверцем. А вот что заставило принять на себя тяжкое бремя службы сарбазов Егорку? Какой ему интерес? Россия отсюда далеко, люди здесь иноязычные...

— Люблю коней, люблю волю, — говорил Егор. Но это все еще не проясняло дела. Кто же не любит хороших коней? За тулпара можно отдать все свое состояние. А кто же из людей не любит свободу? Но ведь как понимать слово «свобода». Когда война, значит — садись на коня, бери меч в руки, иди на врага. Хочешь в одиночку, хочешь стань под начало батыра и сражайся, пока твоя голова цела. Но разве это свобода?

А когда нет джунгар, нет войны, тогда надо идти к баю, султану или хану, стать их туленгутом, или чабаном, или табунщиком, — кем ни станешь, все равно ты подчинен их воле, а сами они — воле более сильного. Конечно, можно не служить никому. Но тогда придется сделаться разбойником, конокрадом и прятаться от всех. Что же это за свобода! Да и есть ли в жизни она вообще? Странно говорит Егорка. Но тем интереснее его слушать. Он много знает и много видел и даже понимает язык

джунгар. Выходит даже, что он был во дворце самого Цевена Рабдана. Но когда и почему? Все это надо узнать подробнее, решил Кенже. За два года войны он понял, что хорошо надо знать соратника, прежде чем довериться ему. Осторожно спросил:

— Какие же дела заманили тебя в Джунгарию из дальней столицы белого царя и как же сумел ты пройти все народы и пути через великую землю нашу? Не скажешь ведь ты, что не было опросов на дороге и что ты перелетал туда на сказочном драконе?

— Мы не царевичи, чтоб о нас сказки сказывать, — ответил Егорка. — Все как есть скажу. Мое дело плотницкое да кузнечное, чтоб телеги чинить. Вот и взяли меня с собой его высокородие капитан Унковский* в свое посольство к зюнгарскому хунтайджи его преподобию Цевену Рабдану. Вот уже пятый годок пошел с той поры. Ехали мы тогда через татар и башкир — то земля Хайдара. Через Волгу — Едиль, через неведомые просторы ваши. Ох и много же довелось увидеть! Хана вашего с Меньшой орды, Абулхайра, довелось увидеть и хана Великой орды Болата. Десять месяцев, считай, добирались от России до зюнгар. Сказать можно так: хоть и наш Христос, и ваш Аллах, и Будда зюнгарский — разные боги, а мужики-то, считай, все одно схоже живут — один у барина землю пашет, другой у бая коней пасет, а третий у хунтайджи и нойонов под плетью пляшет.

Вот выходит, что воля-то у тебя тогда, когда под тобой конь хороший и сабля острая в руках. Тут уж ты человек, себя в обиду не дашь. Но самое верное дело, если ты человек к тому же с умением, если бог твой тебя обласкал и хорошее дело тебе в руки дал.

Вот мы, русские, бивали шведов под Полтавой, считали: швед он есть швед. А швед — он голова! Видывал я у хунтайджи одного шведа, Ренатом** кличут. Выходит, что мы его Полтавой в полон взяли, а потом его послали вместе с господином Бухгольцем в компанию по Иртышу, это с согласия вашего Тауке-хана. Он, этот

* Посольство Петра I во главе с И. Унковским прибыло в Джунгарию летом 1722 года.

** Иоган Густав Ренат — сержант шведской армии. В 1709 году попал в плен к русским. В 1715 году попал в плен к джунгарам и пробыл у них до 1733 года, научил плавить железную руду, лить пушки, готовить снаряды, устроил типографию.

Ренат, земли на бумаге рисовать умел. Я слышал, что ваш Тауке с царем Петром посольство имели, союз замыслили. Так вот зюнгары напали на Бухгольца и вновь полонили Рената, отвели его к своему хунтайджи. А он, оказалось, и пушки лить умел. Вот и повелел хунтайджи дать ему все, что захочет, и людей под его власть дал, и все оттого, что тот пушки лить умел. Много пушек отлил. И теперь те пушки против нас грохают.

— Видел я эти пушки, когда на битву нас водил батыр Малайсары. Нам бы такие... — задумчиво произнес Кенже.

— Я к тому, что если бог тебе хорошую башку даст да умное дело в руки, то ты уже всем нужен. И царю, и хану, и хунтайджи, — ответил Егорка. Потом добавил: — Авось и я бы служил по сей день господину Унковскому. Человек он был не без доброты, ума большого. Да отослал он меня с обратной дороги в Ямышевский острог. Пакет дал и велел с двумя казаками оный пакет начальнику острога передать самолично. Да зюнгары тайно на след на наш напали. Полонили, пакет отобрали, казаков сгубили, а меня решили к хунтайджи на допрос повести.

«Тебя не тронем, — говорят. — Мы, — балакают, — в дружбе с царем русским хотим быть, вместе на казаков войной ходить». Да какая уж дружба, когда тебя в полон берут. Плохо дело, думаю. Бежал все-таки. Через месяц до Ямышевки добрался. Сказал, как было. А меня в острог, потом копать землю под частокол заставили. Как кончишь, говорят, так тебя, сукина сына, предателя, назад отправим, в Москву, с конвоем. Выложишь там все как было. А я тут хоть малость воли отведал. Вот и решил — лучше к батыру. Добыл коня и саблю.

Кони, не сбавляя, шли быстрой рысцой. Увлечшись рассказами Егорки, Кенже, Лаубай и Хайдар не заметили, как приблизился рассвет, вокруг посветлело, прохладный предутренний ветер бодряще бил в лицо.

— Говорят, что уже подох хан джунгар Цевен Рабдан и на трон уже сел его старший сын Галдан Церен*.

* Галдан Церен занял джунгарский престол в 1727 году.

И готовит новые войска, чтобы заслать к нам... — проговорил Лаубай.

Они свернули с Сауранской дороги. Завидев четырех всадников, невесть откуда появившихся здесь и едущих напролом по бездорожью, оставляя следы на траве, покрытой утренней влагой, тяжело поднимались с места заленившиеся за ночь степные беркуты. Порой пересекал дорогу одинокий волк или стремглав бросались прочь поредевшие за эти годы стада сайгаков.

— Здесь хорошая охота на куланов и на лис, — мечтательно сказал Лаубай. — Да куда-то они нынче подевались.

— Сейчас охота не для нас, — ответил Кенже. — Коням нужен отдых, и самим нам ноги размять не мешало бы.

В небольшой ложбинке они нашли еще не успевший иссякнуть родничок. Расседлали коней, пучком травы вытерли их потные спины и, стреножив так, чтобы не смогли уйти далеко, отпустили. Ополоснув лица водой из родника, закусив из походного коржуна, все четверо с наслаждением растянулись на траве. Наступил день. Лучи солнца рассеялись по зеленой степи, ярко осветив черные скалы Улытау.

Уставшие кони, освободившись от седел, остались стоять на месте, но вскоре голод взял свое, они с хрустом начали рвать сочную зелень. Травы было вдоволь. Вкусной майской травы. Так что беспокоиться о том, что кони поднимутся выше и их кто-то может заметить издали, было не нужно.

Жигиты, сняв оружие, сапоги, подложив под голову седла, расслабив мышцы, с удовольствием растянулись на прохладной зелени.

— Может, сарбазы Тайлака знают, где конница Таймаза, — мечтал вслух Хайдар. — Найду своих, там хоть в ад пойду...

— Да, жигиты, что ни говори, а все же, если бы не джунгары, никогда не встретились бы мы у этого родника все четверо вместе, — пытался философствовать Егор. Лаубай молчал. Он всегда был молчалив. Кенже лежал, глядя в нежно-синее, чистое утреннее небо. Слушал песню жаворонка, но мысли его были совсем далеко.

Он вспоминал Санию, ее улыбку, ее глаза, ее волосы. Так всегда бывало с ним в редкие минуты затишья,

спокойного отдыха. Вот и сейчас, устало закрыв глаза, он видел ее, слышал ее голос. Он шел с нею рядом по этой влажной, мягкой и прохладной траве. Она была босая, как в детстве, в ауле. На ней белое платье, а волосы черные, черные и глаза. Они искристы, эти родные глаза, в них затаился смех. А он в тяжелой кольчуге, со шлемом. Идет с ней рядом, и сабля в серебристых ножнах волочится по траве.

— Я люблю тебя, очень люблю, — говорит она.

— Я всегда ищу тебя. Ты где была? — спрашивает он.

Она смеется в ответ.

— У нас в стане немало женщин и девушек. Они стреляют из лука и шашкой владеют не хуже мужчин. Но я не вижу их, я ищу тебя, — говорит он.

Она смеется.

— Почему ты смеешься? — спрашивает он. — Я унесу тебя на Улытау, на священную гору казахов. Пягнадцать лет назад батыры казахов там дали клятву о единстве. Мы тоже поклянемся. Ты любишь меня?..

— Какой ты глупый! Ведь горы еще далеко. У батыров нет единства, а я здесь... Я здесь! — звучит ее голос. Тонкое белое платье. Цветы обняли ее босые ноги. — Я здесь! Какой ты глупый! Ты, наверное, трус, а не батыр, — говорит она. Платье трепещет на ветру. Может, она продрогла? Она хочет тепла. Ведь трава сейчас прохладна, да и ветер степной. Ох, какой он недогадливый. Он тянет к ней руки, но она еще дальше, она, кажется, улетит. Нет, она громко, заливисто смеется, он не может дотянуться до нее...

— Подожди, Сания! Не оставляй меня. Я всю жизнь ищу тебя! — кричит он, просыпаясь от собственного крика. Холодный пот на лбу.

Солнце уже поднялось и осветило ложбину. Кенже оглянулся. Друзья спят крепче, с храпом, раскинув руки. Что за наваждение?! Не от собственного крика проснулся он, а услышал призывное ржание коня. Но где же кони?

Он быстро встал, вышел на бровку ложбины. Кони были недалеко. Они не паслись, а стояли, настороженно вглядываясь то влево, то вправо, нетерпеливо перебирая ногами, стараясь освободиться от крепких пут.

Кенже взгляделся в даль и на краю горизонта увидел длинную шеренгу всадников, скачущих прямо на него. Оглянулся — и с другой стороны увидел такую же шеренгу. Еще не поняв, что происходит, он стал ловить коней, освободил их от пут и, ведя за собой, с криком побежал к ложбине.

— Вставайте! Вставайте! Джунгары, джунгары идут на нас! — кричал он.

— ...Нам не уйти от них. Они уже близко и взяли нас в кольцо, — сказал Лаубай. — Всем четверем надо мчаться след в след и пробить брешь в строю. По крайней мере двое из нас смогут проскочить.

— Нет, невозможно уйти от такой погони, — опустил руки Кенже. Все четверо уже были на конях и готовы к бою. — Надо живыми дойти до Тайлака. Иначе нельзя. Иначе батыры никогда не сойдутся. Нам нужно остаться живыми.

Придерживая коней, они топтались на месте. Хайдар дважды выскакивал из ложбины и дважды возвращался. Кольцо джунгар сжималось.

Когда джунгарам оставалось всего лишь полверсты до ложбины, четверо жигитов спокойно вышли навстречу им. Впереди ехал Егорка. Он пересел на коня Кенже, накинул дорожную абу Лаубая, заменил свою саблю на саблю Хайдара, ножны которой были инкрустированы дорогими камнями, и теперь выглядел не простым воином, а господином над тремя остальными жигитами. Ехали они мирно, не вынимая сабель. Со стороны можно было подумать, что их нисколько не волнует то, что они оказались в кольце джунгар.

Когда джунгары на взмыленных конях были уже совсем близко и, казалось, вот-вот снесут всех четырех жигитов с коней, Егорка поднял правую руку вверх и крикнул:

— Кто вы такие и где ваш сотник?! Разве вы не верные слуги великого Галдана Церена?

Услышав имя своего повелителя, джунгары придерживали коней.

— Кто ты? — прохрипел самый грузный и самый свирепый на вид. По кольчуге, по широкому поясу, с которого свисали кожаные мешочки не то с деньгами, не то с порохом или с резной дробью, по дорогой сабле и длинному мултуку да еще по маленькой, тяжелой

булаве с железными шипами, а самое главное — по шапке из шкуры красной лисицы, втиснутой в шлем, было видно, что он глава всей этой сотни.

— Я русский гонец. Еду из Астрахани в Тобольск по Сауранской дороге. А это мои проводники — башкирец с Едиля и казахи, состоящие на службе у ее величества императрицы... Перед кем я стою?

— Мы дети солнцеликого Цевена Рабдана, — прохрипел сотник.

— О, я знаю непобедимого Цевена Рабдана — славного отца великого хунтайджи Галдана Церена и принца Шона-Доба. Наша императрица наслышана об их победах над казахскими ханами. — Егорка об этом говорил так торжественно, что у Кенжебатыра невольно зачесались руки. Он готов был остановить Егорку, но, увидев, как напряжилось тело и побледнело лицо Лаубая, сдержал себя. «Не предательство ли все это?» — мелькнуло у него в голове.

Но выхода не было. Они стояли в плотном кольце джунгар, готовых поднять их в небо на остриях пик при малейшей оплошности. Сотник прошелся долгим холодным взглядом по лицу каждого.

— Бесподобно был мудр и щедр великий Цсвен Рабдан. Он всегда был в дружбе с нашим батюшкой царем Петром, — продолжал Егорка.

Не дослушав его, сотник исподлобья взглянул на своих телохранителей, и те внезапно навалились на жигитов и обезоружили их. Связали руки, ноги вместе со стремянем притянули к телу коня.

По приказу сотника джунгары с гиканьем погнали их впереди себя.

Четыре коня с привязанными к седлу жигитами мчались во весь опор — джунгары подгоняли их уколами пик. Кони то сбивались в кучу, то старались скакать врозь.

— Поверили кафиру. Сами себя отдали в руки джунгар, — скрежетал зубами Лаубай.

— Пока мы живы и еще на своих конях скачем, а там видно будет. Может, нас к красивым джунгаркам везут... — старался развеселить товарищей Хайдар.

— Как-никак самого Шона-Доба увидим, а там что бог пошлет. Но знайте, если что — я сложу свою голову раньше вас, — словно оправдывался Егорка.

— А ты что молчишь, Кенже! — крикнул Лаубай.

— Спокойствие и выдержка! — твердо прозвучал голос Кенжебатыра. — Разве, идя на битву, вы не знали, что смерть всегда ходит рядом?

— Но умирать со связанными руками... — сказал Лаубай.

— Не грусти, развяжут, — начал было Хайдар, но тут его хлестнули плеткой по спине. То был приказ молчать.

Кажется, верст тридцать уже прошли. Кони устали. Солнце поднялось высоко. Онемели руки, от непрерывной езды ломило спину, отекли ноги, крепко схваченные и притянутые ремнями к туловищу коня. Но вот пленников загнали в узкое ущелье. Справа и слева были лишь плоские, гладкие, черные, заглянцованные солнцем и ветром скалы.

Жигитов сопровождали пятнадцать джунгар. Старший из них остановился первым. Сошел с коня, заковылял на кривых ногах к кустам чия, на ходу развязывая шнурки кожаных штанин. Вернувшись, приказал ссадить пленников с коней.

Сидя на траве, Кенжебатыр наблюдал, как джунгары перерыли их коржуны. С жадностью выпили кумыс из маленького походного торсука Лаубая, вмиг расправились с кусками вареного мяса и лепешкой, что лежали в коржунах Хайдара и Егорки, и с удивлением развернули алый кусок бархата и увидели дорогой кинжал работы лучших мастеров оружейников-наймановцев. Этот кинжал Санырак просил передать батыру Тайлаку. Кенже спрятал его в своем коржуне. Джунгары со знанием дела, причмокивая губами, рассматривали узорчатые ножны, рукоятку.

— Это подарок русского генерала непобедимому Шона-Доба! — нашелся Егорка.

Глава джунгар вырвал кинжал из рук своих подчиненных и вновь завернул в бархат, засунул за голенище. Он приказал напоить жигитов из бурдюка.

Лежа со связанными руками, запрокинув голову, пил Кенже протухшую воду, струйкой лившуюся из горловины... Он видел небо, видел облака. К ночи снова будут тучи. Будет тьма. Вот тогда, наверное, они и поведут нас в свою ставку, к шатру своего повелителя... «Но далеко ли до шатра?» — с тоской подумал он.

— Пусть кони подкормятся. Двинемся к вечеру, — словно угадывая мысли Кенже, пробурчал глава джунгар.

* * *

...Шона-Доба сегодня не хотел ласки. Взмахом тонкого, блестящего опахала он повелел увести двух юных рабынь, которые были отобраны из числа пленниц старой китаянкой для сегодняшней ночи. Сняв с них всю одежду, словно кору, она еще с утра тщательно осмотрела девушек, целый день втолковывала им уроки любви и ласки, искупала их в чистой воде и натерла их тела благовониями.

Обе рабыни были прекрасны, как белое семя мангустины*. Но повелитель даже не взглянул на них. Старая сводница, вот уже много лет знавшая его привычки, собралась было сказать: «Взгляни, мой повелитель». Она ждала удобного случая, но Шона-Доба вновь взмахнул своим опахалом. Это уже было слишком: старая карга вынудила его дважды повторить свой приказ.

— К рабыням ее! Пусть лучше присмотрится!

Стражники с готовностью схватили старуху. Она извивалась, кричала. Ведь в юности она была наложницей самого священного владыки Цевена Рабдана — отца нынешнего своего повелителя. Стражники мгновенно заставили ее замолчать и, подняв, понесли вон, извивающуюся, кусающую руки.

Шона-Доба не находил себе места. Пока он гнался за проклятыми казаками в этой страшной степи, умер отец. И старший брат — Галдан Церен — уже занял его трон. А тут еще эти неуловимые батыры.

Вчера он решил самолично командовать всем войском и вопреки советам косоглазого тысячника Дамбы, возглавлявшего конницу, повелел собрать все тумены, приказал готовиться в поход. Но куда? Где ставки этих самозванных батыров Санырака и Тайлака? Лазутчики сообщают, что с Саныраком вместе и батыр Малайсары, осмелившийся открыто напасть на тумены джунгар еще в позапрошлом году.

* Нежные плоды, произрастающие на Цейлоне, в Южной Индии и на островах Индонезии.

...Пятьсот всадников он отправил в степь еще вчера вечером, приказал ловить всех встречных, стереть с лица земли все аулы на пути, но точно узнать, где главные силы Санырака и Тайлака.

Прошел день. Уже десятки пленных приводили к нему, и никто толком не сказал, где эти батыры...

В шатер вошел косоглазый Дамба. Вошел спокойно, как прежде, когда он был главой конницы, когда Шона-Доба не мог обращаться с ним, как с другими тысячниками. Принц был вынужден терпеть его. Но что это, косоглазый Дамба поклонился ему! Поклонился не как прежде, а согнув колени.

— Мой повелитель, здесь тот, кто укажет нам дорогу, яснозорный провидец, которому дарована одна из тридцати священных пайз луноликого отца твоего Цзвена Рабдана.

— Пусть войдет! — Шона-Доба скрыл свою радость. Он остался в той же позе. Вид его был непроницаем. Он хотел вконец подавить спесь косоглазого Дамбы.

Но еще до того, как он сказал эти слова, в шатер бесшумно, словно привидение, вошел старец в лохмотьях. Вид его вызывал жалость. Ноги обмотаны бараньей шкурой, обвязаны кожаными ремешками. На копне длинных волос — островерхая шляпа из кошмы. Он опирался на сучковатый посох из арчи.

Шона-Доба опознал в нем одного из самых главных провидцев своего отца, одного из тех, от чьих советов и доносов отцу в былые времена зависела не только судьба сотников и тысячников, нойонов и ханов, но и его брата Галдана Церена и самого Шона-Доба.

— Я весь внимание! — изрек Шона-Доба, подражая своему отцу. — Далеко ли был твой путь к нашему шатру?

Старец молчал. Отбросив свой посох, он сел в углу и, словно не слыша слов повелителя, начал разглядывать убранство шатра. Шона-Доба следил за его взглядом. Старец удивленно посмотрел на тысячника. Шона-Доба взмахнул опахалом. Дамба покинул шатер.

— Тот, кто говорит, что у него нет вши, у того их две, — загадочно сказал гость. Принц не понял.

— Вели принести халат, мой повелитель. Не приста-

ло верному слуге хунтайджи сидеть в священном шатре в одежде дервиша. Жажду гостя утоли.

...Принц ждал, пока гость, облачившись в новый халат, жадно опустошал чашу.

— Меч принадлежит тому, кто может им владеть, владения — тому, кто может их завоевать. Так записано в Коране, в священной книге мусульман, — начал гость. — Ты завоевал эти земли, ты покорил иноверцев. Но легче завоевать, чем управлять. Крепка ли твоя рука, зорки ли твои глаза, верны ли твои тысячники? — Гость засыпал вопросами. Принц молчал.

— Мой повелитель хочет знать, где логово батыров Санырака и Тайлака? Их логово пока лежит по обе стороны твоего шатра, в двухдневных переходах на запад в степных лесах, на юг — за безымянными горами. Твои верные волкодавы — славный Дамба и свирепый Хансана, — как две стальные лапы могучего льва, одним ударом могут сломать их хребты. Спешу, мой повелитель, пока их юрты разбросаны, пока они спесью полны, пока батыры казахов не спихались друг с другом.

Мои слуги поведут тысячников по верному пути. Меч принадлежит тому, кто умеет им владеть, — повторил гость. — Твой меч всегда должен быть отточен. Твое войско похоже на сборище. Надо встряхнуть его, чтобы в головах твоих слуг и рабов, коим доверил ты сабли свои, не копошились мухи сомнения. Только победа придает силу войску. Славный полководец и твой дядя Дабаджи ждет тебя в Туркестане. Шатры его тысячников белеют в Сайраме. Вы вместе одержите последнюю победу над неверными, и эти степи, и города у Сейхуна, и ключи на запад — Шаш и Самарканд навеки покорятся священной Джунгарии...

Спешу, мой повелитель! — Гость умолк, закрыл глаза и больше не проронил ни слова. Он ушел в себя. Для него уже не существовало никого и ничего. Он словно слился с шатром и стал похож на тех безжизненных идолов, которые часто стоят в дворцах и хижинах Джунгарии.

— Я слышал голос мудрого советника луноликого хунтайджи. Тысячу лет ему. Мы исполним его советы, — сказал принц, спокойно глядя прямо перед собой. — Прежде чем призвать тысячников к трону, мы

хотим слышать слова непревзойденного провидца о нас. Что говорят в аулах и городах Казахии?

Гость медленно раскрыл глаза.

— Семьсот семьдесят дней прошло, семьсот семьдесят дней солнце всходило с тех пор, как Непобедимый направил свою конницу в казахские земли. Семьсот семьдесят дней идет по степи его провидец. Он был у берегов Алтынколя и Аккуйгаша, в Сайраме и Туркестане, заходил в Отрар и обошел развалины Дженда, видал кару, настигшую непокорных, тысячу смертей... — вновь ожил гость и незаметно умолк лишь тогда, когда в шатер вновь вошел косоглазый Дамба и передал весть о том, что в степи пойман посланник русов.

— Он едет по Сауранской дороге из Астрахани в Тару, а оттуда в Тобольск. Что делать с ним?

— Мы подумаем, — невозмутимо ответил принц, — а вам повелеваем готовить войско в поход! — Дамба вышел как простой воин. Принц внутренне был рад, что, отдалив вчера от себя на расстояние своего главного наставника, сегодня неожиданно обрел для себя нового, но еще более сильного и хитрого советника — провидца своего отца, который сможет ему открыть дорогу к трону. Теперь можно быть спокойным. Дамба все равно верен ему, он не затаит злобу, он славный воин, и в час, когда это нужно, Шона-Доба снова скажет ему, чтобы он стал рядом с его походным троном. А сейчас он должен внимать словам главного провидца, который может узнать не только движение казахских сарбазов, но и мысли полководцев всей Джунгарии. Надо довериться ему, его советам. Иначе нельзя. Иначе небезопасно, если учесть, что шепоту верного провидца внимает и его брат — ныне великий хунтайджи Галдан Церен.

— С русами надо мир держать. Такова воля победителя! Казахские ханы еще при Тауке на сговор с ними готовились. Надо, чтоб нынче они нашу силу видели, — монотонно сказал гость.

Принц ударил твердым концом опахала в круглую медную пластинку, висевшую на шее золотого льва, которая служила опорой для правой руки победителя. В шатер вбежал глава охраны.

— Введите пленных! Но пусть прежде войдут все мои тысячники!

...Когда стража трона, разомкнув пики, пропустила пленников к шатру, Кенже перешагнул порог вслед за Егоркой, слегка поклонился и стал прямо перед троном, на котором в окружении тысячников сидел располневший не по годам принц Шона-Доба. Шатер был богато убран. В глубине виднелась дверь, там, видимо, были покои принца или потайной ход в другие шатры.

Еще перед входом Кенже увидел две пушки, выставленные по обе стороны дороги, ведущей к шатру. Для устрашения, наверное. Недалеко от входа в шатер, по правую сторону, на подставках стоял огромный барабан, обтянутый бычьей кожей. А здесь, на стенах шатра, он увидел русские мечи, казахские алдаспаны, джунгарские сабли, пики и щиты. Возле трона лежало два короткоствольных мултука. Кенже не знал, что это были шведские пистолы. Он раньше не видел их.

Шатер был устлан дорогими коврами, шкурами барсов, тигров и медведей. В дальнем углу стояла бронзовая статуя Будды, а у самой стены в левом углу сидел молчаливый старец. Он не подавал признаков жизни, у него были густые седые волосы, черное от загара лицо, полужакрытые глаза. Кенже лишь на мгновение остановил на нем свой взгляд. Но если бы он два года назад не покинул вместе с Сеитом свой аул, то и за этот миг он узнал бы в старце бродягу Табана, который, внезапно появившись среди беженцев в ауле Маная, так же внезапно исчез в ночь перед пожаром, охватившим побережье Алтынколя. Но Кенже не мог знать об этом.

Он стоял перед троном владыки джунгар, обескровивших его родную степь, разоривших аулы, кровью заливших землю.

Хайдар и Лаубай были рядом, за спиной Егорки. Прежде чем они попали сюда, их несколько часов продержали в темнице, а потом на солнцепеке. Они видели войско джунгар.

В широкой долине собирались бесчисленные отряды. На определенном расстоянии друг от друга расположились тумены, каждая тысяча могла подняться и выступить по первому сигналу, не мешая другому тумену. Между правым и левым крылом легко угадывались очертания дороги для быстрого передвижения артиллерии. На холмах, цепко окружавших долину, и на вершине горы, у подножия которой скопилась конница, — всюду виднелись сторожевые отряды джунгар.

Жигитов провели мимо грозных пушек, мимо сотен воинов, вооруженных мултуками. Все четверо молчали. Перед входом в шатер принца Кенже вернули бархатный сверток с кинжалом.

— Я подданный и слуга русского царя, послан его превосходительством генерал-губернатором Астрахани к его благородию начальнику Тобольской крепости, — сбивчиво говорил Егорка, напрягая память, восстанавливая в памяти все то, что видел, будучи в отряде Унковского, при подобных встречах. — Бог ведает, какая радость видеть в здравии непобедимого принца Шона-Доба, сына и наследника трона хунтайджи. — Егорка слегка вспотел. Его способности к дипломатической речи на этом исчерпались. Наступила тишина. — Милостию прошу принять этот дар от меня, — Егорка взял у Кенже сверток и, раскрыв его, на ладонях преподнес кинжал принцу.

Принц слегка улыбнулся.

— Ваше высочайшее благородие! Велите вернуть нам коней и оружие наше. Велите освободить нас, — осмелел Егорка.

— Русская царица нам друг. Ты хорошо говоришь по-нашему. Где ты научился языку? — неожиданно ласково и дружелюбно спросил Шона-Доба.

— Я господина капитана, его благородие Унковского сопровождал во дворец его солнцеликой светлости хунтайджи, — ответил Егорка. Он не видел, что за ним пристально следил старец, сидящий у стены шатра. — Ваше благородие тогда сидело по левую сторону от трона, — добавил Егорка и неожиданно для себя вытер вспотевший лоб.

Принц мельком взглянул на старца и уловил еле заметный кивок.

— Вернуть гостям их оружие и коней! — повелел принц. — Оказать достойные почести. Пусть до следующего восхода солнца отдохнут у нас.

— Пойманную птицу выпускают, чтобы узнать, где ее гнездо, а зверя, чтобы узнать его намерения. На украденном коне скачут оглядываясь, — сказал Табан, когда Кенже, Хайдар и Лаубай покинули шатер в сопровождении слуг принца. — Я знаю этого руса, он говорит правду, но он не сказал, что он бежал от нас, он думал, что убежал сам. И сейчас надо, чтоб они ду-

мали, будто мы им верим. Выпустить надо их из рук, но не терять из виду. Пусть убедятся в твоей силе и порасскажут об этом своим, куда бы путь ни держали — к русам или казахам. Если правду говорит рус, то пусть весть о твоём могуществе, мой владыка, дойдет до их царицы. А если он думал хитростно уйти от тебя, то не надо его задерживать. Пусть за ними следят твои глаза и слух, мой повелитель. — Табан умолк, закрыл глаза. — Это их провидцы, — вдруг твердо, не по-старчески сказал он. — Сам священный Будда тебя благословляет, мой повелитель. Скорее выпускай их из клетки, твой меч всегда настигнет их. Чем быстрее они дойдут к своим батырам, тем быстрее соберут те своих сарбазов в одно логово, и тогда легче будет одним ударом переломить им хребет.

* * *

...Уже наступал полдень, когда в войлочный шатер, где были оставлены под охраной жигиты, вошли сразу трое. Один нес оружие, отнятое у друзей вчера в степи, другой на огромном железном подносе тащил дымящееся мясо, третий, шедший следом, приказал первым двум оставить все и выйти, потом он взмахом руки заставил выйти из шатра и стражников и лишь после этого с заискивающей улыбкой обратился к Егорке.

— Мы исполним все желания русского гостя. Коня накормлены. Ждут. Щедрости повелителя нет предела. Он дарит гостю лучшего коня, чтобы быстрой была его дорога...

— Мы можем ехать? — спросил Егорка.

— О да... Всесильный повелитель наш великодушен, — привычная, ничего не значащая улыбка не сходила с его лица. «Чургучут»*, — подумал Кенже. В большой деревянной чаше внесли кумыс. Поставив чашу перед Егоркой, слуга, не разгибая спины, вышел назад, бросив взгляд на чургучута. За шатром раздался чей-то окрик. Не переставая улыбаться, чургучут покинул гостей.

— Что они готовят нам? — Допив кумыс, Кенже взглянул на лица друзей.

* Маньчжур.

Никто не ответил. Лаубай взглядом показал на стражника, безмолвно застывшего за открытыми дверями. Чургучут вернулся в сопровождении двух воинов. Видать, сотники, подумал Кенже.

— Они проводят гостей до дороги! Так повелел благородный и непобедимый повелитель, — объяснил чургучут. Встав с места, жигиты разобрали оружие и молча, повинаясь жесту хозяина, вышли из шатра в сопровождении двух сотников. Коня были готовы в дороге. Возле них стояло еще четверо джунгар.

Сели на коней и медленно двинулись за сотниками, четверо джунгар направились за ними.

Шатер Шона-Доба возвышался на самом видном месте. Лучи солнца играли на белом острие опоры, торчавшем прямо в центре крыши. Ниже острия висел пышный черный конский хвост. На опорах, растягивавших углы шатра, чернели треугольные лоскуты знамени. Солнце играло на шелковистой ткани шатра, на щитах воинов. Даже в этот жаркий полуденный час войско строго блюло порядок. Потные, не снявшие боевых доспехов, не расставшиеся с оружием воины расположились ровными рядами и, образовав одно кольцо в другом, приступали к обеду.

— Такого порядка не было раньше у них, — тихо проговорил Егорка.

— Это в нашу честь, чтобы нагнать на нас страху, — как и прежде, старался шутить Хайдар.

Коня каждой сотни стояли в пять рядов, привязанные к натянутым канатам. У подножия далеких холмов, окружавших стан, паслись запасные табуны. Крытые обозы очерчивали границу каждого тумена.

Жигитов вновь провели мимо пушек, мимо сотен, вооруженных мултуками. Они проехали меж двух туменов и попали в ту часть стана, где находился лагерь для пленных, огороженный телегами и вереницей лежащих верблюдов. Видно, во время похода пленных использовали как грузчиков и погонщиков. Под охраной джунгар они пасли отары овец, отбитых у них же самих, угнанных с пастбищ разоренных аулов; чинили конскую сбрую, копали рвы, укрепляли шатры и юрты джунгар.

Жигиты проехали совсем близко от пленных, изможденных, худых, обросших. Привязанные друг к другу тонкой крепкой волосяной веревкой, они были

согнаны в плотную кучу и стояли прямо под солнцем. Двойное кольцо охраны неусыпно следило за ними. А дальше, под навесом из рваных кошм, лежали связанные пленницы. На ночь их разбирали по шатрам и юртам те воины, к которым благосклонно относились их начальники. Порою между воинами завязывались настоящие побоища из-за женщин.

Сердце сжалось от боли и гнева, когда Кенже заметил, как из юрт, подталкивая пиками, одну за другой ведут женщин, истерзанных, полунагих. А других, грубо вырвав из тесноты, уводят в шатры и юрты. У Кенже от бессилия затуманились глаза, когда внезапно мелькнула мысль, что и Сания может оказаться среди них. В какое-то мгновение он готов был броситься туда, к пленницам, располозовав ненавистные лица стражников. Но на его пути стояли здоровенные воины отборного тумена принца.

— Спокойствие и выдержка, — процедил сквозь зубы Лаубай.

Кенже больше не смотрел по сторонам.

...Его воспаленный взгляд блуждал поверх голов людей, он с тоскливой мольбой взирал на небо. Он не знал, куда их ведут джунгары и сколько они уже проехали — пять или десять верст. Но вот они поднялись и спустились с джона* и вышли на дорогу, перерезавшую им путь.

— Это ваша дорога. Мы еще встретимся! — сказал один из сотников, ехавший впереди, и, криво усмехнувшись, прищпорил коня. Джунгары помчались назад, оставив четырех сарбазов среди безбрежной степи.

— Похоже, что они из нас делают подставных зайцев для охоты на лис или приманку для более крупного зверя. Как ты думаешь, ваше благородие? — первым начал Хайдар.

— Какое тебе «благородие». Башкир ты, башкир и есть. Башка непутевая. Мозговать надо: зачем они так просто нас на волю шуганули?..

— Так ты ведь русский посол — гонец, а мы твои нукеры.

* Невысокий косогор, хребет.

— Так они и поверили... Кабы поверили, совсем бы по-другому обошлись. А тут — на тебе, разберись, чего они задумали.

— Они вывели нас к той дороге, которая сегодня же должна довести до пределов владений сарбазов батыра Тайлака, — внимательно оглядевшись вокруг, сказал Лаубай.

— Другой дороги нам не нужно. Что бы ни задумали джунгары, мы должны добраться до батыра Тайлака, и чем скорее это случится, тем лучше, — Кенже пустил коня быстрой рысью, внимательно посматривая на редкие сопки, маячившие в степи.

...К концу дня, когда от земли до солнца оставалось всего лишь несколько локтей, подъезжая к небольшой речушке, они заметили, как за ними, справа и слева, в зарослях травы мелькнули всадники. Джунгары следили за ними. Они действительно крались за ними по пятам.

Вброд перебравшись на другой берег и не успев проехать версту от реки, жигиты попали в засаду казахских сарбазов, которые приняли их за джунгарских лазутчиков. И кто знает, как бы обернулась эта встреча, если бы среди сарбазов, схвативших их, не оказалось одного из рода тас-журек, приходившегося дальним родственником Лаубаю.

Если раньше в степи порою встречались большие заросли караганника, таволги или курая, то здесь чаще встречались рощицы. Петляя по тропам, выющимся то среди осины, то меж невысоких сосен, миновав три дозора сарбазов, Кенже и его друзья добрались до ставки Тайлака.

Собственно, ставки не было. Было сотни две сарбазов, расположившихся среди кривых берез и тальника вблизи маленького безымянного озера, заросшего камышом и переполненного дикими гусями и утками.

Ярко горели костры, освещая лица товарищей, расположившихся вокруг. Возле трех одиноких валунов высилась белая юрта, а между деревьев были в беспорядке разбросаны другие юрты и шалаши. Стреноженные кони пугливо похрапывали в темноте.

Жигитов подвели к одному из костров. Сарбазы, сидевшие у огня, были заняты беседой. Но, оглянувшись на шум шагов, кто-то из них сказал:

— А вот и они, гости наши.

— Пусть говорит тот, кто за старшего! — резко сказал человек, сидевший к ним спиной. Он даже не взглянул на них, а продолжал длинной сырой палкой ворошить костер. Отблески пламени сверкали на его начищенном до блеска шлеме. Он был худощав, строен и, наверное, быстр в движениях. Лицо его не было видно, но по статности он казался намного моложе окружающих его степенных, широкоплечих и рослых сарбазов.

— Говори, кто смелее других, — добавил тот, кто первым заметил пришельцев.

— Мы к батыру Тайлаку от его братьев — Санырака и Малайсары, — начал Кенже.

— А я не знал, что славные батыры Санырак и Малайсары живут в шатре кровожадного Шона-Доба. У нас нет времени слушать ваши сказки. С чем пришли? Мы не тронем вас. Если вас Шона-Доба послал узнать наши замыслы, то передайте своему господину: он узнает их на поле брани. Хотя... какие вы послы. Сброд, предатели. Но предатели-казахи — это привычно, а что нужно здесь русскому и башкиру?

— Это мои друзья! Я Кенжебатыр, сын справедливого Маная из рода болатшы. Батыром назвал меня сам Малайсары, первым дерзнувший остановить джунгар, когда другие сберегали свою шкуру, и никому я не в силах прощать оскорбления, даже если это батыр Тайлак! — неожиданно для себя впервые взорвался Кенже.

Человек, сидевший к нему спиной, резко повернулся. Кенже заметил, что его чуть продолговатое скуластое лицо было бледным, из-под черных бровей смотрели молодые, острые, но уставшие от дум глаза.

— Ты смел, я вижу. Но чем ты подтвердишь свои слова?

— Мы попали в плен к джунгарам. Теперь добрались к вам. Санырак и Малайсары предлагают вам единство, предлагают собрать силы сарбазов в единый кулак. Иначе нас растопчут тумыны Шона-Доба. Войска джунгар не счесть, у них пушки. Они снялись с зимних стоянок и стянулись в одно место. Они стоят у северных склонов Улытау. Мы знаем дорогу в их стан.

— Сейчас их там нет, они покинули свое логово вслед за вами. Тебе хочется повести нас в западню! — Тайлак резко встал с места. — Так чем ты подтвердишь свои поступки и слова? Как вы оказались у джунгар? Отвечай! Я ошибся, приняв вас за послов Шона-Доба. Теперь судья вам только меч!

— Я из рода тас-журек, который известен в этих краях, — вышел вперед Лаубай.

— Мы не на купеческом базаре, чтобы вести торги, узнавая, кто откуда! — осадил его Тайлак. — Эй, жигиты, позовите Томана! — взгляд Тайлака был суров и не предвещал ничего доброго. Все четверо пленников молчали. Где-то в темноте за кострами послышался топот копыт. Он приближался, и вскоре прямо к белой юрте подскакал молодой воин и соскочил с седла.

— Сюда! — крикнул Тайлак.

— Тайлак-ага! Их конница свернула в нашу сторону. Она медленно шла, огибая Улытау, как страшный айдахар, и на исходе дня остановилась, повернув голову сюда. Их много, их тьма, у них пушки! — выпалил юный воин. — Наши дозорные следят за джунгарами. И еще, агатай, я хочу передать, что наших посланцев к Саныраку нигде не видно. Они не возвращаются, — он говорил словно равный с равным, словно Тайлак был не батыром, а всего лишь воином немного старше годами.

«Наверное, Тайлаку нет и тридцати пяти», — подумал Кенже.

— Они вернутся к рассвету, — спокойно и уверенно сказал Тайлак. — Смени коня и передай дозорным, чтобы пробрались как можно дальше и неусыпно следили за всем, что происходит в стане джунгар. Надо знать, сколько туменов готовы двинуться сюда. Надо следить за всеми дорогами, по которым могут возвратиться наши. Нам нужно знать, с чем они вернутся. Это может быть или спасением, или гибелью для всех.

Смени коня, — повторил он. — Скачи назад. Сна сегодня нам не видать.

— Коня, скорее коня! — Юный воин с криком исчез в темноте. Наблюдая за ним, Кенже не заметил, как к Тайлаку подошел круглолицый, степенный сарбаз с коротко подстриженными черными усами.

— Внимательно всмотрись в этого, — Тайлак ткнул пальцем в Кенже и, отвернувшись, снова подсел к кост-

ру. — От твоих слов будет зависеть их жизнь. Не хватит времени и для того, чтоб сварить казан мяса, как мы покинем этот лес. Решай! Он говорит, что знает Малайсары, что вместе с вами был в первой битве, — продолжал Тайлак, не оглядываясь.

Томан вгляделся в лицо Кенже, поочередно оглядел Хайдара, Лаубая, Егорку и вновь всмотрелся в Кенже.

— Нынче жалость нам не друг, а враг. Мы смертники и клятву не нарушим. Скажи свое слово, Томан.

— Я не знаю его, — ответил Томан.

— Тогда пусть отхлещут их и отправят назад к Шона-Доба. А ты, лжебатыр, передай, что мы ждем его у берегов Буланты и Боленты, — Тайлак отвернулся.

— Шагайте! — вынув свой алдаспан из ножен, жигит-охотник указал на отдаленный огонь костра. — Ни слова больше! У нас не плачут и не просят пощады! — отрезал он, заметив, что Кенже вновь собирается вступить в разговор.

— Казахи говорят, что можно отрубить голову, но нельзя терзать язык! — повысил голос Кенже. — Я принимаю любую казнь, но и вы выслушайте слова батыров Санырака и Малайсары. Мы их посланцы. Они призывают тебя, Тайлак, объединить силы сарбазов. Они готовы вместе с тобою идти в сражение!

— Чем ты докажешь свою правоту? — повторил Тайлак.

— Пошлите гонцов к Саныраку, — ответил Кенже.

— Наши гонцы уже побывали у Санырака, но они по дороге не гостили у Шона-Доба. Мыждемся их. Исполним твою просьбу.

— Не по своей вине мы попали к джунгарам, — еще раз сказал Кенже. Томан снова подошел к Кенже и, не отрывая взгляда от его лица, спросил:

— Скажи мне, не ты ли как-то в дождливую ночь вошел в пещеру Малайсары за Алтынэмелем?

— Рядом с Малайсары был тогда и славный Мерген. Это была ночь перед битвой с туменами Галдана Церена, — ответил Кенже и вновь повторил: — Я сын Маная из рода болатшы, я брат Малайсары и Санырака. Мы их сарбазы.

— Ты выглядел тогда юношей. Годы войны составили нас, — вздохнул Томан и обнял его. — Меня зовут

Томан, я кереец. Я тогда сражался вместе с Малайсары, мы кровные братья. Я тогда пробрался к Малайсары из шатра Галдана Церена. Батыр! — обратился он к Тайлаку. — Я готов разделить их участь. Я видел этого жигита на поле битвы. Он говорит правду.

— Верните им оружие. Пусть найдут свое место среди твоих сарбазов, Томан. Назад им пути уже нет. Джунгары захватили все дороги. Они следят за нами. Дождемся своих гонцов и покинем лагерь на рассвете, — сказал Тайлак.

Томан повел гостей в шатер, укрытый за деревьями. По бряцанию оружия, по фырканию коней и по тихим голосам людей можно было догадаться, что в глубине за деревьями сарбазы покидают лагерь.

— Батыр, последние сотни выходят в путь! Остались лишь сотня для охраны и те, что залегли в дозоре и охраняют подступы, — услышал Кенже чей-то голос за своей спиной.

— Побольше костров да поярче пламя! — приказал Тайлак. — Всем дозорным разжечь костры!

Только теперь Кенже почувствовал то постоянное напряжение, которым был охвачен лагерь Тайлака. Казалось, Тайлак видит и знает все, что в этот час происходит в туменах Шона-Доба, старается перехитрить его, куда-то увести свою конницу, тщательно сохраняя тайну, обманывая джунгар обилием своих костров. Но как же сражение? Раз батыр уводит свои сотни отсюда, значит, он не желает встречи с врагом. Или он ждет чего-то? Что замыслил Тайлакбатыр?

Кенже не решался спросить Томана. А тот как ни в чем не бывало привел их к небольшому, уже догоравшему костру, возле которого сидело двое жигитов.

— У нас найдется чем накормить гостей?

Жигиты вгляделись в незнакомые лица и, встав с места, приветствовали Кенже и его спутников.

Пока хозяева знакомились с гостями и угощали их, все юрты и шатры были разобраны. Бесшумно и незаметно жигиты уносили вьюки подальше в темноту и там за деревьями вьючили коней. Все меньше становилось людей у костров. Томан один остался с гостями.

— Вам придется сменить коней. Скоро и нам пора в дорогу. Останутся лишь дозорные, чтобы поддерживать огонь костров, — сказал Томан.

— Мы не в гости пришли и готовы разделить участь сарбазов или дозорных, — сказал Лаубай.

— Пока мы живы, мы все друг у друга гости, друг другу опора. Что, жигиты, дастархан наш был бедноват? Не беда, — произнес внезапно, подходя к огню, Тайлак. — Сейчас не время для тоя, для ласковых слов и для сна. Джунгары готовятся взять нас в клещи. Гонцы не вернулись. Два тумена Шона-Доба направились в сторону отрядов Санырака и Малайсары. Остальные, видать, считают наши огни. Мы покидаем эти места. Если поможет аллах, то мы встретимся с Шона-Доба вместе с сарбазами наших братьев — Санырака и Малайсары. Я верю, что они поймут нас и не станут медлить.

Эй, Кураш! Ведите коней! — крикнул Тайлак.

— Я здесь! — донесся голос из-за деревьев, и тотчас к костру выехал воин, ведя на поводу вороного скакуна с завязанным хвостом и с султаном из перьев совы на холке. Подвели коней и всем остальным.

Прежде чем сесть на коня, Тайлак дождался пожилого воина, не спеша направлявшегося к нему от соседнего костра.

Тайлак молча обнялся с ним.

— Если будет угодно аллаху, мы еще свидимся на тое, Тайлак.

— Мыждемся вас, Татымтай-ага, удачи вам, — голос батыра прозвучал неожиданно тихо.

— Тебя ждут, торопись, пока джунгары не сомкнули кольцо вокруг нас. Великой удачи! Пусть само небо поможет нам! Амины! — хрипло сказал Татымтай.

Тайлак вскочил на вороного.

...Под покровом ночи сотня бесшумно вышла из небольшого леса и, растянувшись в длинную цепочку, утопая в густой высокой траве, окутавшей маленькое тихое озеро, понеслась вслед за батыром на юго-запад.

Уже прошла полночь, когда они, пройдя под яркими звездами верст пятнадцать, поднялись на небольшую сопку. Тайлак остановил коня, поджидая остальных.

Взошла запоздавшая луна. В ее серебристом свете один за другим поднялись наверх всадники. Кенже с удивлением заметил, что каждый, кто останавливал коня возле Тайлака, в лунном свете был похож на ска-

зочного батыра. Короткие рукава кольчуг, тонкие копья, холодно поблескивающие шлемы, гривастые кони. Вместе с Томаном он поспешил в круг ночных богатырей.

— Смотрите, — Тайлак показал туда, где остались дозорные под командой Татымтая. Костры горели, как и прежде. И отсюда, с высоты, отдаленной расстоянием, казалось, что там раскинулся огромный лагерь, что он растянулся на несколько верст...

— Нет. Не станет Шона-Доба отдавать приказ окружать такое огромное войско, — рассмеялся Тайлак. — Он соберет все свои тумены, чтобы идти в лобовую атаку, подкрепив ее пушками. Кураш! Проверь, есть ли здесь наши. Почему не слышно их? — обратился батыр к своему оруженосцу.

Юный воин, привстав на стременах, поднес ладони к губам. В ночи раздался крик совы. Все вслушались, даже кони притихли. Кураш повторил крик дважды. Издалека донесся ответный голос совы, и тогда Кураш тихо и протяжно свистнул. Послышался конский топот, и вскоре к сотне подскакал всадник.

— Нас здесь трое. Наши прошли давно. Только что был связной. Передал, что все спокойно. Джунгары не заметили нашей конницы. А еще он сказал, что наши гонцы вернулись. Ждут на крутом изгибе Буланты, где стоянка наших лучников-мергенов. Радостную весть привезли они, Тайлак. Они не могли попасть прямо к тебе. Дорога была перерезана, и тогда батыры Санырак и Малайсары сказали, чтобы один из гонцов остался и повел жигитов прямо к Буланты. Сейчас тысячи наших братьев-сарбазов в дороге и под покровом ночи идут, чтоб вместе с нами встретить джунгар.

— Так что же ты не просишь суюнши, мой брат?! — с радостью воскликнул Тайлак и, прищпорив вороного, подъехал к сарбазу и обнял его. — Спрашивай — твое желание будет выполнено! — восторженно говорил он, снимая свою саблю с пояса. — Бери, бери. Твоя весть достойна великого дара.

Тайлак обнял и поцеловал Кенже, Томана, Лаубая, Егорку и Хайдара. И в этой предрассветной мгле, под звездным небом сотня бывалых воинов словно превратилась в детей. Они бросались друг к другу в объятия. Дарили друг другу своих коней, свои алдаспаны и щи-

ты. А те воины, что были постарше, пользуясь темнотой, незаметно смахивали с глаз слезы.

— Тысячу благодарностей тебе, о великий аллах! Наконец-то, наконец-то вместе.

— ...Кто может одолеть нас теперь!..

— Слава аллаху... Дети казахов объединились.

— Скорее, жигиты, мы едем навстречу братьям! — Конь Тайлака встал на дыбы и рванулся с места. — Устроим великий той после битвы. Мы победим! — Тайлак был непохож на себя, он радовался, как безусый юноша, забыв о сдержанности, забыв, что он глава двух тысяч сарбазов, а не простой воин, и его ликование передавалось всем. Как рукой сняло скованность и тревогу, которую ощущали все до этой минуты.

— Слава создателю! Не ожидал, не ожидал, даже мечтать не смел о такой радостной встрече со львом нашим, славным и бесстрашным Малайсары. Скоро увижу его. Слава создателю, — повторял радостно Томан. — Есть нам о чем вспомнить. Как много дней прошло после нашей битвы за Алтынэмелем! Как труден, как долг был наш путь в эти края! После битвы за Алтынэмелем я с незабвенным Накжаном попал в пески Алтынколя, спасался в бродячем ауле Маная, — Томан умолк, взгляделся в Кенже. — Постой, ты не сын ли того Маная? Ты же говорил, что отца твоего зовут Манай, что он из рода болатшы?

— Где ты расстался с ними, где они сейчас? — вырвалось у Кенже. Он чуть было не схватил Томана за руки. — Живы ли они?

Томан умолк. Улыбка исчезла. Лицо его вновь стало озабоченным, грустным. Он придержал коня.

Они отстали от других.

— Почему ты молчишь? Что с ними случилось? Говори правду, не скрывай, лучше самая жестокая правда, чем ложь, так утверждают старцы. Если ты действительно был в нашем ауле, ты не мог не увидеть рядом с отцом его друзей — старого Алпая и бескорыстного Оракбая и дочь Оракбая Санию, — голос Кенже прозвучал резко, он словно боялся произносить эти имена, будто заранее предчувствовал недоброе.

— Проклятое, тяжкое время. С тех пор как джунгары пришли на нашу землю, радость покинула нас. — Томан начал издалека, стараясь подобрать слова ве-

сомые, спокойные. — У каждого из нас немало горя. Война никого не пощадила... Твой отец, да пусть могила его будет мягка, был мудрым вожаком своего рода... Нет, нет, я сам не видел его смерти, — заторопился он, заметив, как побледнело лицо Кенже. — Я не видел. Но это так... Я покинул твой аул тогда, когда Манай привел его к берегам Балапанколя. Там же мы похоронили моего кровного брата Накжана, который вместе с тобой сражался за Алтынэмелем, не щадя своей жизни... Он погиб от руки лазутчика джунгар, хитрого, кровожадного Каражала, погиб во время пожара. Стрела Каражала сразила его. Манай дал мне в проводники своего друга Оракбая, и, когда мы уже перешли на другой берег и были на расстоянии дневного пути от аула тобыктинцев, нас догнала Сания. Славная девушка, бесстрашная. Она сообщила нам, что вслед за нами крадется Каражал, что это он, Каражал, убил Накжана... Мы повернули коней, чтобы встретить этого шакала. Но случилось так, что он потерял наш след, натолкнулся в степи на разъезды джунгар и повел их в аул Маная. Он пытал отца твоего и славного старца Алпая. Он хотел знать, куда мы направились. Но старики прокляли его, и тогда он велел умертвить весь аул. — Томан не видел Кенже, но слышал за своей спиной рыдания.

— Спокойствие, мой брат. На все воля аллаха. Мир беспощаден. Нет на свете человека, не познавшего горя утраты. — Томан тяжело вздохнул. — Успокойся, мой брат. Кровь смывают кровью. Иншалла, мы ныне устроим джунгарам такую месть, что не соберут своих костей, — Томан от гнева заскрежетал зубами, он поднял вверх свой огромный кулак, в котором была зажата рукоятка камчи. — Убийцы мудрого Маная и Алпая тогда не ушли от нас безнаказанными. Жигиты-тобыктинцы помогли нам взять их в западню. Никому из карателей не удалось спастись, а шакала Каражала настигла стрела возмездия — стрела дочери Оракбая Сании. Славная девушка, под стать любому жигиту. Но Каражал был живуч. Раненный, он прорвался через кольцо, и все же, слава аллаху, мой конь настиг его...

Трое друзей — Лаубай, Хайдар, Егорка, заметив, что Кенже с Томаном отстали, придержали своих коней.

Уже светало. Почти через каждую версту навстречу

Тайлаку выезжали то дозорные, то сотники. Для четверых, попавших сюда из стана Санырака, здешние места были незнакомы. Собственно, это уже была не та степь, к которой они привыкли. Частые холмы, небольшие леса и перелески, а меж ними луга, густая высокая трава, в которой могут укрыться всадники. Овраги и глубокие лощины. Впереди, широко разлившись, лежит река. Берега круты с одной и пологи с другой стороны.

Егорка не переставал любоваться щедростью и красотой здешних мест, Хайдар рассказывал, что его родные края точь-в-точь такие, что там такая же река. Охваченные общим настроением, радостные, возбужденные, они не сразу заметили, как бледен и подавлен Кенже. Лишь поравнявшись с ним и услышав слова Томана, они притихли, не находя слов утешения. Нежданное горе друга омрачило их радость.

— Гневом полно сердце каждого из нас, Кенже. Прах отцов и братьев наших, попранная честь сестер требуют отмщения. Мужайся, отведем душу в предстоящей битве! Слезы не помогут. Лишь меч да сила рук в бою утолят нашу жажду, облегчат боль сердца. Мужайся, брат! — сказал Лаубай, когда они подошли к реке.

Подняв голову и пришпорив коня, Кенже вплотную подъехал к Томану и, стараясь взять себя в руки, тихо спросил:

— А что с Санией, где она сейчас?

— Не знаю, брат, — вздохнул Томан. — Мы расстались с нею и ее отцом в степях Сарыарки. Оракбай сказал, что они поедут искать своих дальних родственников к берегам Сырдарьи. Пусть аллах сбережет их от стрел и арканов джунгар. — Томан больше не проронил ни слова. Молчали и остальные. Никто не спросил: кем приходится Сания Кенжебатыру...

Дозорные провели всех сарбазов, сопровождавших батыра Тайлака, к броду. А на другом берегу, пройдя сквозь заросли тальника, они сразу оказались среди огромного скопища ополченцев, отдохавших на просторной поляне. Тут находилось человек пятьсот, не меньше. Это был один из отрядов Тайлака. Своего вожака люди встретили восторженно, наперебой повторяя все ту же весть, придавшую всем силу, весть о том, что батыры Санырак и Малайсары ведут своих жигитов к

ним, что они уже близко, что хорошо бы послать глашатаев ко всем другим батырам, все сыны Алаша* — братья, нечего делиться на племена, роды и жузы перед лицом общего врага: не надо ждать, пока ханы и султаны соблаговолят унять свою спесь и пойдут на уступки друг другу. Теперь ясно, что только единство даст победу, поможет сохранять родную землю, а врозь не одолеть конницу джунгар...

* * *

...Когда после долгих размышлений военачальников главные тумены джунгарской конницы под водительством свирепого Хансаны, растянувшись полумесяцем, стремительно двинулись вперед к месту расположения жигитов Тайлака с полной уверенностью, что они застанут сарбазов врасплох, то их встретила одна-единственная сотня казахов, закрепившихся меж камнями на трех небольших высотах у подступа к тем местам, где раньше располагались юрты и шатры ополченцев.

Сотня отчаянно отстреливалась из самодельных фитильных ружей и луков. Достаточно было одной пушки, чтобы покончить с ними сразу, но рассвирепевший Хансана приказал взять жигитов живыми.

Прошло несколько часов, прежде чем удалось скрутить руки двадцати жигитам, остальные погибли в рукопашной. И когда Шона-Доба прискакал к месту боя, Хансана упал в поклоне перед копытами его коня, прося прощения за то, что еще раз упустил живым Тайлака. Двадцать пленников предстали перед принцем. Глаза Шона-Доба налились кровью.

— Где ваша трусливая конница, где Тайлак? — вскричал повелитель. Тысячи джунгар, заполнивших долину и удивленно взиравших на золу потухших костров, которые ночью вселяли в них страх, молча, не слезая с коней, не выпуская из рук оружия, смотрели на пленников.

— Он ждет тебя между реками Буланты и Болен-ты! И если ты не трус, то явись со своей конницей туда! Завтра в полдень он ждет тебя, безмозглый бродяга! Или убирайся прочь с нашей земли! — прогремел

* То есть казахи.

голос Татымтая. Он стоял впереди всех пленных. С него была содрана кольчуга, безжизненно висела окровавленная правая рука, а из левого плеча торчал обломок стрелы.

— Молись своему богу, шакал! Ты доживаешь свои последние дни! — напрягая последние усилия, крикнул Татымтай и стал медленно опускаться на землю. Но израненные друзья подхватили его. Мертвая тишина нависла над войском джунгар. Лицо принца передернулось. Он взмахнул саблей — и тысячи копыт прошли по телам двадцати сарбазов. Но не успели джунгары дожждаться следующего приказа, как примчался вестник от косоглазого Дамба: сарбазы Санырака и Майсайсары покинули свою стоянку и, не приняв боя, исчезли неизвестно куда.

Ударом сабли располозовав лицо гонца, принц скрылся в своем походном шатре. Растерянный Хансана приказал тысячникам отвести свои тумены подальше от шатра и расположить их в местах бывших стоянок сарбазов Тайлака.

* * *

...Провидчики Тайлака донесли обо всем случившемся батырам, они также сообщили, что тумены Дамбы спешат к шатру принца. По всему видно, что джунгары решили вновь собрать всю свою конницу в единый кулак.

Сменив в пути двух коней, прибыл гонец от батыра Богенбая, который предупреждал, что со стороны Аягуза движется свежая джунгарская конница, посланная хунтайджи для подкрепления сил Шона-Доба, и что она находится в пяти переходах от реки Буланты. «Они не дойдут до шатра своего повелителя, у безымянных сопок их встретим мы!» — повторил гонец слова Богенбая.

...До поздней ночи совещались батыры в белой юрте, воздвигнутой на высоком берегу реки. Все опытные воины, знавшие эту местность как свои пять пальцев, были собраны на этот совет. Батыры сидели полукругом, занимая места по старшинству возраста. На самых почетных местах восседали старейшины родов и воины, прославившиеся в битвах с джунгарами еще при хане

Тауке. Возле старейшин расположились Малайсары, Санырак и Тайлак. На совет был приглашен и Кенже вместе с Томаном. А друзья Кенжебатыра, Лаубай и Хайдар, уже успели найти своих сородичей, даже Егорка нашел своих русов. Это были мужики и казаки, бежавшие с каторги или подневольных работ на строительстве только что начавших возводиться по правому берегу Ертиса русских крепостей — Омска, Ямышевки и Семипалатного. Были тут и просто бродяги — любители вольной жизни. Под знаменем Саныракбатыра в те дни оказалось более ста русских людей. Хайдар нашел среди сарбазов и своих башкир, и татар, которые пришли сюда за лихим прославленным вольнолюбцем батыром Таймазом. Сам Таймаз находился здесь же в юрте, на совете батыров и старейшин, он сидел рядом с Саныраком.

— Благословение создателю, настало время силой измерить силу в открытом поле, — начал низкорослый худощавый старец, сидевший на самом почетном месте. — Настало время, когда наши жигиты могут в открытом бою показать свою храбрость и удаль. На эту священную битву идут вместе не только сыны всех племен Алаша, а братья наши киргизы и каракалпаки, узбеки и башкиры. Пусть враг не увидит наших спин, пусть на поле брани брат не покинет брата, — взвешивая каждое слово, медленно говорил старец. Кенже молча прошел взглядом по лицам батыров. Все они хранили спокойное, степенное, уверенное выражение. А там, за стенами юрты, слышались веселые голоса сарбазов, смех и звон оружия. Царило спокойствие, которое приходит лишь тогда, когда люди не сомневаются в своих силах. На какое-то время под влиянием этой торжественности забывался и Кенже, но проходили минуты, и он внезапно с острой болью вновь вспоминал рассказ Томана, вспоминал о Сании, и ему становилось мучительно от сознания своей беспомощности и от неведения.

Где, в каких краях теперь Сания? Где ее искать, помнит ли она о нем? Он уже успел побывать в этом лагере среди женщин и девушек, которые здесь, как и всюду, сопровождают своих мужей или братьев, помогают готовить пищу, ухаживают за ранеными, а в трудную минуту, заправив волосы под шапку, взяв в руки пику, лук или саблю, не хуже мужчин сражаются.

ся с врагом. Так всегда было в казахской степи. Кенже не нашел Санию среди них.

Он сидел, погрузившись в свои мысли, рассеянно слушая назидания старцев и короткие речи батыров о предстоящей битве, и только слова Санырака: «...После битвы мы двинемся на юг — к Туркестану, к Сырдарье, чтобы объединиться с батырами, которые ведут там бои с полчищами Дабаджи», — вывели его из задумчивости. Ему показалось, что слова Санырака предвещают скорую встречу с Санией. Ведь они направят своих коней к Сырдарье. А Томан сказал, что Сания со своим отцом уехала к ее берегам.

И с этого момента Кенже словно подменили. Он с нетерпением стал ожидать боя. Будучи внешне спокойным, он старался не пропустить ни одного слова то и дело прибывавших к юрте и вновь исчезающих гонцов, дозорных и провидцев. Ему хотелось узнать: как близко подошли джунгары, когда же начнется бой?

И удивительное дело — он никогда раньше не испытывал такого странного чувства — какая-то пустота, тоска все равно одолевали его. Он не мог думать о смерти отца. Он думал только о Сании. Донесения он слушал со вниманием, но и с раздражением. К чему все эти разговоры? Скорее надо выводить войска навстречу джунгарам, скорее начинать бой.

Он не мог терпеть этой медлительности. Чего ждать, зачем так долго думать о расстановке сил? Все равно, куда бы ни поставить ту или иную тысячу сарбазов, бой придется вести всем, так не лучше ли выступить сейчас, всей лавиной обрушиться на джунгар. На этот раз поражения не будет — будет победа. Его ничего не страшило, он не думал о смерти.

Чем раньше произойдет схватка с джунгарами, тем лучше, тем скорее они двинутся на юг к Сырдарье, там ближе он будет к Сании, будет искать и найдет ее. Эта мысль сопровождала его повсюду — и когда после совета в белой юрте батыры обходили войска, отдельными тысячами расположившиеся на обоих берегах Буланты и Боленты на солидном расстоянии друг от друга, и когда наступил вечер и всем, кроме сторожевых, было велено хорошо отдохнуть.

Прошел еще день. День, когда шла новая перестановка войск. К закату солнца Кенже вместе с двумя тысячами жигитов оказался почти в десяти верстах

севернее места вчерашнего ночлега. Внешне он все так же был сдержан, молчалив. Друзья сочувствовали ему, считая виной его состояния весть о смерти отца.

Ранним утром дозорные донесли, что джунгары сплошной лавиной растянулись по фронту верст на пять, идут с северо-запада, движутся мелкой рысью, одно полчище за другим, в каждом по шесть туменов. А между ними едут повозки с пушками и стрелками. Сам принц с отборной тысячей своих телохранителей находится в центре конницы. Главные военачальники Дамба и Хансана возглавляют левый и правый фланги.

Каждая тысяча казахских сарбазов, оседлав коней, приготовилась к встрече. Дробь малых даулпазов*, притороченных к седлам глашатаев, оповестила всех о приближении джунгар.

Три батыра — Санырак, Тайлак и Малайсары, которым старейшие воины вручили судьбу всех ополченцев, после краткого совета решили встретить головные тумены джунгар в долине Карасыир**.

Семь тысяч жигитов-ополченцев разделились на четыре отряда и, заняв свои позиции, ожидали двенадцатитысячную конницу джунгар. Лаубай стал неотступным телохранителем и оруженосцем Малайсары, так как из-за старой раны батыр не мог отбиваться от врага в полную силу. Кенже попал в смешанный отряд Таймаза, где находились две сотни лихих жигитов из тургайских степей да четыре сотни из башкир, татар, русских и каракалпаков. Егорка был вместе с Кенже. Сотням Таймаза надлежало немедля двигаться в глубь степи и, разделившись надвое, скрытно одолеть путь почти в пятнадцать верст. Не обнаруживая себя, подойти с флангов и в нужное мгновение попытаться предотвратить удары джунгарской артиллерии по казахской коннице. Таймаз с тремя сотнями сарбазов должен был подойти к вражеской артиллерии с правого фланга, Кенже с двумя сотнями — с левого.

Выбирая овраги и лощины, укрываясь в зарослях, Кенже повел своих сарбазов к цели.

Тридцать жигитов он выбрал для охраны отряда. Рассеявшись по одному через каждые полверсты и держась в отдалении, они должны были с дальних со-

* Малые походные барабаны.

** Черная корова.

пок наблюдать за продвижением джунгар, за началом боя и передавать обо всем увиденном по цепочке самому Кенжебатыру.

Отряд мчался без остановки, чтобы скорее, не обнаружив себя, перерезать путь джунгарам, сделать огромный полукруг по степи и выйти в нужное место. Всадники вброд перешли Буланты, прошли через позиции сарбазов Тайлака и скрылись с глаз товарищей.

Освободив поводья и во весь опор пустив своего коня вслед за двумя воинами, хорошо знавшими здешние места, Кенже впервые за эти сутки ясно, почти физически ощутил всю сложность предстоящей битвы, в которой казахи должны, обязаны выйти победителями.

Что значит его личное горе, его тоска по Сании по сравнению с тем, что должно свершиться сегодня?! Какой-то внутренний голос подсказывал ему, что от победы или поражения в сегодняшней битве зависит многое, очень многое, не только в его жизни, а в жизни всего народа. Он ясно понимал, что эта битва может стать роковой для всей Казахии, а может поднять ее дух, возродить веру в себя, веру в силу единства. О ней, об этой предстоящей битве, уже говорят всюду. Глашатаи разнесли весть по степи. О ней знают все батыры. Победы в этой битве желает и батыр аргынов Богенбай, где-то преградивший путь новым отрядам джунгар, направленным на помощь Шона-Доба самим хунтайджи. Из многочисленных отрядов мстителей, скитающихся в глубине лесов, степей, гор и пустынь казахской земли, к белой юрте батыров, объединивших свои силы, то и дело пробиваются гонцы, чтобы узнать всю правду о будущем бое. Сегодня в битве примут участие жигиты всех трех жузов, всех враждовавших раньше меж собой племен. Собственно, враждовали не племена, а ханы, султаны, как говорят в аулах, «отпрыски белокостных господ».

Сегодня здесь нет ни ханов казахских, ни султанов, здесь батыры и сыновья всех племен, населяющих Казахстан от Джунгарских гор до Арала и Тургая. Сегодня сами сарбазы и батыры решат исход боя, решат свою судьбу.

Кенже не видел, как передние тумены джунгар появились в долине Карасыр и волна за волной заполнили ее; как навстречу им спокойно выехали две ты-

сячи жигитов, ведомые Малайсары. Он не видел, как остановилась конница джунгар, и не слышал, как угрожающе загремел огромный походный барабан, установленный на колесах. Тот самый барабан из бычьей кожи, который обычно стоял перед шатром принца Шона-Доба.

Завидев сарбазов, преградивших путь, джунгары остановили коней. Две армии встали лицом друг к другу. В степи воцарилась тишина, даже кони притихли. Куда-то скрылись и умолкли перепуганные птицы. Лишь в глубине неба, боясь опуститься ниже, парили орлы. Их пугало это скопище коней и людей, этот нервный, резко переливающийся отблеск солнца на тысячах шлемов и щитов, на остриях пик; пугали черные знамена джунгар, голубые, красные и белые знамена казахов с изображением глаза или секиры, с конским хвостом на острие.

Сколько длилось молчание? Наверное, недолго. Но и казахам и джунгарам показалось, что прошла вечность. Наконец из плотного ряда джунгар вышел всадник, прищпорил коня, доскакал до середины поля и, осадив своего гривастого черного жеребца, крикнул что есть силы:

— Кто смел преградить дорогу коннице непобедимого Шона-Доба?

— Хозяева этой земли! Сегодня мы свершим свой суд над Шона-Доба! — сдерживая своего нетерпеливого, вырывавшегося вперед скакуна, ответил Малайсары. Его раненая рука крепко сжимала поводья. Голос батыра потонул в воинственных кличах сарбазов. Джунгар помчался к своим. Вновь зарокотал огромный барабан, и перед войском казахов оказался другой всадник со сверкающим, позолоченным щитом. Под грохот барабана и воинственные крики своих он приподнял и опустил пику, направив ее острием в сторону сарбазов.

— Он вызывает на единоборство. Кто готов?! — крикнул Малайсары. Опережая других, вперед выско-чил молодой плечистый воин на сером скакуне.

— Благословите меня, батыр!

Малайсары спокойно кивнул головой.

— Победы тебе! Амины!

Жигит поднял пику и, принимая вызов, опустил ее острием вперед. Гул пронесся по рядам джунгар и казахов. Каждая сторона подбадривала своего храбреца.

Единоборцы одновременно прищипорили коней и помчались навстречу друг другу. Притихли ряды. Все взоры были обращены на двух всадников, несшихся по ровному, густому, зеленому полю, усеянному белыми, алыми и желтыми цветами. Никто не заметил, как в этот миг с правого и с левого флангов конницы Малайсары на небольших высотах появились группы всадников. То были воины Санырака и Тайлака. Укрыв свои отряды за холмами, батыры не смогли удержаться от соблазна посмотреть схватку единоборцев. Напряжение на поле передалось им. Острому глазу степняка не нужны подзорные трубы. Оба батыра отлично видели, как стремительно несутся друг к другу два всадника. Летят из-под копыт цветы.

Еще миг! Под тысячеустое «У-у-р!» каждый скорее ощутил, чем услышал, звон от удара пик о щиты. Никому из противников не удалось с первого захода сбить или пронзить врага. Каждый достойно принял удар. Закружились кони, пики стали мешать и были отброшены. Молодой воин-казах оказался стремительнее, на мгновение быстрее он вытащил свой алдаспан и первым нанес удар. Он пришелся в левое плечо всадника, и тот уже не мог больше защищаться щитом.

— А-а-а! — раздался голос раненого. Он, казалось, падал с коня. Но тут же произошло чудо. Джунгар, подняв коня на дыбы, нечеловеческим криком оглушив жигита, саблей нанес ему смертельный удар по лицу. Восторженным кличем огласились ряды джунгарской конницы.

— Зажечь фитили! Все стрелки вперед! — Малайсары сам не слышал своего голоса. Заметив, что конница джунгар готова ринуться вперед, он прищипорил коня и первым повел свою тысячу.

Лавина джунгарской конницы понеслась навстречу. Вот уже совсем близок враг, уже ясно видны напряженные лица, кровью налитые глаза.

— Стреляйте! Стреляйте! — кричал Малайсары, стараясь опередить вырвавшегося вперед Лаубая. Раздался залп двухсот ружей.

Это было впервые: конница казахов на всем скаку из ружей била в упор по врагу. Отпрянули джунгарские кони, упали на землю первые жертвы боя, смешался строй врага. Первая тысяча сарбазов пятью клиньями вонзилась в головные тумены Шона-Доба.

С ликующим победным криком сотники и тысячники джунгар заставили своих сомкнуть ряды. Казахские конники оказались в плотном кольце.

И началась сеча. Огромный сгусток коней и людей извивался в зеленой долине. Сарбазы, отбиваясь, старались прикрыть спины друг другу, джунгары всей массой наседали на них.

Лязг оружия, ржание коней, стоны раненых еще более усиливали жажду крови. Прошло полчаса. Полчаса небывалой по жестокости резни. Джунгары готовы были вот-вот торжествовать победу, но ее все не было. И вот новая тысяча сарбазов понеслась на них. Снова загрохотал огромный барабан. На этот раз он требовал выполнить приказ косоглазого Дамбы.

Пушки джунгар были уже подтянуты и установлены на высоте. А двести жигитов Кенже уже зашли с фланга и по узкому оврагу, ведя коней на поводу, подбирались совсем близко к пушкам. До орудий оставалось небольшое расстояние, но зато открытое всем ветрам. Нужно было молнией одолеть его. Каждый застыл на месте, схватившись за стремя своего коня, побледневший Егорка был рядом с Кенже.

— Надо бить по пушкарям. Скорее! Медлить нельзя! Иначе нас заметят! — торопил Егорка. Кенже молчал. Где Таймаз? Где его сотни? Уже вторая тысяча сарбазов мчится к джунгарам. Но что это? Джунгары внезапно отступают к пушкам и быстро расступаются, открывая дорогу сарбазам.

Пушки! Пушки! Они хотят, чтоб артиллерия ударила по рядам казахов. Кенже взлетел на коня.словно из-под земли вырвались его жигиты на голубое поле и понеслись прямо на пушки.

— Алга! Алга!* — Кенже не видел ничего, кроме пушек, кроме тех джунгар, что уже подносили фитили к запалам.

Но нет! О спасибо тебе, аллах! Таймаз налетел с другого фланга! На разъединившиеся части джунгар справа и слева с высот мчатся сотни Тайлака и Санырака. Но самих батыров еще не видно. Значит, есть еще сарбазы в засаде, есть еще сила! Кенже прямо перед собой увидел искаженное не то от злости, не то от испуга лицо китайца, держащего в руках горящий фа-

* Вперед!

кел. Напружинилось тело. Рука взмахнула вверх. Батыр с лёту опустил свой алдаспан на голову врага. Факел отлетел в сторону.

Только три пушки из двенадцати успели дать выстрелы, но это не остановило сарбазов. Воспользовавшись тем, что путь оказался свободен, они неслись прямо к засаде джунгар, где находились еще не вступившие в битву сотни Шона-Доба. По всему было видно, что казахские батыры разгадали планы джунгар и вопреки замыслам принца и его полководцев — косоглазого Дамбы и свирепого Хансана — пытаются втянуть в бой всю конницу джунгар.

Пушки не смогли показать свою мощь. Быстрый Таймаз, увлекаая жигитов своим бесстрашием, навязал бой прямо на батареях, не давая возможности артиллеристам-китайцам занять свои места у пушек. Мало того, его сарбазы сумели увести пять пушек к казахским позициям.

Ополченцы не давали джунгарам объединиться в единый кулак, растянули фронт. Бои шли уже на обоих берегах Боленты. Ни Дамба, ни Хансана уже не могли управлять действиями своих туменов. Лишь отборная тысяча телохранителей еще не вступала в бой, не покидала Шона-Доба.

Уже наступал полдень, когда джунгарам удалось таки отбросить, оттеснить назад казахские сотни, прорвавшиеся к шатру владыки. Но это не изменило хода битвы. Ополченцы бились все яростней. Их умение вовремя вклиниться в уязвимые ряды джунгар было очевидно. Внезапным ударом свежей сотне сарбазов удалось прижать скопление джунгар к высокому обрывистому берегу.

Кенжебатыр вместе с Таймазом, вырвавшись из пекла боя, повели своих на помощь тем, кто прижал джунгар к обрыву. Подоспела другая сотня. Джунгары были взяты в кольцо. В страхе наседая друг на друга, они полетели с обрыва прямо в воду реки. Среди джунгар началась паника. Не слушая ни сотников, ни тысячников, они направили коней назад и, спасаясь от стрел и сабель ополченцев, бежали к шатру, еще более усиливая страх владыки.

Шона-Доба приказал остановить безумцев, повернуть их назад на врага. Но было поздно. Тайлак и Санырак бросили в бой свой последний резерв — пятьсот

сарбазов. Все батыры казахов сомкнули ряды, увлекая за собой своих жигитов. Армия ополченцев, уже изрядно поредевшая, снова обрела единый, грозный облик.

Шона-Доба, еле успевший переметнуться со своими телохранителями на другое, более удобное для обозрения место, покинул свой шатер, сел на коня. Увиденное потрясло принца. Его великая конница, бросая поле битвы, рассеялась по степи.

Окровавленный всадник прискакал к нему и с криком: «Мы погибли!» — свалился с коня. Это был Хансана...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Начиналось лето. Непривычно тихий шелковисто-мягкий ветер безмятежно гулял по безбрежным просторам, осторожно сдувая пыльцу с цветов. Обилие трав было повсюду, такого разнотравья, такого цветения степи давно не видели в стране казахов. Да и погода нынче была на редкость ласковой. Теплое, но не жаркое лето. Пора было начинать косьбу. Нынче можно было вдоволь за-пасти сена даже там, где в иное лето косари по стеблю собирали копны и то лишь в низинах возле рек. Ранние обильные дожди вдоволь напоили землю, и она зацвела, щедро одаряя людей, словно стараясь заплатить им сполна за свою скупость в прежние годы. И если бы не война, если бы не джунгары... Если бы можно было забросить пики и щиты и взять в руки коеу, пойти по лугам... Но нет. Нельзя выпускать алдаспан из рук. Особенно сейчас, когда первые дни столь щедрого лета принесли на своих крыльях давно желанную радостную весть. Весть о победе казахских батыров над армией джунгар в битве у рек Буланты и Боленты! Степь зацвела еще ярче, она стала еще роднее и милее. Воспрянул духом народ. И даже глубокие старцы, уведшие свои семьи, свои аулы в глубины гор и пустынь, вдруг преобразились, услышав весть о первой победе. Вытаскивали на свет запрятанные в куче хлама свои айбалта*, начинали счищать с них ржавчину, начинали оттачивать лезвия сабель, острых пик. Начинали подыскивать себе коней, открыто выходили на дорогу и нападали на разрозненные мелкие отряды джунгар, бежавших с поля боя у рек Боленты и Буланты и бродивших по степи.

По всем дорогам великой Казахии носились добровольные глашатаи. Перекинув через переднюю луку седла маленькие, крепко обтянутые кожей барабаны, они мчались от одного к другому аулу, неожиданно по-

* Секиры.

являлись в запрятанных селениях жатаков, неслись к одиноким пастухам, останавливали путников. И по всей степи разносили вести о победе на Карасыр, об единстве батыров; рассказывали о том, как славный Богенбай помог батырам одержать великую победу: жигиты Богенбая заставили трехтысячную конницу, спешившую на помощь Шона-Доба, повернуть вспять. От красноречия каждого из них зависело, насколько ярким будет рассказ о великой победе. Красок не жалели, говорили о том, о чем слышали сами и что подсказывало им неумное воображение. Радости их не было границ. Среди глашатаев были и те, кого только что освободили из джунгарского плена.

— Суюнши! Суюнши! — неслось по степным дорогам.

— Да, так и должно было быть! Разве когда-либо джунгары или наемники Небесной империи могли одолеть казахов?! Разве наши батыры не сильнее их?! — люди, как это бывает в дни радости, забыли о поражениях прошлых лет. Гордость переполняла их.

— Да что там Шона-Доба, хоть сам Галдан Церен явись сюда, мы теперь побьем и его. Когда батыры едины, то и народ един, а это уже огромная сила. Никто, никто не одолеет нас! — Сдержанность покинула бывалых аксакалов... — Глаз боязлив, руки смелы, так всегда говорили предки. Врага бьют умением и единством. Слава аллаху! Наконец наши батыры воистину стали братьями.

Табуны коней, отбитые у джунгар, таяли на глазах. Людям нужны были кони. И стар и млад поднялись в поход, заслышав весть о победе, отвечая на призыв батыров. Каждый был готов вступить в отчаянную битву.

— Жизнь или смерть! Не пристало казахам быть рабами джунгар! — осмелел народ, вспомнил о былых победах, о подвигах своих батыров...

И молодой жигит, и старый чабан подбирали себе коней получше, готовили скакунов к походу и боям, находили седла покрепче, сильнее затягивали подпруги, челки скакунов украшали султанами из совиных и соколиных перьев, гривы заплетали в косички, туго перетягивали хвосты алыми лентами. Казалось, что люди готовятся к торжественному тою, к великому празднеству. Вновь повсюду были слышны шутки и смех. Оби-

лие трав и цветов, нежная яркость солнца, приподнятое настроение людей — все это радовало глаз, укрепляло уверенность в своих силах. Рассказывая друг другу об эпизодах битвы на берегах Буланты и Боленты, жигиты до блеска начищали щиты, айбалта, сабли и пики. Снова и снова перетягивали тетиву на луках, оттачивали стрелы и украшали их соколиными перьями. Во всех аулах от Каратау до Улытау задымили кузнечные горны, загрохотали удары молотобойцев. Лучшие мастера торопились ковать оружие для сарбазов. А между тем, подхватив призыв батыров, мелкие отряды сарбазов-мстителей из Младшего, Среднего и Великого жузов, объединяя свой ряды, на совете воинов выбирали себе вожаков и, очищая родные земли от карательных отрядов джунгар, начинали свое победное шествие. С Келес-Бадамского хребта, с северных пастбищ Сарыарки, с Улытауских и Каратауских гор они прокладывали себе дорогу в сторону Туркестана, куда, по словам глашатаев, двинулось объединенное войско батыров Богенбая, Санырака, Тайлака, Таймаза и Кенжебатыра. Малайсары среди них уже не было. Он погиб в жестокой сече с отборной тысячей Шона-Доба. Ведя за собой триста смелых отчаянных жигитов, он устремился за принцем, покинувшим поле боя. Увлечшись погоней, они далеко оторвались от своих, и тогда телохранители принца, внезапно развернувшись, взяли жигитов в кольцо. Кони сарбазов устали, кони джунгар были свежи — ведь эта тысяча не принимала участия в битве на Карасыр. Отчаянно, не щадя живота, дрались жигиты. Джунгары не смогли одолеть их, к Малайсары на помощь мчались сотни башкира Таймаза. Когда они подоспели, джунгары во главе со своим принцем были уже далеко. В степи стояла тишина. В лучах вечернего солнца, ведя за повод своих уставших коней, жигиты Малайсары бродили по густой, помятой во время боя траве, разыскивая и подбирая своих раненых друзей, а в стороне десять жигитов несли тело батыра на самодельных носилках... И когда Кенжебатыр вместе с Таймазом подъехали к ним, жигиты бережно положили носилки к их ногам. Кенжебатыр увидел обескровленное, искаженное яростью лицо Малайсары. Соскочив с коня, стал на колени, не смог удержать слез, зарыдал, как ребенок. Застонали раненые...

Три дня сарбазы хоронили своих друзей, павших в

битве, принося в жертву боевых коней; три дня праздновали победу. К ним шли и шли люди, иногда целыми отрядами. Санырак и Тайлак устроили торжественную встречу батыру Богенбаю, когда тот после победы над джунгарами вместе с шестьюстами своих сарбазов прибыл к берегам Буланты. Рослый, плечистый Богенбай был добродушен и спокоен. Он искренне, по-братски обнял батыров, простотой своей сразу завоевав их доверие и уважение. И после того Тайлак и Санырак, не сговариваясь, предложили Богенбаю принять положение старейшины среди них.

Богенбай решил, не теряя времени, двигаться к Туркестану, где скопились главные силы джунгар. К тому же гонцы сообщали, что где-то в степях под Оттаром проходит «Турымтай кенес»* ханов трех жузов. Они собрались там по призыву трех великих биев** — Казыбека из Среднего жуза, Айтеке из Младшего жуза и Толе из Великого жуза. Бии, получив весть о победе сарбазов в урочище Карасыр и выполняя волю народа, обратились к ханам: «Поставьте свои юрты рядом, чтобы на пути не было посредников, объедините свои силы, подтвердите свое братство перед лицом врага и поднимите свои знамена для окончательной победы над джунгарами, поддержите батыров, окажите почести победителям, созвав людей на великий курултай. Изберем вождя и сардара ополчения!»

* * *

...Объединенная конница батыров направилась к югу. Туда же потянулись отдельные мелкие отряды мстителей со всех окраин казахской земли. Они шли открыто. Так что для провидцев джунгар не составляли секрета их намерения и цель. Но попытки джунгарских тысячников остановить их не имели успеха. Казахские ополченцы уже не выглядели такими слабыми, как год или два назад. Их сплоченность, бесстрашие, а порой даже безрассудная храбрость пугали джунгар. Тревожные предчувствия начали сковывать прежнюю

* Малый совет.

** Знаменитые степные философы и ораторы, выполнявшие роль верховных арбитров и судей не только между простыми людьми, но и между султанами и ханами.

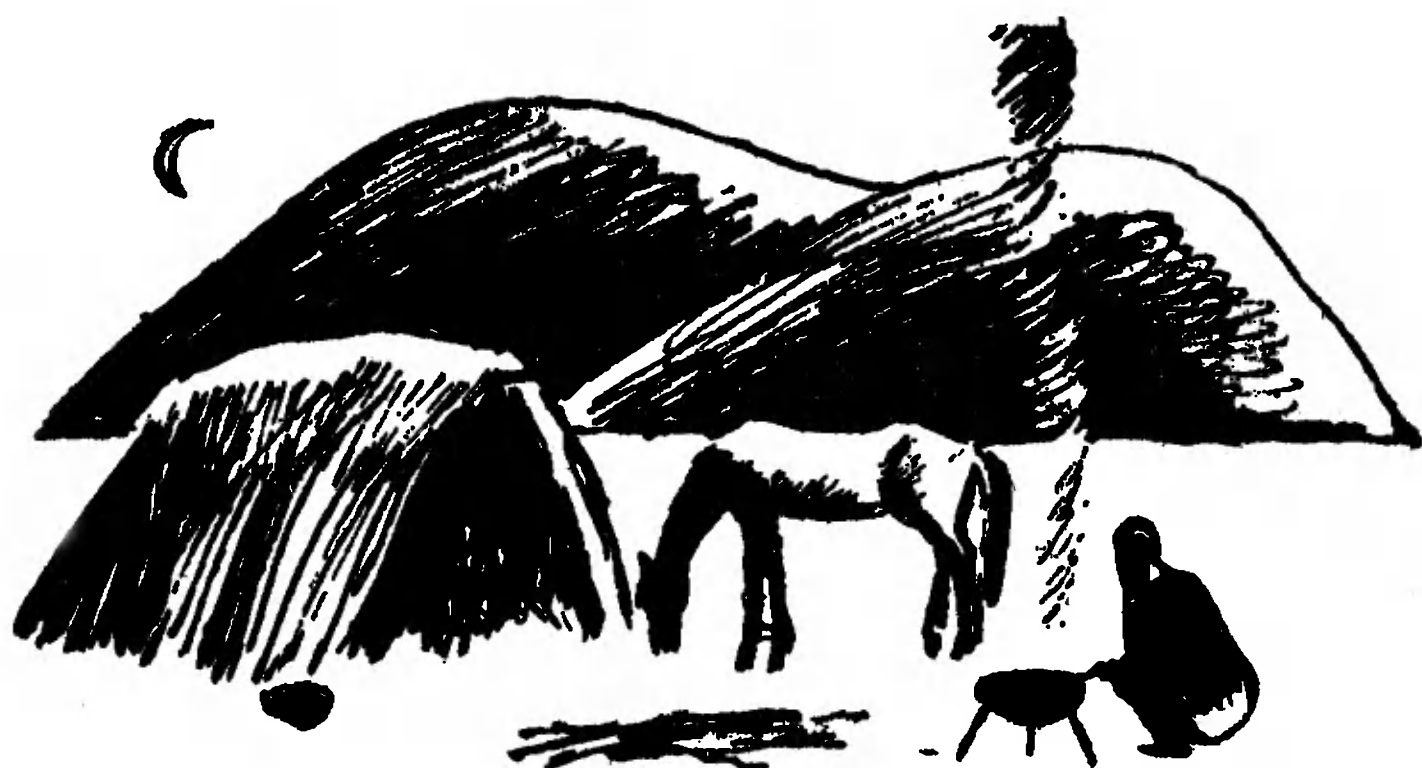
наглость джунгар, и теперь не казахские жигиты, а они стремились избегать столкновений. Разрозненные отряды джунгар тоже заторопились на юг, в Туркестан и Сайрам, где находились главные силы Дабаджи. Все же Дабаджи в этой войне показал себя умней, храбрее и сильнее Шона-Доба. Да и сам Шона-Доба, потерпев поражение от малоизвестных доселе батыров, растеряв свою двадцатитысячную конницу, бежал к Дабаджи. Об этом уже знали все джунгары. Они знали также, что Шона-Доба оскорбил знаменитых полководцев — свирепого Хансана и могучего Дамбу — решил самолично командовать войском, но не смог управлять им; что в битве в урочище Карасыр погиб Хансана...

* * *

Вся степь жила радостными слухами о первой большой победе над джунгарами. Степные барды, которых не было слышно со времен страшного джута, снова, как и в былые времена, появились в людных местах. Среди сарбазов, в аулах они вели свой рассказ, пели свои песни о победе, о славных батырах, разбивших конницу Шона-Доба, о том, что народ собирается на великий курултай, собираются все бии, все вожди племен и родов, чтоб избрать сардара, чтоб слить воедино силы всех сарбазов степи и навсегда прогнать с родной земли ненавистных джунгар.

От проезжего путника услышал эту весть и старый табунщик Оракбай, который жил со своей дочерью на берегу реки Бадам, вблизи маленького бедного аула, переполненного беженцами. Старые юрты, шалаши из курая и камыша занимали все окрестности аула. Уже второй месяц жил здесь старый табунщик.

После гибели Маная он уехал в эти края, надеясь найти здесь своих родственников, о которых когда-то рассказывала ему покойная жена. Хотел пристроить к ним свою дочь. Но не нашел их. Джунгары побывали всюду, все аулы скитались по степи, забыв прежние дороги. Поиски были бессмысленны. Да и годы у Оракбая были не те. Вот уже пятое или шестое лето длится война. Сколько горя перевидано, сколько пережито. Да и дочь совсем повзрослела. Она уже не та, что раньше.

Сания по-прежнему носила мужскую одежду, но скорее по привычке, а не по желанию. Лицо ее, опаленное зимней стужей и летним зноем, немного осунулось. Глаза потеряли прежний задор и блеск, в них глубоко затаилась грусть и не вяжущаяся с ее характером покорность. Она стала молчаливой, задумчивой. С утра до ночи то хлопотала у очага, то помогала отцу пасти двух коней, стараясь вовремя напоить их, вовремя найти для них лужайку с сочной травой. Два исхудавших за зиму коня — вот все, что осталось у отца с дочерью. Война сделала свое дело — словно перекасти-поле перебросила их с одного края казахской земли на другой и полностью осиротила — ни своего рода, ни родного племени, ни близких друзей... Отец и дочь редко говорили друг с другом. Да и о чем было говорить. Все осталось позади. Все отнято джунгарами. Вспоминать о прошлом — посыпать солью раны. А жизнь и так горька, жестока. «Лишь бы выжить. Лишь бы выдать дочку замуж за какого-нибудь доброго человека», — тяжело вздыхал табунщик Оракбай. Глядя, как дочь проводит дни у домашнего очага, как она собирает кизяк или тащит на себе дрова, нарубленные в прибрежных зарослях, видя, как изнашивается одежда дочери, старик опускал голову. Утирая глаза шершавой ладонью, молил аллаха дать его единственной хоть чуточку счастья. Он уже дважды собирался повести коней на базар, чтобы обменять их на платье и приобрести немного муки, но дочь не разрешала.

— Мы погибнем без них, будем нищенствовать или станем рабами у какого-нибудь богача. Я не хочу оставаться здесь. Мы должны вернуться назад, в родные горы, а как мы доберемся без коней? Потерпи, отец. Ничего, что одежда изнашивается. Я найду шерсти, вытку. Пусть кони набирают силу. Скоро кончится война, и мы двинемся в обратный путь, — успокаивала Сания отца.

Отец видел, что дочь совсем изменилась, что нрав ее стал другим — она избегала людского общества, не вступала в разговоры с жигитами, как прежде, — и удивленно думал, как может человек так сильно перемениться.

— О аллах, на все твоя воля... — бормотал он. — О бедный мой друг, мудрый Манай, скорее бы мне встретиться с тобой. Где ты там, что послал тебе созда-

тель? Жжет ли он кости твои в аду или открыл хоть ненамного двери рая, чтобы ты отдохнул на том свете? На этом тебе не было спокойствия и счастья, потерял ты всех птенцов своих, свой аул. Да и я вот, как видишь, дожил до позорных седин. В чужом краю, для всех чужой, живу лишь для того, чтобы дочь не осталась совсем одна, а иначе зачем бы я жил. Ничто меня больше не беспокоит — ни горе людей, ни эта война. Все люди шакалами кажутся мне, и свои, и чужие... О аллах, прости, прости меня, старого дурня, что это я так болтаю? — сидя возле шалаша на солнцепеке, говорил сам с собой табунщик Оракбай.

И, боясь прогневить бога своими столь мрачными мыслями, начинал тихо повторять про себя все хорошие вести, которые слышал от людей.

— Ты слышал, мой бедный и мудрый друг Манай? Говорят, батыры одолели проклятых джунгар в битве в урочище Карасыр. Говорят, там были и Санырак, и Тайлак, и Малайсары, и Богенбай. Значит, Малайсары был жив... — старик вдруг задумался. Огляделся вокруг и чуть не вскочил со своего места, обрадовавшись своей неожиданной догадке. — Если был жив Малайсары, — вслух думал он, — значит, может быть, в живых и Кенже, младший сын Маная... — Старик встал. Он вспотел, пот выступил не от жары, а от неожиданной догадки. Прикрывая глаза ладонью от солнца, он взглядом поискал Санию. Но она была далеко, ушла за хвостом... Старик снова уселся на свое место. И хорошо, что ее не оказалось рядом. Не надо говорить ей о своей догадке. Она давно мысленно похоронила Кенже. Старого не вернешь. Да если и жив Кенже, помнит ли он Санию? Ведь на дорогах войны случается всякое. Мало ли девушек в степи? Каждая почтет за счастье быть с таким жигитом. Кенже в этом не виноват. Пусть здравствует, пусть будет счастлив сын доброго Маная. Не надо говорить о нем дочери. Слава аллаху, его дочь не хуже других. Вот приодеть бы ее, и она не уступит никому ни красотой своей, ни смелостью. И трудится она не хуже других. В этом он убедился здесь. Найдется и ей жених, хотя... конечно, какое было бы счастье для него, старого Оракбая, если бы он выдал ее за единственного сына своего мудрого друга Маная... Мысли, одна не похожая на другую, вконец одолели старика, он устал от них. Не мог удержать их в полной тайне и после то-

го, как вернувшаяся с поля дочь накормила его айраном и горстью прожаренного проса и напоила чаем.

— Доченька, ты что думаешь, вот так и будем жить мы с тобой как глухонемые?.. Как хочешь, а все же мы с тобой пойдем сейчас в аул, хоть на людей посмотрим, уже два дня, как там много народу. Видать, вести хорошие принес узункулак, акыны, говорят, появились. Пойдем, дочка. Никто не унесет наш шалаш и не уведет коней. А хочешь, оседлаю коней, поедем...

Сания удивленно взглянула на отца. Что с ним? Впервые за много дней отец показался ей взволнованным. Что его беспокоило? Может, ему просто надоела такая тихая жизнь и он решил выйти в люди? Сания улыбнулась. Стало как-то легче на сердце. Бедный отец, хоть раз бы поругал ее, отвел свою душу, а то ведь и ругаться-то не умеет. За всю жизнь она так и не услышала от него суровых слов. Бедный отец... Ему же не легче, а, наверное, труднее, чем ей.

— Поедем, поедем, отец. Вы только немного потерпите. Я заштопаю вашу рубашку и сама оседлаю коней. Посидите или, как всегда, немного отдохните после обеда.

Но он заторопился пуще прежнего.

— Зачем мне переодеваться? Я на той еду. Это тебе нужно смотреть за собой. Что ты ходишь как старушка?! Раньше времени хочешь похоронить меня? Ты, дочка, не смотри на меня так. Я свое прожил, ты делай все так, как тебе хочется, как душа велит. Ты ведь у меня молодец. Для меня, сама знаешь, нет ничего важнее твоего счастья. Не оглядывайся на меня. Сам аллах знает — я теперь не в силах тебе помочь, я как путы на твоих ногах. Эх, я старый, старый ворон, как айдахар*, проглотил всех, кто был вокруг, а сам живу. И что это за наказание?! Мне нужно было раньше Маная отправиться на тот свет и встретить его там, а я все живу...

— Хватит наговаривать на себя! — вдруг резко вырвалось у Сании. — Да что это вы сегодня так всполошились? Сказали бы с утра, мы бы с утра поехали в аул. — Она подвела коней, быстро оседлала их. Старик притих. Он не произнес ни слова, взобрался в седло.

* Дракон.

Прошел почти месяц, как табунщик не садился на коня, и сейчас ощутил, что конь уже набрал за это время силу. Седло было удобным, и старик успокоился, почувствовал себя прежним Оракбаем, который, если надо, еще может потягаться с молодыми жигитами.

— Иншалла, все будет хорошо, дочка, — назидательно сказал он и направил коня в сторону аула. — Поехали, дочка, послушаем новости, говорят, сюда заехал бродячий акын и слагает песни о победе батыров...

...Сания еще издали заметила, что центр аула, большое, утрамбованное копытами коней поле, лежащее перед двенадцатистворчатой юртой местного бая, заполнено людьми. Собственно, такую же картину она наблюдала не раз за последние дни, но не обращала на нее внимания. Постоит, посмотрит издалика и вновь займется своим делом. Мало ли что может происходить там? У кого-то случится беда, кому-то бог пошлет неожиданную радость. Ведь у казахов так: рождается ребенок — соберутся люди, родители заколют последнего ягненка. А народ сейчас ох как охоч до еды. Умрет человек — снова режь барана, а то и коня — у кого что есть. На все воля аллаха. Но вот сегодня, видимо, не той по случаю рождения и не поминки. Не слышно ни плача, ни смеха. Однако людей много, многие верхом — видно, приезжие из ближних и дальних аулов. Все чем-то поглощены, кого-то слушают. «А не все ли равно, кого там слушают», — подумалось ей. Но тут же она удивилась своей мысли. Что сделало ее такой безразличной ко всему? Совсем недавно, ну год, даже полгода назад, ее в таких случаях снедало неуемное любопытство. Она, не задумываясь, мчалась туда, где было побольше людей, где были жигиты, ей нравилось стоять в стороне, будто не обращая внимания на них, и в то же время ждать — кто из них первым бросит на нее взгляд, кто первым догадается, что она — девушка, что носит мужскую одежду, потому что считает себя не хуже любого жигита-воина. Она неосознанно бросала вызов степному укладу жизни, где высоко ценилась лишь сдержанность и замкнутость девушек на людях, особенно среди незнакомых мужчин. Сания, кажется, поняла все это лишь сейчас, в эти месяцы, находясь в чужом для нее краю, живя в уединении. Она потеряла Кенже. Единственного человека, который по-настоящему любил ее, считал ее чуть ли не святой, терялся и

краснел перед ней, как перед ханской дочерью. Эта мысль терзала ее все чаще и чаще за эти последние месяцы. Было невыносимо тоскливо и больно на сердце, что она ни разу не смогла подарить Кенже свои ласки. В ней раньше никогда не появлялось чувство подавленности и покорности, которые вообще-то были присущи женщинам ее положения. Ведь она не байская дочь и не дочь султана. Зачем быть гордой нищенке? Но и отец, и мать, и весь аул воспитали ее так, что она росла баловницей, свободной и вольной. Ей было дозволено все, и никто не осуждал ее. Дозволена была даже эта одежда, что и теперь на ней, мужская одежда, которую она сейчас носит лишь по привычке. Это была тоже ее прихоть, средство, чтобы быть ближе к жигитам. Пора, пора снять ее. Не будет же она носить такую одежду до старости. Пора подумать о будущем. Отец совсем стар, слаб, и ему нужна опора, подмога... Погруженная в свои мысли, Сания не заметила, как они подъехали к толпе, и только голос отца: «Дочка, оставим коней, подойдем поближе», — прервал ее размышления.

...Акын завершил свою песню о битве под одобрительные возгласы слушателей. Молодая женщина в белом, отороченном красными узорами кимишке* преднесла ему кумыс в большой фарфоровой чаше. Он был тощ и долговяз, этот акын, в белой рубахе навыпуск, в широких штанах из мягко отделанной кожи жеребенка, в красных ичигах на ногах. На плечах был чапан из нежной, тонкой верблюжьей шерсти, в руках домбра. Но сейчас он отложил домбру в сторону, пьет кумыс, сдвинув тюбетейку на затылок. Лицо худое, морщинистое. Только глаза молодые. Сидит на ковре, рядом подушки.

— Повтори, повтори, добрый человек, имена батыров. У меня плохой слух. Я хочу запомнить их имена навек... — шепелявя беззубым ртом, просит дряхлый, весь седой старик, опирающийся на посох.

Допив чашу до дна, акын поставил ее перед собой, не дотрагиваясь до домбры, немного приосанившись, четко повторил имена.

— Батыры эти — сыновья разных племен, дети всех трех казахских жузов, аксакал! — ответил акын. — Это славный Малайсары из рода басентин. Пусть земля ему будет пухом, пусть отдыхает он в раю, пусть бла-

* Женский головной убор.

годарность народа дойдет до него... — Акын, соединив ладони, поднес их к лицу. Все слушатели, вздыхая, присоединились к нему. Старец поднял руки к небу, шепелявя, прочитал краткую молитву, проведя ладонями по лицу и бороде, сказал:

— Аминь!

— Амины! — повторили все.

— ...Вместе с ним сражались мудрый и храбрый Богенбай, смелый Санырак и не уступающий в хитрости лисе, в смелости барсу Тайлакбатыр. Были с ним и батыр башкиров Таймаз, а еще самый молодой среди них — сын Маная, что из рода болатшы, — Кенжебатыр!..

Сания, которая спокойно стояла рядом с отцом и почти равнодушно спускала рассказ акына, услышав имя Кенже, вдруг почувствовала слабость в ногах. Сердце девушки забилося так, словно ему стало тесно в груди, лицо ее то бледнело, то краснело. Она вцепилась в плечи отца и увидела его лицо. Из глаз Оракбая текли слезы.

— Ты счастлив, ты счастлив, мой незабвенный, мой мудрый друг Манай... — бормотал старик сквозь слезы.

Схватив его за рукав, Сания начала выбираться из толпы...

После она никак не могла вспомнить, как они выбрались, как сели на коней и приехали в свой шалаш.

Ты жив! Ты жив, мой Кенже... Слава создателю... Пусть теперь я буду твоей жертвой, я ежедневно буду молить аллаха, чтобы черная тень смерти, если будет нужно, окутала меня вместо тебя. Живи, живи, мой Кенже. Я люблю, люблю тебя, как же я не знала раньше, что нет у меня никого, никого, кроме тебя... Впервые за долгие месяцы Сания дала волю слезам. Она плакала молча, отец не смотрел на нее. Не мешал ей. Он сам расседлал коней и увел в степь. Вдоволь наплакавшись, Сания почувствовала облегчение. Прибрав в шалаше, вытащила из мешка, встряхнула и осмотрела все свои старые, поношенные платья. Принялась за стирку, незаметно для себя даже начала напевать какую-то старинную песенку и, услышав свой голос, рассмеялась, утирая еще не просохшие слезы мокрыми руками. Засучив рукава до локтей, отбрасывая назад то и дело сползающие с плеч волосы, она перестирала всю одежду, что имелась у нее.

Вернувшись с поля, отец понял, что дочка готовится в дорогу. Решил скорее поделиться с ней новостью, услышанной в степи от проезжего всадника.

— Дочка, ты слышишь, говорят, что все казахи, все, кто может держать в руках щит и меч, собираются на Безымянной горе, что стоит у истоков Бадама. Там состоится великий хурал, как это бывало еще при Тауке-хане. Туда же, на Безымянную гору, держат свой путь и батыры, побившие джунгар у Буланты и Болен-ты. Иншалла, слава аллаху, народ отныне станет един, и тогда джунгары уберутся с нашей земли...

— Отец, отдай мой щит, мою саблю и кольчугу хорошему жигиту, найди мне новое платье или в обмен на старые достань мне какую угодно материю — шелк, атлас, самаркандский ситец. Я сама сошью себе платье. Быстро сошью, — сказала Сания, вытирая полотенцем белые локти и покрасневшее лицо.

— Но, дочка... — удивленно начал отец.

— Я не буду больше носить мужской одежды, щит и сабля мне ни к чему. Оружия не хватает жигитам... — Сания весело, четко произносила каждое слово.

— Хорошо, хорошо... Иншалла... Я сейчас же поеду в аул, на базар, что собирается у развалин Отрара. Управляюсь быстро, я быстро управляюсь...

* * *

На редкость густая и высокая трава уродилась нынче и здесь, в южных краях, в долинах рек и в предгорьях. Реки Арысь и Бадам были полноводны, как никогда. Их холодное, стремительное течение легко могло свалить всадника, а в лесных чащах, густо зеленеющих в долине, без труда могли скрыться целые аулы или огромное войско. Но это просто так, к слову. Нынче никто здесь не собирался прятаться от людского глаза, особенно от джунгар. Каждый аул, прикочевавший сюда, каждый жигит, каждая сотня, устремившиеся сюда по зову великих биев степи, по зову прославленных батыров, старались быть на виду. Со всех концов земли по большим дорогам, по заброшенным караванным тропам, а то и просто напрямик, прорезая густой ковыль грудью коня, утопая в зелени, словно в волнах необъят-

ной реки, шли и шли сюда жигиты всех трех жузов необъятной Казахии. Они шли мимо Туркестана и Сайрама, никого не боясь, не обращая внимания на скопления джунгар, словно бросая им вызов, самым видом подтверждая донесения джунгарских провидцев и лазутчиков о том, что казахи открыто готовятся к главному удару.

Без конца собирались на совет тысячники джунгар, без конца спорили между собой Шона-Доба и Дабаджи, не в силах предпринять что-либо, что помогло бы остановить эти потоки казахских ополченцев, идущих к Безымянной горе. Решили ждать. Ждать прихода новых сил — китайской конницы, посланной великим хунтайджи Галданом Цереном через Аксу и Текас. Ждать результата переговоров казахских ханов, ведь еще ни разу не было так, чтобы ханы казахов пришли к согласию. Нет сейчас среди них такого, который смог бы взять верх над другими своей властью, силой и мудростью. Да и батыры не так-то легко подчинятся один другому. Нужно, чтобы хорошо поработали провидцы. Можно наконец подкупить султанов, чья жадность, чья зависть к соперникам могут хорошо помочь джунгарам. Так советовал самый мудрый Табан. Шона-Доба, чье позорное поражение на берегах Буланты и Боленты вселило страх и тревогу во всю джунгарскую армию, пока что держался в стороне. Взвалив всю вину за проигранную битву на Дамбу, он не находил себе места от страха, ожидая кары от своего старшего брата — великого хана ханов Галдана Церена. И всю свою храбрость, все коварство свое использовал он для того, чтобы весть о его позоре не дошла до дворца. Самые верные слуги принца зорко следили за тем, что происходит в шатре Дабаджи. Ни один гонец Дабаджи не должен был уйти с вестью о поражении Шона-Доба в Великую Джунгарию. Двух тайных гонцов в сопровождении двух сотен самых храбрых и преданных китайцев отправил Дабаджи с рассказом о битве принца с казахскими батырами, но ни один из них не добрался даже до Аккуйгаша.

Дабаджи не знал об этом. Об этом знал лишь Табан, и только им посланный человек добрался до великого хунтайджи и рассказал обо всем, что было, о том, как теперь ведут себя Шона-Доба и Дабаджи, и передал совет провидца: настал час доверить Дабаджи говорить от имени хунтайджи. Нужно послать полководцам свое

строгое великое повеление — объединить силы, собрать в железный кулак все войско, находящееся в Шаше, Сайраме и Туркестане, выстоять решающую битву, обязать всех казахских ханов платить дань и вернуться, сохранив добычу... Но об этом послании Табана не знали ни Шона-Доба, ни Дабаджи... Они знали лишь о том, что в спешащей к ним из Джунгарии коннице много циней*. Что сам богдыхан хочет помочь им, что не пройдет и недели, как под их эгидой будет пятидесятитысячное войско, которое может победоносно пройти по всей земле казахов...

* * *

...Прошла почти неделя, как старый табунщик, покинув свою последнюю стоянку — шалаш в низовьях Бадама близ маленького аула, вместе с дочерью выехал по направлению к Безымянной горе. Попадая из одного каравана в другой, переходя из одного стана ополченцев к другому, он, как и в былые годы, подолгу засиживался у костров, целыми днями не знал покоя, помогая то одним, то другим. Он словно обрел прежние силы. Как ребенок, старик радовался тому, что люди стали общительны, доверчивы, словно в былые, почти позабытые времена.

Оракбай хотел помочь каждому. То он перевозил на своих конях людей через речку, то помогал чинить чью-то арбу, то подковывал коня молодому жигиту в походной кузнице. А Сания помогала женщинам доить кобылиц, толочь просо...

Чем ближе они подъезжали к Безымянной горе, тем чаще им встречались белые юрты султанов и их близких родственников, богачей. Вокруг гарцевали на скакунах разодетые воины, туленгуты. И все чаще Оракбай слышал грозные окрики, и уже не по собственному желанию, а по приказу того или иного байского прихвостня ему приходилось то отводить на выпас чьих-то коней, то помогать подогнать кобылиц для дойки, то разделывать тушу барана для байского котла.

— Эй ты! Что ты без толку бродишь здесь? Лучше бы зашел к нашему достопочтенному баю и попросил его, чтоб он дал тебе работу, еду. Дочь-то у тебя не так

* Кйтайцев.

уж плоха. Глядишь, и смилостивился бы наш мирза *. Да я и сам готов прикрыть ее на ночь своим чапаном...

Слова туленгута, как плетью, обожгли старого табунщика. Он был беден всю жизнь, но не привык к таким оскорблениям.

Оракбай оглянулся. Хорошо, что Сания не слышала этих слов, она вела коней с водопоя. Старик не мог сдержать своего гнева.

— Видать, ты безроден, жигит, коль не научился уважать старших. Были бы здесь жигиты из рода болатшы, они бы вырвали тебе язык. Быть туленгутом у богача не столь уж высокая честь, чтобы она давала право оскорблять каждого. Мои седины достойнее твоей продажной молодости. А дочь моя не для таких, как ты, дворовых псов богача!.. — Старик захлебнулся, закашлялся. Обида и горечь сжали горло. В этот миг он почувствовал себя чужим среди своих.

Не ожидавший такого дерзкого ответа от какого-то старика скитальца, туленгут набросился на Оракбая и, не слезая с коня, стал хлестать старика плетью по спине.

— Старый бродяга! Как смеешь ты называть меня безродным, я покажу тебе! — Он гарцевал вокруг старика, нанося удары. Бедный Оракбай то падал, то вновь вскакивал, пытаясь схватить обидчика за ноги или за уздечку его коня.

Сания издали заметила, как отец, защищаясь от ударов, упал на землю. Она вскочила в седло, схватила чей-то курук, прислоненный к юрте, и, подскакав к обидчику отца, в мгновение ока столкнула его с седла. Отбросила в сторону курук, вырвала плетку из рук перепуганного туленгута и изо всех сил хлестнула его по лицу. Туленгут заорал от боли.

— Не трогай отца! — Не по-женски суров был голэс Сании. Она помогла отцу встать. Подвела коней. Собрался народ. Старый табунщик и его дочь оказались в тесном кругу незнакомцев. Одни смеялись над незадачливым туленгутом, другие с удивлением и уважением смотрели на молодую стройную женщину. Поддавшись внезапному приступу гнева и обрушив свой удар на обидчика, Сания теперь не знала, что делать. У нее дрожали руки. Ей хотелось причитать, плакать, кричать и

* Господин.

ругаться, как это обычно делают женщины в таких случаях. Но она не могла.

— Искали спасения от джунгар, а у своих попали в волчье логово! — с тоской и болью воскликнула она.

— Эй, что здесь за толчея, что за шум?

Люди расступились, пропуская человека лет пятидесяти, выхоленного, с черными красивыми усами, в голубом легком чапане, накинута на плечи.

— Да вот, скитаются тут всякие бродяги и еще оскорбить вашу честь норовят... — ответил один из туленгутов. — Видите, мирза, эта женщина, подобная голодной волчице, осмелилась при всем народе поднять руку на вашего слугу. Его лицо залито кровью!..

— Ха! Если он не может одолеть бабу, то зачем лезет к ней?! Мнишь себя соколом, а перед бабой выглядишь побитым щенком... — гневно процедил бай сквозь зубы.

— Ба, да это же конокрад Сыбай, верный пес Салакбая... — удивленно крикнул кто-то из толпы. — Да кто же это его? Кто бы ни был — поделом Сыбаю...

— Эй, кто там так осмелел?! Выходи сюда! Салакбая не нужны чужие кони, он из своего табуна купит в потрохах сотню таких, как ты!

— Умерь свой пыл, Салакбай. Времена не те. Лучше утри сопли своему туленгуту! — раздался тот же голос.

— Взять его! — приказал Салакбай.

Туленгуты ринулись выполнять его приказ, но толпа не шелохнулась, она плотной стеной загородила жигита, стоявшего в коротком старом чапане нараспашку. Жигит улыбался. Белый платок туго обтягивал его голову. На поясе висел короткий кинжал, под чапаном была видна кольчуга.

— Не время, не время. Салакбай. Отложим спор. Я хотел бы увидеть тебя в битве с джунгарами, — сверкали глаза жигита. — Не одолели старика и женщину, хотите потягаться со мной. Не выйдет. Лучше добром раздай табуны сарбазам. А иначе без спроса твоих коней оседлаем. Или ты хочешь их передать джунгарам, чтобы спасти свою шкуру?!

Воспользовавшись моментом, старый табунщик попытался увести Санию из этого опасного места. Но Салакбай, будучи не в силах наказать дерзкого жигита, обратил весь свой гнев на Оракбая и Санию:

— Стойте! Кто вы такие и откуда?

— Я табунщик Оракбай из племени найман, из рода болатшы, а это дочь моя, — стараясь держаться достойней, ответил старик.

— Так что же вам нужно здесь?! Продали свои земли джунгарам и сеете раздор и смуту здесь, среди достойных жигитов Младшего жуза. Эй ты, пес плеши-вый, скажи, как было дело? — обратился Салакбай к своему туленгуту, все еще вытиравшему кровь со лба.

— Она, видать, взбесилась... Налетела сзади и плеткой по лицу... — начал оправдываться тот.

— Так, значит, вы все здесь сговорились! Все против Салакбая... Ну посмотрим! — процедил сквозь зубы мирза и резко крикнул: — Взбесилась, говоришь. А ты не знаешь, от чего бесится баба? Давно ездока не видела... — он зло рассмеялся. Раздался недружный хохот туленгутов. — Так помоги ей. Бери, она твоя! Пусть жигиты возьмут моих коней за нее. Эй, чего вы стоите?! Хватайте, уводите ее в юрту потемней! — крикнул он своим слугам. — А этому старому бродяге дайте верблюда. Это мой калым!

Несколько туленгутов, наперебой восхваляя щедрость Салакбая, бросились к Сании. Она, как беспомощное дитя, вдруг схватилась за рубаху отца и укрылась за его спиной. От ее прежней смелости и гнева не осталось и следа. Но зато Оракбай, которому отцовское чувство дало силу, встал во весь рост, седой, побледневший. Старческие руки стальной клешней сжали рукоятку сабли, и он был готов свершить свой суд над теми, кто сейчас приблизится к его дочери. В этот миг он мог решиться на все. Туленгуты оробели. Притихла толпа, и тут вперед выскочил все тот же дерзкий жигит в коротком чапане.

— Вы действительно превратились в дворняжек! — толкнул он в грудь переднего туленгута. — Назад! Прочь руки! Аксакал, успокойся, — обратился он к Оракбаю. — Сестра, не бойся. Мы не дикари, чтобы отдать вас на съедение Салакбаю. Садитесь на своих коней. Идите с миром. Никто вас не тронет в этом краю, на этом великом сборище всех племен казахов по случаю победы батыров и по воле великих биев. Салакбай не судья над нами. У него больше нет табунов. Все кони нынче нужны для сарбазов! Такова воля старейшин, воля биев всех трех жузов!

Ты подобен шакалу, Салакбай! Но нынче сила не в твоих лапах. Жигиты, пошли! Выберем себе коней из его табунов. А вы, продажные дети аллаха, идите вместе с нами, — обратился он к туленгутам. — Нынче нам судьи не баи и султаны, а сам народ! Победим — обласкает, погибнем — оплачет. Нынче нам судья — наша совесть, а наш враг один — джунгары...

Не дослушав речи жигита, не узнав, чем закончилось столкновение бедных сарбазов с Салакбаем, старый табунщик со своей дочерью покинули аул и, держась в стороне от людей, спустились в долину и поехали куда глаза глядят. Сания не могла удержать своих слез — от обиды, от беспомощности, от одиночества.

— Да, трудно, трудно одним без защитника, без опоры... — еле сдерживал свои рыдания Оракбай. — Но мы найдем, найдем здесь своих. Аулы Великого жуза тоже должны быть здесь. Мы поедем к ханским шатрам. Там должен быть Кенже. Говорят, уже прибыли все баатыры... — размышлял старик, когда они остановились у небольшого ручья перекусить. Слезы Сании давно высохли.

В этой охраняемой со всех сторон сарбазами долине, в этих аулах, живущих под охраной ополченцев, сейчас нет страха перед жунгарами. Богачи пригнали сюда под защиту жигитов-мстителей даже свои табуны и отары. Здесь джунгары не страшны ни для Сании, ни для ее отца. Но что из этого? Всегда было так — если ты беден, да еще одинок и беззащитен, то нечего тебе ждать добра от людей. Любой туленгут богача или сам бай, а то и просто какой-нибудь зарвавшийся забияка может безнаказанно поиздеваться над тобой. Такова доля женщины, когда она слаба и беззащитна. Найти бы Кенже, а там будь что будет... Все мысли, все думы девушки были лишь о Кенже. Ведь он тоже где-то здесь.... Женское предчувствие не обманывает. Она скоро увидит его. Она ждет этой встречи и боится ее. Быть может, он уже забыл о ней... Достояна ли она того, чтобы помнить о ней?..

Нет, нет, все равно она должна увидеть его. Он защитит отца, защитит ее от обидчиков.

* * *

Объединенная конница Санырака, Тайлака и Таймаза, слившись с сарбазами Богенбая, шла на юг к

Безымянной горе, сопровождаемая послами и гонцами всех трех ханов казахской земли. Батыры двигались не спеша, сохраняя силу коней и людей, не отдаляясь от обозов с богатыми военными трофеями, захваченными в битве с джунгарами. Почти вся артиллерия противника оказалась в руках сарбазов. Чтобы не тесниться во время привалов, сарбазы двигались тремя отдаленными друг от друга на десяток верст отрядами. В каждом из них насчитывалось по несколько тысяч сабель.

Оставив позади верст шестьсот, батыры повернули коней, обошли стороной Туркестан и вышли к просторному караванному пути, связывавшему Чимкала* с Шашем**. На следующий полдень вновь объединились все три отряда и под приветственные возгласы выезжавших и выходивших навстречу людей — богатых и бедных, лихих воинов и нищих бродяг, убеленных сединами старцев и впившихся в гривы коней степных сорванцов, старух и степных красавиц они наконец достигли главной ставки ханов, укрепивших свои знамена на вершине Безымянной горы.

Собственно, никакой горы здесь не было. Была широкая, просторная зеленая терраса, на которую батыры поднялись незаметно для себя, сопровождаемые радостным гулом народа, собравшегося здесь по зову вождей племен со своими юртами, со своим походным имуществом, со своими кузницами и косяками боевых коней. Терраса эта поднималась над безграничной степью, над безбрежными долинами рек Бадам и Арысь и с юго-запада и юго-востока была окаймлена отрогами Каратауских и Алатауских гор.

Через день после прибытия Кенжебатыр поднялся на верхнюю точку террасы.

Отсюда можно было обозреть все реки и долины, раскинувшиеся вокруг, всю степь, утопающую в переспелой буйной траве. И казалось, что нигде на этой великой казахской земле нет такого места, с которого так же открывался бы простор дальнозоркому взгляду степняка...

Он впервые так широко ощутил первозданную, могущественную красоту степи, он видел ее синеву, ее цветенье и силу. Богатая, щедрая земля лежала у его

* Городок, находившийся на месте нынешнего Чимкента.

** Ташкент.

ног. Небольшие холмы, низкие зеленые отроги напоминали застывшие волны великого моря; реки, сверкающие в лучах солнца, уходили из одного края дали в другой. Но не только красота природы завороживала Кенжебатыра. Ему как воину было ясно, что только с этой точки, только с этой площадки можно увидеть то, что было скрыто от посторонних взглядов, от джунгар. Отсюда были видны все войска народного ополчения.

Вместе с Егоркой, который поднялся сюда рядом с ним, Кенжебатыр видел сарбазов, расположившихся у подножий холмов, укрывавшихся в многочисленных логах волнистой террасы.

Но и отсюда нельзя было увидеть все казахское войско — в этих логах, неглубоких, но самой природой надежно укрытых от глаз ущельях расположилась отборная конница Абулхаира, султанов Абульмамбета, Барака, Болатхана и объединенная конница Санырака, Тайлака, Таймаза и Богенбая. Кроме них, в складках этой огромной террасы надежно укрывались каракалпакские, киргизские и узбекские сотни. И не прошло и часа, как глашатаи известили всех о том, что на помощь ополченцам пришли и таджикские сотни.

— Ох и великая будет сеча ныне на вашей кайсацкой земле, — потирал руки Егорка. — А что? Не объединить ли мне всех русаков? Своя сотня будет. Есть каракалпакские, туркменские сотни, будет и русская. Потягаемся, кто храбрей и скорей в сече.

— Отныне все решают ханы, — ответил Кенжебатыр, и ему самому показалось, что ответил не он, а кто-то другой. Так непривычно было для него это слово — «хан». Прибыв сюда вместе с батырами, он с первой же минуты почувствовал необычность обстановки. Не только торжественность и величие происходящего, его важность для судеб своих соплеменников и свою причастность к этому событию, но и нечто другое, что больно отдавалось в сердце, рождало глухой протест и злобу. Здесь ему сразу же дали понять, что он из черни, что он не принадлежит к степной знати, к белокостной элите, что он не потомок бая или султана, что даже род его — болатшы — не может быть на равных с другими родами и племенами казахов.

Но, быть может, все это показалось ему? Ведь никто не сказал ему об этом прямо. Его принимали с почетом, как и всех других батыров...

Кенжебатыр впервые в жизни задумался о себе и о своем месте в этом великом скопище людей. Что заставило его задуматься? Слова разодетого, как петух, распределителя мест и юрт для батыров, который, как показалось ему, изо всех сил старался дать понять своими поступками, что он, Кенжебатыр, не может претендовать на место в кругу знати, на место в юртах для почтенных лиц...

— Тьфу! — с досадой плюнул Кенжебатыр. Ему стало стыдно за свои мысли. — Нашел о чем думать, над чем ломать голову. К чему эта мнительность? Да откуда она?

— Ты что хмурый, опять о своей красоте вспомнил? — спросил Егорка, вглядываясь в лицо Кенжебатыра. — Это, брат, как болячка. Не хочешь, а все одно в голову лезет. Я вот тоже нет-нет да о своей вспоминаю. Была такая. Как пойдет она на ум, так и изба родимая вспоминается, и по деревне тоска одолевает. Так я быстро ту думу прогоняю.

— Ты прав, брат, в родных краях, среди родных и горе и обида легче переносятся... — задумчиво ответил Кенжебатыр.

Они стояли в ста шагах от огромного белого шатра, в котором проходил совет ханов и султанов. Там же находились великие бии, от батыров там присутствовал Богенбай. Вокруг шатра безмолвно застыла стража. Шатер был обращен лицом к степи, а дальше, чуть ниже по склону, возвышались богатые шестнадцатистворчатые юрты ханов, за ними были рассыпаны юрты и шатры ханской знати и султанов, богачей, еще ниже теснились юрты и шалаши воинов, поваров, табунщиков — всех тех, кто явился сюда, чтобы слиться в огромное людское море. В стороне от белого шатра был вбит в землю железный кол. Возле него на привязи томился одинокий снежно-белый скакун без седла, без сбруи. Красавец конь с султаном из совиных перьев на холке. Грива его была заплетена в косички, на хвосте алые и голубые ленты. Не конь, а тулпар.

Поглядывая на белого скакуна, о чем-то переговариваясь меж собой, поодаль, на богатых коврах, на атласных подушках, полулежали несколько старцев в белоголубых чалмах. То были хозяева разрушенных джунгарами мечетей Туркестана и Сайрама, люди высокого

духовного звания, ходжи, совершившие паломничество в Мекку и потому почитаемые народом как святые. Без их благословения удача не могла сопутствовать в любом большом деле. Они изредка отмахивались опахалами от мух и степенно потягивали свежий кумыс из огромных фарфоровых чаш. Несколько молодых жигитов молча стояли рядом, готовые выполнить любое повеление верховных слугителей аллаха. Но ходже не было дела до них; лениво перебрасываясь словами, они то поглядывали в сторону шатра, то бросали пристальный взгляд на западный склон верхней террасы, где дымились костры над котлами. На свежеструганых осиновых кольях разделывали бараньи туши. Там, вокруг костров, не менее ста мужчин и женщин, засучив рукава, торопливо готовили трапезу для ханской свиты, султанов, батыров. В огромных бурдюках, привязанных к наспех вбитым столбам, молодые женщины взбивали и взбалтывали кумыс. Молодые жигиты на конях без устали подвозили и подвозили к ним кобылье молоко из ближнего лога, где доили кобылиц. Веселые, сытые гончие и дворняжки, радостно повизгивая, гонялись друг за другом вверх и вниз по склонам. Десятки озабоченных конных и пеших, как муравьи, неустанно шныряли от юрты к юрте, от аула к аулу. Одним словом, все говорило о том, что люди ждут какого-то торжественного события, ждут окончания ханского совета. Но из шатра пока никто не выходил. Только безмолвные слуги то скрывались в шатре, то вскакивали на коней и мчались куда-то по срочным делам. А молчаливая стража зорко следила за тем, чтобы никто, кроме слуг, не приближался к шатру. Нетерпеливо, звонко заржал белый скакун. На его голос откликнулись другие, что стояли у дальней коновязи под охраной туленгутов. То были отборные рысаки и прославленные скакуны султанов и батыров, заседавших сейчас в главном шатре.

Наблюдая за происходящим вокруг и занятый своими мыслями, Кенже опять вспомнил о Сании и не заметил, как к нему подъехал Таймаз.

— Что, брат Кенже, думы одолевают?.. Нечего томить себя. Все будет решено там, — Таймаз указал на шатер. — А нам важна сила рук. Голова перед боем должна быть свободна от всякой ерунды. Уже близок час. Видишь, глашатаи что-то учуяли, на коней сели, а

вон погляди на даулпаз* для особо важных событий. Какой-то жигит уже в готовности стоит возле него. Собирается бить тревогу или призыв. Ему все равно! — Таймаз, как всегда, был весел, подтянут, его шлем сверкал в лучах уже поднявшегося к зениту солнца. Но здесь, на вершине террасы, не ощущалось жары. Мягкий свежий ветер летал по травам.

Не успел Кенжебатыр ответить Таймазу, как зашевелилась, забеспокоилась стража. На почтительном расстоянии от шатра застыли в ожидании приказов гонцы, глашатаи. Медленно перебрасываясь словами, начали подниматься с мест почтенные слуги аллаха. Взоры всех обратились к белому шатру. Кенжебатыр и Таймаз прошли поближе к гонцам.

Вот откинут тонкий персидский ковер, раскрылась дверь шатра, и показался великий имам степи.

Он торжественно направился к ожидавшим его ходжам и муллам. Батыр Богенбай вышел из шатра в сопровождении Тайлака и Санырака. Лицо Богенбая было спокойно, глаза задумчивы. Он быстро окинул взглядом террасы, на мгновение обратил взор в безбрежную даль степи, постоял немного, будто вспоминая о чем-то, но, заметив Кенжебатыра, Егорку и Таймаза, широко улыбнулся, пошел им навстречу.

— Ну, пора, жигиты! Скачите, выводите войско! — раскрыв огромную пятерню, он обвел рукой холмы, раскинувшиеся у ног батыров. — Священный час настал! Скачите, готовьте сарбазов. Пусть победители битвы на берегах Буланты и Боленты станут впереди! Всех на коней! Слава создателю! Ныне великие бии обратятся к сарбазам и народу!..

Все трое вскочили на коней. Объезжая ханские юрты, они заметили, что за юртами стоят шатры иноземцев — быть может, купцов, а может, послов или просто странников, охочих до разных слухов, донощиков и лазутчиков... Кого только не влечет сейчас в эту степь?! Всем интересно и важно, выстоит ли или погибнет Казахия под копытами джунгар и циней! Говорят, даже франки здесь появились, северные франки**. Каждый втайне надеется поделить шкуру еще не убитого быка, подумалось Кенжебатыру.

* Боевой барабан.

** Именем «франки» среднеазиаты называли всех европейцев; под «северными франками» подразумевались англичане.

На дальних холмах и на больших террасах — повсюду слышны голоса глашатаев. Захлебнулись от радостной дробы даулпазы, затрубили, заурчали карнай и сурнай — точь-в-точь как на площадях Хивы, Самарканда и Бухары. Откуда-то доносится гортанный клич туркмен, призывные крики узбеков и каракалпаков, где-то затянула песню таджикская сотня...

Батыры заторопились. Егорка устремился в длинный зеленый лог, где стояли смешанные сотни русских и казахов и находились трофейные пушки; Таймаз мчался к своим, у него уже было пять сотен башкир и татар, ногайлинцев — и все лихие жигиты, под стать друг другу, озорные, смелые, охочие до степных красавиц, мастера на острое слово, чувствующие себя баловнями среди казахских сарбазов, относившихся к ним с братским великодушием и терпеливо выносивших все их остроты в свой адрес.

Кенжебатыр с ходу, не сбавляя галопа, поднялся на холм и осадил скакуна возле молодых воинов.

— Кончился совет ханов и великих биев. Ждут нас! Торопитесь, братья. Передайте жигитам — мы все должны выглядеть батырами, как подобает победителям. Возьмем ширину войска в пятьдесят всадников, чтобы не растягивать конницу в глубину больше чем на версту...

Таймаз быстро подтянул свои сотни, и конница победителей в едином строю во главе с батырами двинулась к белому шатру, прорезая людское море, неистовыми волнами охватившее все подступы к верхней террасе, к главной ставке.

Охваченный каким-то радостным, волнующим чувством, не ощущая под собой седла, не слыша рокота людской волны, Кенже ехал впереди всех. Он видел лишь белизну шатра да бездонность голубого неба. Он видел себя со стороны. Видел батыром, ведущим огромную армию к священному шатру, чтобы получить благословение народа. За ним следовали Таймаз и десять самых храбрых жигитов, которые после битвы в долине Карасыр стали сотниками и тысячниками.

Расступался народ, пропуская победителей, расступались войска ханов и султанов, завистливо уступая дорогу объединенной коннице батыров.

— Нет, там не видно Богенбая. А где Санырак и Тайлак? А этот, кажется, тот самый удалой Кенже-

батыр из рода болатшы, из племени найманов, что в Великом жузе... Слава аллаху, тысячу благодарностей создателю... Наконец-то, наконец-то мы дожили до великого дня. — Кенже слышал голоса людей, даже воины ханов и султанов с почтением приветствовали их.

— Смотрите! Смотрите! Вон тот самый храбрый сын башкир и татар. Красавец батыр Таймаз! Айналайн, все-таки свой, мусульманин, за нас дрался... — услышал Кенже голос какого-то старика.

— Да что ты?! Заладил — мусульманин, мусульманин... А вон тот — рус? Говорят, тоже дрался не хуже Вогенбая, хотя и не нашей веры, — перебил другой.

— Должно быть, он тоже одной веры с нами. Иначе быть не может... — не сдался старик.

Уж близко, совсем близко от шатра. Вырвавшись из толпы, навстречу Кенже бросились два всадника: пожилой могучий мужчина и красивая строгая красотой женщина в иссиня-белом кимешеке. Они бросили под копыта коней батыров пригоршни золотых и серебряных монет.

— Это все наше богатство! Пусть во имя народа ваш путь будет счастливым! Победы, победы, победы вам, сыны наши!..

Где-то в толпе зазвенела домбра. Высокий чистый голос акына начал торжественную песню. Подхватил другой...

Кенже не слышал ничего, он видел только лица, усталые, но радостные лица братьев и сестер своих. Все, все были его братья, его сестры. Он слышал смех, он видел слезы — слезы радости — на глазах у людей. Он не услышал, как из глубины людского моря неожиданно, как внезапный выдох, вырвался голос женщины: «Кенже!» — и умолк.

То Сания увидела его и не смогла сдержать себя. Она рванулась вперед, но ее конь не смог пробиться к сарбазам, люди оттеснили ее. Она снова, как и в прежние годы, была в одежде жигита. Отца рядом не было. Он заболел с того дня, когда его избил туленгут, и они с трудом, с помощью незнакомых жигитов ушли от надменного богача. На следующий день отец не смог подняться, у него разболелась спина. Доверив отца попечению незнакомому старому табунщику и его старушки, прибывших с берегов Сырдарьи, она сегодня приехала сюда, к верхним террасам, в надежде найти Кен-

же. И вот нашла его, увидела его. Он жив! Он стал ба-тыром! Так смеет ли она теперь искать с ним встречи, когда самая достойная красавица степи, будь то дочь султана или хана, почтет за честь удостоиться ласки Кенже...

Кружилась голова. Горело лицо... Нет, нет. Она не уступит его никому. Никому! Она нашла его. Нашла после стольких лет, после стольких мучений...

Но где же он?! Как он далек и сколько людей вокруг него, сколько жигитов ведет он за собой?!

Кенжебатыр не увидел девушку, но где-то в глубине его сердца жило желание, чтобы именно сейчас, в эти торжественные мгновения, его увидела Сания. Он мечтал об этом.

Но где она теперь? Куда занесла ее нелегкая судьба? Ему так хотелось увидеть ее или хотя бы услышать о ней. Не только оттого лишь, что он любит ее. А потому еще, что она единственная, кто знает до последних дней жизнь его погибшего аула...

Все ближе белый шатер. Больше знати, теснее ряды сарбазов. Вон там, кажется, стоят ханы, каждый в окружении своей свиты — султанов, богачей и сородичей.

Кенжебатыр огляделся. По пятьдесят в ширину, медленно, стремя в стремя, как течение великой свинцовой Сырдарьи, двигалась конница вслед за ним. Берега этой реки были составлены из плотной людской массы — конной и пешей...

Случайно Кенжебатыр задержал взгляд на опаленном ветром лице степняка. Старая худая кляча под ним, худое седло, рваный чапан, а вид как у ободранного, но задиристого петуха, сверкает топор у луки седла. Рядом такой же бедняк. У него секира, у третьего соил из корней яблони. Трое затесались в среду знати. Но вокруг таких много. Тысячи. Они заполнили все террасы, холмы и равнины. Топор, секира, вилы, косы, дубины — чуть ли не у каждого из тысяч и тысяч людей, собравшихся сюда. Он видел этих людей и раньше. Вчера и позавчера. Деревянные пики с железными наконечниками есть у всех, кто не смог раздобыть себе лучшего оружия, хорошего коня, крепкую кольчугу и достойно встать в строй сарбазов. Видно, что все они жаждут боя, рвутся все в битву с джунгарами. «Но что им защищать, что терять?.. — вдруг подумалось Кенже-

батыру. — И зачем здесь столько стариков, зачем женщины и дети? Ведь война не их удел...»

Прямо перед собой он увидел жигита на саврасом коне, в дорогом воинском одеянии.

— Остановитесь здесь! Дальше нельзя... — поднял он руку.

Кенжебатыр натянул поводья. Войско победителей встало лицом к белому шатру. С запада, востока и юга подошла конница ханов трех жузов. И если бы в этот момент можно было, подобно орлам, парящим сейчас в небе, подняться ввысь и бросить оттуда взгляд вниз, то взору предстала бы неповторимая по своей величавости картина.

От белого шатра на все четыре стороны, подобно широким рекам, сверкая в лучах солнца шлемами, тянулись плотные ряды четырех армий. Солнце играло на отточенных остриях пик, окаймленных пучками волос и конского хвоста, сверкание переливалось на начищенных до блеска кольчугах, на лезвиях секир и выпуклостях щитов. Конница, появившись откуда-то из густых зарослей трав, плотным упругим строем подходила к самому шатру. А широкое пространство между отрядами было заполнено народом.

Орлы, взмыв до самых небес, кружили там чуть ли не стаями, не обращая внимания на испугнутых уток и гусей, тучами поднимавшихся с рек, на дроф в степи, на зверей, убежавших прочь от этого людского моря; на куланов и сайгаков, уводивших своих еще не окрепших детей подальше от шума, в безлюдные края.

Наступили торжественные минуты ожидания. Постепенно умолк гул. Слышался лишь перестук копыт да тонкий лязг сабель и мечей. Взоры всех — и воинов, и простого люда — обратились к белому шатру.

Справа от его входа собрались прославленные батыры и предводители ханских конниц. Впереди, в центре спокойно стоит могучий Богенбай. Рядом Тайлак, и Санырак, и Есет-батыр, молодой, но уже известный в народе своими подвигами, он стоит в толпе других — сыновей киргизов и узбеков, каракалпаков, туркмен и таджиков. Даже ойраты здесь, они с берегов Едиля. Никто из батыров не принадлежит к знатному роду, но все они любимцы народа, и потому сейчас они заняли места, достойные их славы. Словно герои легенд и ска-

ваний о великих сражениях, стоят они в ожидании выхода верховных вождей этой необъятной земли. Открытые лица, веселая улыбка у одних, суровый взгляд у других. Но все они под стать друг другу. Стоят, как братья, как дети одного отца, тихо переговариваясь между собой и бросая время от времени взгляды на своих сарбазов, застывших в отдалении.

Слева от шатра — верховные служители аллаха — имамы, ходжи и те, кто наделен высшей властью поведать над сборщиками пожертвований и податей, взимать налоги во имя пророка Мухаммеда и в честь всех священных мусульманских празднеств.

Кто знает, о чем сейчас их мысли? Наделенные неограниченной властью над бедными людьми, над всем, что есть и чего нет у них, эти имамы и ходжи всегда вселяют в душу и сердце бедного степняка смутную тревогу за будущее. Ведь без их молитв нет покоя не только на этом, но и на том свете... Но аллах с ними, с ходжами. Кенжебатыру нет дела до них. Как и его друзья, он весь в ожидании.

Вот наконец раскрылись двери. Один за другим на зеленое поле перед шатром степенно вышли три убеленных сединами старца, три великих бия, чьи имена были известны каждому степняку: три человека, которые, дожив до глубокой старости, не потеряли ясности ума, смелости и трезвости мысли; три человека, о мудрости и справедливости которых уже давно слагались легенды, сказки и песни в степи. Трое, те, кто не подчиняется ни ханам, ни султанам; трое, те, кто еще пятнадцать лет назад, еще при жизни Тауке-хана, были объявлены совестью народа. И перед ними, как перед судом совести, тогда кровно поклялись все ханы и султаны Казахии, поклялись действовать в согласии — покончить братоубийственную междоусобицу и быть едиными перед джунгарами и цинями, никогда не дававшими покоя казахской степи.

Кенжебатыр знал, что они, эти трое старцев, жизнью и делами своими доказали свое бескорыстие и справедливость. Они служили одному богу — Истине. Перед их судом всегда были равны все — богач и бедный, хан и пастух. Неподкупность давала им силу перед владыками степи и власть над умами людей, приносила им любовь народа.

Три старца с посохами стояли во весь рост перед на-

родом. Три хана сели в стороне на походные троны, вынесенные слугами из шатра. Казахских ханов, свергнутых с трона Хивы и Шоша, не видно среди них. Но в этот миг никто не вспомнил об этом. Все взгляды были обращены на старцев.

Тихий говор, как ветерок, прокатился по людскому морю от вершин Безымянной горы до самых равнин: «Вот тот, что с левого края, это сын Алибека Толе-бий, в центре бий Казыбек, сын Келдибека, а справа Айтеке-бий, сын Сейткула...»

Толе-бий вышел вперед. Поднял свой посох, левой ладонью провел по длинной белой бороде.

Притих народ, напрягая слух.

— Это я, Толе-бий, обращаюсь к вам! Вы слышите меня, дети Великого жуза?! — Голос старца прозвучал неожиданно твердо и звонко.

— Слышим!.. — прокатилось волной. — Говори, Толе-бий!

— Здесь, рядом со мной, стоят два седых льва степи, два зорких орла, два мудрых оратора, не знающих себе равных в искусстве слова; два человека, познавших Истину жизни и способных умом и прозорливостью своей всегда защитить справедливость от железной паутины зла!

Вот они, достойные Казыбек-бий и Айтеке-бий, осененные доверием народов Среднего и Младшего жузов! Мы все перед вами. Мы сыны и рабы ваши, и потому сегодня на этой священной горе, которую отныне потомки назовут Ордабасы*, наше слово будет единым! Готовы ли вы выслушать нас?

— Говори! Говори, Толе-бий! — покатило по степи. — Говори, Толе-бий! Мы исполним вашу волю! Мы верим вам! Мы верим вам!

— Дети мои, взгляните в небо... Сколько птиц летает над нами?! Орлы и стаи уток, коршуны и быстрокрылые соколы... Что их привело в эти края? Обилие воды, обилие пищи, щедрость нашей земли, — произнес старец. — Здесь их родина. Здесь их гнезда. Но пройдет лето, наступит зима. Птицы улетят в теплые края и долетят туда, если будут вместе, если будут в стае... Они вернутся назад, в родные гнезда свои, если будут вместе. Без стаи нет птицы, она погибнет в пути, станет до-

* То есть место объединения орд.

бычей любого зверька!.. Не только птица, но и волк сильнее в своей стае! Ручеек бессилён, слаб, но когда из ручьев сливаются реки, то поток разрушает скалы! Народ мой! Как ручьи стекались сюда, на Ордабасы, наши караваны. Зачем они шли сюда?! — Голос старца стал еще тверже и громче. — Ответьте, люди, ваше слово — Единство! Единство! Единство! — покатилося волной над людским морем.

Старец поднял посох. Подождал, пока утихнут голоса.

— Нас сюда привело одно желание: подтвердить свое братство! Сила народа всегда была в согласии и единстве. Но разве мы не клялись в своем единстве двенадцать лет назад на горе Улытау?! Разве мы не скрепляли тогда кровью свою клятву?! Разве тогда не братались наши султаны, ханы и батыры, торе* и кара? ** Так какого же единства вы хотите, люди?! Клятву дважды не повторяют!

...Мертвая тишина охватила Ордабасы с вершин до низовий. Молчал народ, молчали воины. Побледнели лица надменных ханов, переглянулись султаны, потупил свой взгляд Богенбай. Задумчиво глядели великие бии: «Куда клонит Толе?»

— Сегодня не клятва нужна, а битва, если мы хотим остаться народом! Нужен вожак для стонущей стаи, если мы хотим быть едины в бою. Сегодня мы должны избрать сардара и довериться ему, если хотим победы. Готовы ли вы принять такое решение?!

— Готовы! — крикнул Кенжебатыр.

— Готовы! — повторил Таймаз.

— Готовы, готовы, готовы! — батыры киргизов и каракалпаков, узбеков и туркменов — все воины ответили великому бию.

— Я все сказал! Слово за тобой, Қазыбек-бий! — Толе умолк.

Под одобрительный гул народа на шаг вперед вышел прославленный бий Среднего жуза Қазыбек.

— Дети мои, вы слышали древние слова о том, что весь свет наш принадлежит лютomu бурану или сильному врагу! И еще предки говорили, что если пятеро едины, то достанут то, что недоступно десятерым, живу-

* Знать.

** Чернь.

щим врозь. Если нет единства среди шестерых, то и один сильный человек может отнять у них все — и скот и землю. Всегда был прав тот, кто силен. И сегодня, когда мы собрались сюда, на Ордабасы, как перекасти-поле, согнанное страшным ветром со всей степи, когда мы, уповая на аллаха, ищем согласия меж собой и своего спасения в этой согласии, когда мы, потеряв свой скот, свои аулы, свою землю, стали подобны загнанным зверям, — в этот день, здесь, рядом, в нашем Туркестане, в нашем древнем Сайраме, в Шаше и Чимкала господствует враг. Он сидит в наших домах. Его рабынями стали наши жены и дочери. Злорадству джунгар нет предела! Но есть ли предел нашему бесчестию?

— Отомстим! Отомстим! — сверкнули сабли, заколыхались пики.

— Достойны ли мы быть народом? — не по-старчески чистый, звонкий и сильный голос Казыбека звучал над степью.

— Народ славит ханов, когда они справедливы и сильны, и проклиняет их, когда они коварны и трусливы. Народ славит своих батыров, когда они бескорыстны, смелы! Он проклиняет батыров, ведущих своих жигитов на бой меж родными племенами. Никто не вечен в этом мире, и ничто не вечно в этом мире. Слава для одного, бесславие для другого. Для гибели бая или султана достаточно одного джута. От стужи, от свиста метели погибнет его скот, и он нищ, как другие. Для гибели батыра достаточно одной стрелы, как и для смерти джейрана...

Ничто не вечно под небом аллаха. Лишь сохранив свою честь и достоинство, человек может считать себя человеком, а народ остаться народом... — Казыбек сделал паузу. Как и прежде, стояла тишина. Слышался лишь тихий звон щитов, и стук копыт, да храп коней.

— Есть ли у нас сила, чтобы кровью джунгар смыть свой позор и унижение?! Я к вам обращаюсь, сарбазы, казахов! — Казыбек умолк.

— Мы готовы к бою! — взметнулись к небу пики и сабли.

— Несчастлива птица, отставшая от стаи, говорил мудрый Тауке-хан, — продолжал Казыбек. — Несчастен и вечно в тревоге народ, когда он одинок, говорил Тауке-хан, через сто лет повторяя слова беспокойного и

дерзкого, жестокого Тауекеля*, который, как Касым и Хак-Назар, вел переговоры с царем русов о военном союзе. Тауекель обменялся послами с русским царем, а ровно через сто лет Тауке-хан принимал посла русов в Туркестане...

Вы помните об этом.

Вместе с Айтеке и Толе-бием я был тогда рядом с Тауке. Мы говорили о дружбе с русами, посол русов говорил о согласии своего царя быть с нами против джунгар...

Народ должен быть верен своему слову! Три дня назад из этого шатра, — Казыбек кивнул в сторону ханов, — мы вновь отправили своих послов к русам... Нам от предков завещана дружба с русами. У нас ныне один грозный враг — джунгары. И сегодня мы не одни выступаем против них. Сегодня вместе с нами здесь стоят жигиты киргизов и каракалпаков, башкир и узбеков. Стоят наши братья, готовые разделить нашу радость или горе, нашу славу или бесчестье. Но, как сказал Хакназар, когда-то вернувший нам славу сильных, не бывает стаи без вожака, народа без вождя, воинов без предводителя... — Казыбек сделал паузу, поднял голову и, сняв островерхую шапку, обнажив седые волосы, выдохнул: — Готовы ли батыры всех трех жузов, преодолев свою гордыню, стать под начало одного-единственного сардара в битве с джунгарами?!

Наступила тишина.

— А кто он, этот сардар? — донесся одинокий голос откуда-то из глубины конницы ополченцев. Казыбек молчал.

— Благословенный и мудрый Казыбек, я согласен стать под знамя любого сардара, который объединит всех сарбазов, — Богенбай вышел вперед и преклонил колени. Тайлак, Санырак, Есет преклонили колени вместе с ним.

— Мы согласны! — прозвучали голоса всех батыров, тысячников и сотников.

— У нас нет крепостей, все крепости разрушены. В пыль превращены наши глиняные города. Враг топтал их не раз. Но всегда мы вставали из руин, собирались из глубин ущелий и песков, гор и степей и вновь

* Верховный хан казахов. Сел на престол в 1586 году. В 1594 году обменялся посольствами с царем Федором Ивановичем. В 1598 году скончался от ран, полученных при осаде Бухары.

освобождали нашу землю. Нас не раз били, но жестокий враг никогда не мог до конца победить нас. Так же, как мы его. Но если мы не победим джунгар в нынешней битве, то нам никогда больше не быть народом! Джунгары и цини растопчут нас, как это делал Чингисхан! — Старец был беспощаден. Его голос звенел над притихшим людом. Он говорил правду.

— Нам нужен сардар, чтобы войско было единым и сильным! Я все сказал. Теперь слово за тобой, Айтеке. Объяви нашу волю народу. — Казыбек устало отошел в сторону.

Айтеке-бий провел ладонью по бороде, выпрямился, будто сбрасывая с плеч груз годов, шагнул вперед и без всяких вступлений объявил:

— Волею старейшин и вождей племен казахских и с согласия старейшины ханов — хана Великого жуза Болата главой над сарбазами в великой битве с джунгарами станет самый молодой из ханов храбрый Абулхаир!

— Аминь!

— Пусть великий имам степи благословит его!..

...Абулхаир встал с места, направился к имаму и стал на колени перед ним.

В мертвой тишине, нависшей над холмами и степью, отчетливо слышались слова хутбы*. Кенжебатыр не отрывал взгляда от Абулхаира. Действительно, хан молод, лет сорок ему. Подтянут. Жемчугами переливается рукоять сабли. Остроконечная шапка на голове, с лихо изогнутыми краями. В центре ее, над лбом, сверкает драгоценный камень с золотыми нитками. Сверкает кольчуга, грудь укрыта блистающей стальной пластиной. Острый взгляд, скуластое лицо.

...Соединив раскрытые ладони, все три великих бия вместе с имамом провели по лицу:

— Амины!

Благословение кончено.

— Удачи тебе, победы тебе, сардар Абулхаир! — несется со всех сторон.

Четверо здоровенных жигитов несут белую кошму. Абулхаир садится на нее. Натянув кошму с четырех сторон, жигиты поднимают ее вверх так, чтобы весь на-

* Молитва благословения с упоминанием имени человека, которого благословляют.

род увидел нового полководца. Каждое племя произносит свой боевой клич.

Два воина выводят белого скакуна, до сих пор томившегося за шатром. Имам благословляет жертву.

В стороне от шатра на чистое зеленое поле падает охаун. По белой шерсти разливается алая кровь...

Священная жертва во имя победы принесена.

Бушует, грохочет, переливается людское море. Под удары даулпазов батыры уводят свои войска в укрытия, чтобы приготовиться к смотру главного сардара.

* * *

Такого изобилия Кенже не видел за всю свою жизнь. И откуда что взялось? Ведь был джун, не первый год идет война. Видать, народ сегодня в честь избрания главного сардара решил выложить все до последней горсти муки, зарезать последнего барашка, надеть на себя свою самую дорогую одежду, которая до сих пор хранилась в сундуках или походных мешках. Но как бы там ни было, сегодня царит изобилие. В торсуках полно кумыса, в котлах мяса, в казанах, а то и прямо на углях, пекут лепешки, возле юрт людей побогаче прямо на осиновых вертелах жарят целые бараньи туши. Жигиты то и дело подвозят дрова к котлам, где варится молодая конина, в огромных деревянных чашах разводят прошлогодний курт. Откуда-то веют и разливают всем желающим вкусный кымран и крепкий шубат. А кумыс, кумыс какой! Хорошо изготовленный, густой, золотистый и крепкий! Пьянит от одного его запаха. Все как в степных песнях о батырах, которые перед боем ели свежее, мягкое мясо жеребят и пили отменный кумыс, чтобы не уставать в бою, чтобы быть жизнерадостными и бодрыми.

Какое-то беззаботное, веселое чувство охватило сарбазов. Исчезли тревоги, улетучился страх. Будто готовились не к смертельной схватке с заклятым врагом, а к великому тою.

На волнистых террасах Ордабасы, на холмах, в долинах реки Бадам и ее притоков, на равнинах — всюду, куда ни глянь, — юрты, шалаши, а то и просто кошмы, расстеленные под открытым небом. Везде люди — бедные и богатые, воины и нищие, дервиши и просто бродяги, дети и старики. У самодельных кузниц, засучив рукава, опаленные зноем бывалые кузнецы и безу-

сые юнцы куют наконечники для стрел и пик, готовят свинцовые пули для корала, чинят седла, куют айбалта, сабли и семсеры. А совсем рядом, собравшись в круг, молодые воины и старые табунщики слушают песни жирши и сказания жырау о боевых походах предков на джунгар и циней. Женщины готовят запасы еды, стирают одежду. Только в чистой белой рубахе подобает мусульманину принимать смерть на поле боя с неверными.

Уже покидали склоны Ордабасы отряды, которым поручено охранять подступы от внезапных набегов врага. Далеко в степь к Туркестану ускакали сотни жигитов. Они будут следить за передвижением джунгарских войск и обо всем сообщать в ханскую ставку через гонцов. Прошли слухи — Галдан Церен снова направил в Туркестан тумены наемных циней и чургутов... Но никого не встревожили эти слухи, как это бывало прежде. На Ордабасы все шло своим чередом. Сарбазы готовили коней в поход, купали их, расчесывали гривы и хвосты, осматривали копыта (как бы не захромал в бою), чистили сбрую, доводили до блеска щиты и шлемы, чинили кольчуги. Не было прежней настороженности и тревоги у людей: всюду слышались смех и шутки. Замкнутость, степенность степняков словно рукой сняло. Будто все они из одной давно воюющей сотни, будто все они жигиты одного аула.

— Посмотрим, какой он батыр и сардар, этот ваш Абулхаир... — весело говорит пожилой башкир сарбазу конницы султана Абульмамбета. — Войско в бой вести — это ведь не то что на троне сидеть.

— Да пусть уж, у нас так заведено. Хан должен быть главой над всеми. Выше Абулхаира почитается Болатхан. Он из Великого жуза и остался старшим. Так решили великие бии. Им виднее, они мудрее нас, лучше смыслят в жизни. А что до Абулхаира, то главное, чтобы он не отвергал советов Богенбая и Кабанбая, Санырака и Тайлака — каждый из них не уступит сардару. Видать, у вас, башкир и татар, таких батыров не сыскать... Только на словах вы храбрецы. Не столько о битве, сколько о наших красавицах думаете. Угадал? Останетесь все вы у нас, зятьями станете. Считаю, оно так и будет. И прежде так бывало. Никуда от вас, назойливых сватов, не денешься. Да ведь и наши жигиты ваших красоток не упускают, — разговорился сарбаз.

— Это ты зря насчет наших батыров... — ворчит башкир. — Еще неизвестно, есть ли кто храбрее нашего Таймаза.

— Слышишь, Таймазка, о тебе брешут... — Егор своей качмой ткнул в бок Таймаза.

Втроем с Кенжебатыром они проезжали мимо беседовавших. По приказу Богенбая их конница была отведена на прежние места. Расставили дозорных, а сарбазам дали отдых до завтрашнего дня. Молодые жигиты разъехались кто куда, пожилые коротали время за кумысом и беседой. А трое друзей решили тоже проехать по огромному людскому лагерю, послушать, что говорят, побывать в шатре старших батыров, потолковать с ними о завтрашнем дне. Они не стали вмешиваться в беседу казахских и башкирских жигитов, проехали мимо. До них ясно донесся голос казаха-сарбаза.

— Воюют не ханы и батыры. Воюет народ! Он и решит исход битвы, а не Абулхаир...

Друзья переглянулись.

— Что правда, то правда, брат. Тут уж ничего не прибавишь. Даже великие бии спорить не станут, — вздохнул Таймаз. — Ну вы как хотите, а я к своим башкирам. Песни наши хочу послушать. Ох и хороши наши песни! Особенно вечерами. А со старшими батырами лучше вести разговор завтра. Сейчас они, видать, на ханской трапезе. Вон сколько там народу, — Таймаз кивнул в сторону белого шатра, маячившего на самой вершине.

— Я еще немного поброжу, может, кого из родных мест встречу... — ответил Кенжебатыр.

Наступил вечер. Солнце, окатив кровавой краской горизонт, уходило на покой. В вечернем воздухе стоял густой запах дыма, окутавшего долину. Прохладой и запахом трав повеяло со стороны реки. В наплывающем вечернем сумраке ярче стали огни костров. Их было много, этих огней. Сотни, тысячи. От самой вершины Ордабасы они рассыпчато тянулись в степь. Кенжебатыр медленно ехал меж юрт и костров. День был необычайным, напряженным, очень длинным. Он сегодня увидел всех — и ханов, и баев, и султанов, и всех батыров степи. Увидел столько лиц! Такое, наверное, бывает раз в жизни — стать свидетелем того, что вся Казахия собралась на одной горе. Люди относились с почтением к нему — сыну бедного Маная, последнему.

оставшемуся в живых жигиту из небольшого аула, что когда-то ютился в горах, а потом был развеян в степи, как пыль, исчез навсегда. Погиб аул. Он, Кенжебатыр, один остался. И еще, быть может, где-то бродит Сания. Может, она ищет его. А может, и нет. Возможно, нашелся человек, который обласкал, пригрел, защитил в эти тяжкие годы.

Нет, не было ни зависти, ни ревности в сердце Кенже. Было тоскливо и грустно...

Люди расступились, увидев одинокого, задумчивого воина, бесцельно разъезжавшего по склону, приглашали в юрту, к костру, к дастархану. Но он ехал дальше. Ему хотелось найти Санию или кого-нибудь из своих соплеменников, сородичей...

Но где найдешь их в этот вечер, среди этого скопища людей, где каждый занят своим делом?

Его потянуло туда, откуда слышались песни, смех, — к качелям, где собралась молодежь. Направил было коня в их сторону, но, не доехав, свернул. Передумал.

На северном склоне Ордабасы он нашел небольшую, свободную от людей полянку, слез с седла, пустил коня пощипать траву и уселся на мягкую прохладную зелень. Сверху он задумчиво смотрел на костры. Потом оглянулся туда, где маячили белый шатер и шестнадцатистворчатые ханские юрты. Там было по-прежнемулюдно. В руках конных и пеших стражников появились факелы. Факелы плавали и внизу, в долинах, где стояла конница. Должно быть, проезжали дозорные.

Недалеко от Кенже проехало сотни три всадников с корала и длинноствольными ружьями. Они скрылись за ближней террасой. Словно из-под земли появилась исхудавшая гончая, боязливо виляя хвостом, стала поодаль от Кенже и, убедившись, что ее не гонят, улеглась на траву. Видать, потеряла своего хозяина днем, в людской толпе, а может, просто бродячий пес, подумал Кенже. Пес такой же породы был и у Кенже, когда он жил в своем родном ауле. Пса разорвали волки во время джута. Кенжебатыр вновь вспомнил свой аул, точнее, он вспомнил последние дни, проведенные рядом с отцом, когда они бежали от джунгар и скитались по степям и пескам за Аккуйгашем. Вспомнил, как с печалью провожал его отец, когда он вместе с Сеитом собрался к Малайсары. Грустным был тогда его взгляд.

Он, кажется, чувствовал, что прощается со своим сыном навсегда.

А Кенже? Кенже тогда еще не знал как следует, что такое война... Ему до боли в сердце стало тоскливо оттого, что он тогда в тот знойный день, в песках где-то вблизи Аккуйгаша, в последний раз не прижался к груди отца, не ощутил прикосновения его бороды, не успокоил его.

Вспомнился последний взгляд Сании. Она молча проводила его. Не сказала ни слова. Но Кенже почему-то до сих пор кажется, что она тогда поклялась ему в любви, сказала, что будет ждать его...

А бедный Сеит?.. Он был другом отца всю жизнь и как родной отец оберегал Кенже во время первой битвы... После гибели Сеита самым близким и родным для Кенжебатыра стал Малайсары. Но сейчас нет и его. Похоронен где-то в степях Сарыарки... Да, война, война. В войну быстро сходятся люди. У Кенже много друзей, но нет среди них второго Сеита, второго Малайсары. Он уважаем сарбазами, он батыр, но он одинок, как птица, отставшая от своей родной стаи... Кенже печально улыбнулся своим мыслям, вспомнив, что невольно повторил слова великого бия, сказанные днем у белого шатра.

Да, многое увидел он в этот день. Устал. Устал от напряжения, от впечатлений, от необычности виденного. Надо бы радоваться — наконец-то казахи приобрели единство, силу. Но что поделаешь, когда так грустно на душе... Человек остается человеком. Один всем доволен, другого вечно гнетет неудовлетворенность.

Кенже встал, потянулся. Пес вскочил с места и пугливо залаял. Отбежал в сторону и вдруг завыл — протяжно, тоскливо. Кенже бросился отгонять его прочь.

Вечерний сумрак лег на степь. Четко мерцали огни костров. Людской гул понемногу утихал. После столь суматошного дня люди собирались ко сну. Глядя сверху на бесчисленные догорающие костры, Кенже вдруг подумал: а что, если джунгары нагрянут ночью и захватят врасплох эту громаду людей... Стало тревожно. «Нет, нет! Не осмелятся», — прогнал он беспокоившую его мысль. Немало жигитов стерегут в степи сон лагеря.

Подошел к коню и, ласково потрепав его по шее, вскочил в седло. Направился к своим сарбазам. Ночная

прохлада немного взбодрила батыра. Не доезжая до лага, где была укрыта головная сотня объединенной конницы батыров и где стояла его походная юрта, Кенже встретил всадника. Подумав, что это жигит из ночного караула, он окликнул его. Тот остановил коня и молча уставился на него. Когда батыр подъехал ближе, всадник слетел с седла и с тихим криком «Кенже мой!..» бросился к нему, схватился за стремя и прильнул к его ногам. Кенжебатыр, не помня себя, прыгнул на землю, взгляделся в лицо. Это была она! Это была Сания! Бледная, похудевшая. Она смотрела на него, чуть приоткрыв губы, потрясенная неожиданностью встречи, и плакала.

Он обнял девушку. Шлем упал с ее головы, рассыпались по спине черные волосы. Она, рыдая, уткнулась лицом в его грудь.

...Всю ночь они пробыли вместе. И не было конца их рассказам, воспоминаниям, порой смешным, веселым, но чаще печальным. Они то появлялись среди сарбазов, коротавших ночь у костра, то вновь исчезали далеко в прибрежных зарослях. Смущенной улыбкой отвечал Кенже утром на подтрунивания Таймаза.

— Гроза джунгар забыл о своих сарбазах и попал в плен к неизвестной красавице в одежде джигита. Кому же ты поручишь свою тысячу?

— Пусть сарбазы отдыхают, пока Абулхаир думает, как нами командовать, — ответил Кенжебатыр.

Вместе с Санией он навестил больного Оракбая. Бедный табунщик, забыв о своем недуге, встал с постели, прослезился от радости и все повторял:

— Вот, аллах, если бы был жив славный Манай, как он бы порадовался! Каким мужчиной ты стал, сынок! Настоящий батыр! Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить. Ах, аллах, какое счастье ты мне дал... Теперь я спокоен. Теперь я готов умереть хоть сейчас. Не думайте обо мне. Счастья вам, долгой жизни, дети мои...

Старик и старуха, приютившие Оракбая, в честь гостя-батыра закололи свою последнюю овцу, созвали соседей. Наступил полдень, Кенже заторопился к своим сарбазам. Сания поехала с ним.

— Я сам найду вас, как только встану. Видит аллах, я счастлив. Долгой вам жизни. Обо мне не беспокойтесь. Как прогоните джунгар, возвращайтесь в родные края...

— Что вы, отец! Мы не оставим вас, — сказал Кенже. — Сания проводит меня и вернется. Как только войдем в Туркестан, я заберу вас к себе, а там решим, как быть.

— Я что, я так. Я спокоен, я хоть сегодня готов предстать пред очи аллаха. А вы ступайте, ступайте. Как решите, так и будет, — сбивчиво, пересиливая боль и стараясь быть веселым, говорил Оракбай.

Когда они наконец вернулись к сарбазам, старейшины аулов уже совершали послеобеденный намаз. Вместе с Таймазом и Егоркой их встретили Лаубай и Томан. Они находились в коннице Тайлака, и в последние дни Кенже редко видался с ними. А сейчас явились сюда, услышав весть, что Кенжебатыр нашел свою невесту.

Сания, увидав Томана, кажется, растерялась на миг, но тут же взяла себя в руки. Их взгляды встретились.

— Здравствуйте, сестрица. Я рад вас видеть снова, разделяю радость нашей встречи... — дружелюбно, по-братски проговорил Томан, разряжая обстановку и протягивая руку для приветствия. Она с благодарностью посмотрела на него.

— Санырак давно здесь. Войско готовится к смотру. Батыр ждет вас в своей юрте. Тайлак вместе с ним, — сообщил молодой сарбаз, осадив своего коня возле Кенжебатыра.

— Эй, жигиты! Разве нет у казахов музыки! Быстрее зовите певцов! Пусть жигиты расступятся, дадут дорогу к главной юрте батыра. Встречайте молодоженов! — весело крикнул Таймаз. — Песню, песню в их честь!

...Два жигита-воина, два молодых акына, пристроив своих коней возле Сании и Кенжебатыра, ударили по струнам домбры, зазвучала песня. В сопровождении друзей-батыров Кенже и Сания направились к главной юрте.

Зазвучали слова «той бастар»*, расступилось войско. Длинным плотным строем стали сарбазы с двух сторон. И под их радостные возгласы, под звуки песни они медленно приближались к юрте...

Сверкают шлемы, лес пик над головой, радостные, веселые лица. Навстречу выходят батыры Тайлак и Санырак.

* Песня, предвещающая начало свадьбы.

— Пусть победой украсится ваша свадьба, — говорит Тайлак.

— Пусть жизнь ваша будет долгой, пусть седина вас вместе окрасит, — сказал Санырак. — После победы по-настоящему отпразднуем вашу свадьбу, где-нибудь в садах Туркестана.

— Эй, жигиты! Несите чаши с кумысом. Пусть молодые выпьют, сидя на коне! Ведите коней!

Их заставили слезть со своих коней. Подвели в подарок двух черногривых скакунов. Два сверкающих новых шлема с султанами из павлиньих перьев и саблю, выкованную каратаускими мастерами и инкрустированную благородными камнями, преподнесли батыры молодоженам.

— Подруга твоя под стать тебе, она не уступит в бою жигитам. Будьте счастливы, — благословил их один из старейших сарбазов.

Под радостные крики жигитов Кенжебатыр и Сания вскочили на только что подаренных им скакунов. Загарцевали кони, еще не совсем привыкшие ходить под седлом...

Снова расступилось войско, освобождая молодоженам место для почетного круга. Но тут раздалась команда Санырака:

— Жигиты, займите свои места!

К ним мчались ханские глашатаи, а вслед за ними с ближней террасы в сопровождении Богенбая и целой свиты султанов на рослом вороном иноходце спускался сам Абулхаир. Старшего среди ханов Болатхана и хана Среднего жуза Самеке с ним не было. Значит, с их согласия Абулхаир уже выполняет роль верховного сардара.

Иноходец приближался быстро. Войско притихло в ожидании. Застыли знаменосцы.

Вслед за ханской свитой показалась другая. Женская. В окружении девушек и жен султанов на белом рысак ехала молодая ханша.

— У-у-у... Хан едет с гаремом, — протянул кто-то из сарбазов. — Значит, пойдут дела. Сама мудрая красавица Бопай к нам пожаловала.

Раздался смех.

— Жигиты! — грозно крикнул Санырак. Замер строй. Подтянулись батыры. Вперед, навстречу хану выехал Санырак.

— Чья конница? — властно спросил Абулхаир, еле заметно кивнув в ответ на приветствие Санырака.

— Меня зовут Саныракбатыр, — твердо прозвучал ответ. — Здесь тумены сарбазов, победивших джунгар в битве у рек Боленты и Буланты близ озера Субар в долине Карасыир!

Суровым, испытующим был взгляд Абулхаира. Санырак смотрел вперед. Еле заметная усмешка скользнула по лицу хана.

— Рано носить звание победителей, — спокойно сказал он. — Это только начало битвы.

— Оно было долгожданным, это трудное, но достойное начало. Победоносное начало решает исход дела, — ответил Санырак.

Абулхаир ощутил упрямство в словах батыра. Вгляделся в лица других, обвел взглядом войско.

— Началом будет сегодняшней восход луны, сегодня новолуние! — сказал хан и повернулся к Богенбаю. — Пусть будут готовы все войска!

— Иншалла. Мы выступим вовремя, — ответил Богенбай и выехал вперед. — Здесь только часть туменов, мой повелитель, — четко выговаривая каждое слово, сказал он. — Остальные в соседних долинах и логах. Всего более десяти тысяч сабель. Жигиты Великого и Среднего жузов. Есть башкиры, татары, калмыки и русы. Вот он стоит, батыр Тайлак, рядом с ним храбрый вожак башкир Таймаз.

Хан молча всмотрелся в Таймаза.

— Хорошо, если батыр башкиров идет вместе с нами. Значит, он нам в спину свои стрелы не пошлет. Не пристало нам обижать братьев-башкир, а им начинать ссору, как прежде *...

— Ссорятся даже в одной семье. Разве мало коней уводили друг у друга жигиты Великого, Среднего и Младшего жузов? Что же до башкир, то они нынче решили не ссориться с братьями-казахами. Сейчас не время для ссор. Сейчас время вместе джунгар бить. А там видно будет. Может, снова спор начнем. Ведь мы братья родные. А между братьями бывают ссоры, особенно когда они за престол дерутся. Не правда ли, мой повелитель? — дерзко ответил Таймаз.

* Намек на казахско-башкирские столкновения в 1715 году из-за приволжских пастбищ.

Все притихли. Абулхаир будто не слышал его слов. Ничего не изменилось в его лице. Указав на Кенжебатыра, он спросил:

— Я что-то не знаю такого удальца... — В его голосе послышалась ирония.

Кенжебатыр понял намек. По традиции никто, кроме ханской знати, не смел носить на шлеме султан из павлиньих перьев. Шлемы батыров и воинов украшали перья золотистого фазана или совы или пучок волос из конской холки.

Любой из батыров готов был ответить хану дерзостью, но всех опередил Богенбай.

— Кенжебатыром зовут его. Он храбро сражался в первой битве Малайсары с джунгарами. Он прославился своей храбростью и смекалкой в битве на Буланты и Воленты...

— А сегодня у него свадьба. Сегодня той у нас, мой повелитель, — закончил слова Богенбая Тайлак.

— Будьте гостем, окажите честь, мой повелитель! — Санырак слегка наклонил голову.

— Благословляю тебя, молодой батыр. — Голос хана стал мягче.

— Прими наши благословения, — добавил султан — правитель Среднего жуза Абульмамбет, стоявший рядом с ханом.

Абулхаир круто повернул своего иноходца, начал смотреть войск. Проезжая перед строем в сопровождении Богенбая, он внимательно всматривался в лица сарбазов.

— Много ли мултуков?

— Двести, — ответил Богенбай.

— Есть ли пушкари?

— Пушки в распоряжении Тайлака. У него хорошие пушкари из казахских сарбазов, русов и башкир.

— Что за кони?! Не кони, а клячи! Заменить! Взять из табунов Абульмамбета, — сказал хан, указывая на понурых лошадей бедно одетых жигитов. — Я думаю, султан уступит вам пару сотен скакунов из своего табуна. — Хан с улыбкой посмотрел в сторону Абульмамбета.

— О чем речь, Абеке. Лучшие косяки моих коней уже к вечеру будут здесь... — ответил улыбкой на улыбку султан-правитель.

Абулхаир освободил поводья иноходца и быстро

поднялся на ближнюю бровку. Свита стала позади, а рядом с ханом Богенбай и Абульмамбет.

— Сарбазы! Народ благословил нас в поход. Он ждет победы. Сегодня все воины трех казахских жузов собрались здесь. Мы выступим в назначенный час. Пожьемся же победить джунгар!

— Кжьемся! — ответил тысячеустый хор сарбазов.

...Абулхаир продолжал смотреть войск. Батыры зашли к своим сотням. Кенже с Саней остались в одиночестве. Ханша Бопай со своей свитой подъехала к ним, приказала одной из своих подруг снять камзол со своего плеча и подарила его Саней.

— Это тебе наш свадебный подарок, сестрица. А теперь будь вместе с нами. Не мешай своему жигиту. Все равно мы не отстанем от мужчин. Мы найдем их даже во время битвы... — Ханша не приказывала, она просила Санию занять место в ее свите. Сания посмотрела на Кенже. Кенже молча кивнул головой в знак согласия.

— Видишь, все мужчины таковы. Для них свобода всегда желанна, даже в первый день свадьбы, — улыбнулась Бопай. — Вы свободны, свободны, батыр. Вас ждут сарбазы. Не пристало батыру слушать нашу женскую болтовню. — Улыбка молодой ханши была прелестна, голос ласков и повелителен. Она держалась свободно и сидела на своем рысакe легко, непринужденно. Не только она сама, но вся ее свита была одета в тонкие кольчуги и красивые шлемы. Легкие, но прочные щиты с чеканкой были похожи на игрушечные.

«Недаром о ней идет молва как об умной и властной ханше, советнице Абулхайра», — подумал Кенже-батыр, направляя своего только что полученного в подарок скакуна к сарбазам.

* * *

Поздним вечером, когда утих огромный стан, в белый шатер на Ордабасы были позваны все тысячники и пансады*. Связные Абулхайра прямо с постели поднимали многих батыров и привели в шатер. Кенже был поблизости. Он встретился с Саней, которая не знала, как теперь ей вырваться из свиты ханши. Не успели они

* Командиры полутысяч.

договориться о следующей встрече, как молодой воин из стражи Абулхаира заторопил его к шатру.

На почетном месте сидели владыки всех трех жузов Казахии — ханы Болат, Самеке и Абулхаир. Абулхаир восседал в центре. Среди батыров Кенже впервые увидел Кабанбая, прославившегося в степи не менее, чем Богенбай, своей храбростью и бесстрашием во многих схватках с джунгарами. Кабанбай сидел рядом с Кенже у выхода из шатра. Тут же находились Санырак и Таймаз. Так по традиции полагалось занимать место на приеме у ханов батырам — выходцам из низших сословий. Остальные сели в соответствии со знатностью своего рода.

Богенбай был выходцем из не так уж богатого, но все же знатного рода канжыгалы, что принадлежит к племени аргынов. Абулхаир пригласил его сесть рядом.

— Это верно, что так поступил Абулхаир. Богенбай достоин этой чести, — спокойно проговорил Кабанбай. По тому, как он произнес эти слова, Кенже понял: Кабанбай любит и уважает Богенбая. Кенже и раньше слышал, что эти два батыра — сверстники и друзья. Любят подшучивать друг над другом. Кенже пригляделся к Кабанбаю и слегка улыбнулся. Родители словно в насмешку дали ему имя Кабанбай. Он был долговяз, худощав и, кажется, быстр, стремителен в движениях. Худ-то худ, но плечи широки, плотные мышцы выпирают из коротких рукавов кольчуги. Одет просто, как рядовой сарбаз. Голова обтянута белым платком, поверх которого он обычно надевает шлем. На боку кинжал и сабля без всяких украшений. Кенже показалось, что он как-то странно, не то с превосходством, не то с иронией смотрит на разодетых ханов, на соболя и лисьи шкуры, висящие на стене, на медвежьи и волчьи, лежащие под ногами. Да и вообще у него, кажется, нервный, напряженный взгляд, подумал Кенже. Он с любопытством разглядывал Болатхана. Как-никак, а владыка Великого жуза, свой хан. Спокойно восседает на троне. Словно не он бежал от джунгар, оставив все свои владения в руках врага. Лицо болезненное, безразличное. Самеке более подтянут, поглаживает редкие усы и, прищурив глаза, осматривает батыров. Собственно, его зовут не Самеке, а Шахмухамед. «Самеке» — это прозвище, данное ему народом. Он тоже, как и Болатхан, один из потомков Тауке-хана и родной дядя

султана Абульмамбета, претендующего на его трон. А сам Самеке хотел бы быть на месте Болатхана...

...На плечи всех трех ханов небрежно наброшены легкие парчовые и шелковые халаты с короткими круглыми горностаевыми воротниками и манжетами. На остроконечных, добротнo сшитых золотыми нитками шапках с лихо завернутыми краями сверкает по большому бриллианту. На ногах мягкие красные сапожки. Походные троны обиты кожей. Оруженосцы и телохранители стоят сзади, не смея шелохнуться.

— Все в сборе, — объявил Богенбай, нарушив тишину.

— Начинай, Абеке, время позднее, — нехотя произнес Болатхан.

Чуть скривив губы, Абулхаир сделал еле заметный кивок головой и посмотрел в сторону Самеке.

— Сегодня слово за тобой, — как-то отчужденно, с притворной улыбкой сказал Самеке.

От тысячников и пансадов, от всех, кто собрался в шатре, ничто не ускользало. Каждый напряженно следил за поведением трех владык. Шутка ли — все трое собрались в одном шатре и сидят смирно, на время забыв свою спесь, как будто никогда не было между ними яростных споров и взаимных злобных угроз.

Да, страх перед джунгарами и цинями примирил их. Но надолго ли? Не готовят ли они друг другу ловушки, не точат ли свои ножи за спиной друг друга даже в эти дни, когда воля народа, требование батыров и мудрость великих биев заставили их вместе восседать в этом шатре и обмениваться любезностями?

— Я буду краток, — сказал Абулхаир, будто по глазам прочитав мысли собравшихся и стремясь скорее распустить людей и разрядить обстановку. — Наши провидцы из стана джунгар сообщают: на помощь объединенной армии джунгар прибыла конница циней и чургутов. Теперь их более сорока тысяч собралось у Туркестана и у Чимкала. Конница джунгар, захватившая Шаш, покинула город и, обойдя наш стан стороной, приближается к своим основным силам. Их основные отряды приступили к сооружению укреплений близ Чимкала.

Сарбазы Великого жуза вместе с объединенной конницей батыров, принявших бой на Буланты и Боленты, пойдут в наступление с Келес-Бадамского хребта.

Одним словом, отсюда они двинутся прямо к стану джунгар. Такова воля нашего почтеннейшего брата Болатхана! Поведет сарбазов батыр Богенбай.

Сарбазы Среднего жуза, совершив круг, сделают заход к стану джунгар с северной стороны. Такова воля нашего почтеннейшего брата Самеке! Во главе войска встанет султан Абульмамбет. Сарбазы Младшего жуза, которых поведу я сам, будут наступать с западных склонов Каратау!

Выступать в поход сегодня же, как только взойдет звезда Шолпан, еще до предутреннего намаза. С мест сниматься тихо, бесшумно. Не беспокоить народ. Мой приказ держать в тайне.

О нашем местопребывании узнаете через гонцов. Пушки и обоз пойдут под охраной сарбазов Великого жуза. Им выступать немедленно, как только уснет народ.

Всем тысячникам и пансадам, всем батырам повелеваю: не мешкать в пути, двигаться быстро, не жалеть коней, брать запасных из любого табуна, кому бы он ни принадлежал! Проверить запасы стрел и пороха. Пополнить из обоза, но не отяжелять себя! — Абулхаир помедлил немного, вертя в руках короткую камчу с золотой рукояткой, затем добавил: — Двигаться лавинами, по тысяче или две, на расстоянии нескольких верст друг от друга. Всем быть в назначенных местах и принять боевой строй не позднее послезавтрашней ночи, — Абулхаир умолк и поочередно посмотрел в сторону Болатхана и Самеке.

Болатхан сидел с заплывшим лицом, полузакрыв глаза. Он дремал. Ощувив на себе взгляд Абулхаира, он удивленно раскрыл глаза и на всякий случай произнес:

— Дурьы! *

— Срок достаточный, успеют, — ответил Самеке, поглаживая редкие усы указательным пальцем, на котором, отражая пламя светильников, сверкал перстень.

— Я все сказал! — закончил Абулхаир.

— А где будет это «назначенное место», мой господин? — вдруг раздался голос Кабанбая. Богенбай укоризненно взглянул на друга.

* Верно!

— Об этом предводители сарбазов узнают в пути, завтра! — холодно ответил Абулхаир.

— Дурыс, — умышленно подделываясь под тон Болатхана, ответил Кабанбай. Но Болатхан не расслышал его, он вновь дремал...

* * *

Когда сарбазы бесшумно покидали уже обжитые за эти дни места, Сании все же удалось через одного из туленгутов ханши сообщить Кенже о том, что они тоже поедут вслед за ставкой Абулхаира к месту будущей битвы.

Сарбазы собрались быстро. Они уже давно были готовы к походу и теперь радовались — наконец-то кончились мучительные дни ожидания. А к тому же уже обеднели пастбища и луга вокруг, они выедены и вытоптаны табунами боевых коней и табунами богачей, которые пригнали их сюда в страхе, что джунгары похитят их. Теперь богачи проклинали себя и молча скрежещут зубами, видя, как воины бесцеремонно, без спроса ловят их лучших скакунов и седлают их.

«Мы идем защищать ваши богатства, так пусть ваш конь погуляет под нашим седлом», — говорят эти наглецы. Что делать? Осмелела чернь в войну.

Жигиты привели крепкого запасного коня и Кенже-батыру: когда головная сотня была уже верст за двадцать от Ордабасы, по дороге попались табуны богачей Среднего жуза.

Сарбазы объединенной конницы не очень торопились. Они шли напрямик, их дорога была намного короче, чем у других. Вперед и на фланги были посланы отряды охраны, которым надлежало сообщать обо всем увиденном, проверять всех встречных и немедленно вступать в бой, если будут замечены разъезды джунгар.

Но все было спокойно в степи. На следующую ночь устроили привал на склонах двух холмов близ степной реки. Костров не зажигали, довольствуясь холодным вареным мясом, лепешками и водой из родника да кумысом. По приказу Богенбая отдыхали всю ночь и почти полдня и лишь потом стремительно пошли вперед.

Мчались без отдыха, меняя коней на ходу, и к полуночи, одолев более ста верст, вышли в широкую долину, окаймленную холмами. А к исходу следующего дня, пройдя еще верст тридцать, вплотную подойдя к стану джунгар, где размещалось огромное войско, прямо на глазах у противников, демонстративно начали занимать боевые позиции.

Подоспел и обоз. Егорка и Таймаз начали искать место для пушек. Выбрав удобные позиции и разместив свои сотни, Лаубай и Томан нашли Кенжебатыра.

— Ну, как дела, брат? Еще не тоскуешь о молодой жене? Не успел жениться — и в поход. Каково-то ей там, — подшучивал Лаубай.

— А она боевая, не растеряется! Смотри, брат. Погнавшись за джунгарами, не потеряй жену, — добавил Томан. Но сам же начал успокаивать: — Она у тебя молодец. Под стать любому батыру. Я знаю ее. Говорил же тебе, что видел ее в вашем ауле. Открытая, честная и смелая. Сколько перевидела и пережила! Всюду искала тебя. Береги ее.

— Она скоро будет здесь! — не без гордости ответил Кенже.

* * *

Высокие заросли карагачника, ревения, камыша, непроходимые рощи облепихи, шиповника и саксаула укрывали здешние долины и высохшие русла рек. Земля была глинистой, местами песчаной, и всюду в тени зарослей можно найти узкие старые дороги, извивающиеся словно звериные тропы. Ощущалась близость мутной Сырдарьи.

В нескольких верстах вправо от холма, где устроил свою ставку Богенбай, лежали руины древнего Отрара. Там, в доме батыра Бердибека, в феврале 1405 года провел свои последние дни железный хромец Тамерлан. В те далекие времена в этих местах стояла одна из лучших армий Тамерлана. Отсюда, напрямик, рассекая эти извилистые дороги. Тамерлан часто ездил в Туркестан, чтобы поклониться могиле поэта Ахмеда Яссави, могиле, над которой по его приказу воины и рабы, лучшие зодчие Востока, плененные им в битвах, воздвигли мавзолей.

Жестокий и коварный Тамерлан почитал Ахмеда

Яссави как бога. Перед каждым походом он приезжал поклониться могиле святого поэта — предводителя ордена схоластов-суфитов, жившего более чем за двести лет до самого Сумерлана. Все степные завоеватели почитали Туркестан и стремились подчеркнуть свою преданность вере перед могилой поэта, ибо могила эта глубоко уважалась степным непокорным народом.

Но сегодня, в последний день маусыма * 1126 года хиджиры **, Туркестан находился в руках джунгар и циней — в руках идолопоклонников.

Всего лишь в трех верстах от холма, где стояли батыры во главе с Богенбаем, виднелась армия джунгар.

То оседающее, то медленно поднимающееся вверх облако пыли выдавало тайну ее пребывания. Тумены захватчиков занимали позиции для атаки. Далеко, на самом высоком кургане, зоркий глаз степняка мог заметить и шатры джунгарских полководцев. Конные разъезды противника то и дело появлялись вблизи и, погарцевав на виду у сарбазов, уходили прочь.

В подзорную трубу Богенбай видел развалины Отрара. Он долго всматривался в очертания величественной мечети Арыстанбаба. Заметил, что недалеко от Отрара лежат развалины другого города. А на одном из холмов, высящемся далеко на севере, батыр разглядел развалины древней крепости. Их вид издалика казался причудливым.

— Много перевидела эта земля, — со вздохом сказал Богенбай, словно думая вслух. — Она вся пропитана кровью. Здесь не раз решалась судьба казахов, а теперь решится и наша судьба. — Он передал подзорную трубу, взятую из ханской ставки, Саныраку.

— Здесь легко можно утаить от глаз врага целые тысячи сарбазов и выбрать место для внезапного набега на врага. Заросли высокие, без труда укроется всадник. Не заметишь, как он проскользнет даже днем. Да и оврагов немало, по которым можно невидимым одолеть не одну версту и внезапно ринуться в сабельный бой. Так зачем же мы все войско держим на виду? — спросил Лаубай.

— Ты прав, мой нетерпеливый брат. Но всему свое время! — ответил Богенбай. — А пока все должно быть

* Июнь.

** Мусульманское летосчисление равно 1728 году по новому календарю.

готово к отражению атаки джунгар, если они задумают напасть на нас. Я бы на их месте атаковал, — промолвил батыр. — Зорко следите за тылами, держите войско готовым к набегу. Уставших коней сменить, сарбазам дать отдых днем, утроить караулы! — приказал Богенбай всем сотникам.

Сам он, это видел Кенже, не знал отдыха. То мчался к пушкам, то проверял готовность сотен, то вновь поднимался на вершину сопки и долго наблюдал за станом противника, внимательно вслушиваясь в слова лазутчиков.

До поздней ночи к Богенбаю один за другим прибывали провидцы, заранее посланные им в стан врага. Пешими и конными они пробирались назад. Наконец он дождался провидцев и из самого Туркестана.

Загорелые, голодные, уставшие от жажды и напряжения, они были в лохмотьях, как дервиши. Их разговор с Богенбаем оставался тайной для всех. Батыр спокойно выслушивал их и тотчас посылал отдыхать. Он был всегда спокоен и уверен в себе, этот славный Богенбай, и его спокойствие, его уверенность передавались людям. И батыры, и сарбазы молча повиновались его приказам.

Глубокой ночью бесшумно подошла отборная тысяча, сопровождавшая сардара Абулхайра и его свиту, следом прибыла свита ханши Бопай. Их встретили у шатров и юрт, поставленных под прикрытием холма, на небольшой лужайке, окаймленной густыми зарослями туранги, где укрылся усиленный караул. Ни Кенже, ни другие батыры не видели и не знали, когда и кому отдавал Богенбай приказ о том, чтобы воздвигнуть эти шатры и юрты. Обоз — двухколесные, прочные и легкие арбы и вьючные верблюды — широким кольцом опоясал эту лужайку и туранговую рощу. Он служил надежной преградой нежданным гостям — никто бы не смог пробраться через это кольцо незамеченным, даже ночной зверь.

Ночь озарилась кострами джунгар. Сарбазы костров не разводили. После прибытия Абулхайра группы всадников по двадцать-тридцать человек молча скрылись в темной ночи, потонули в зарослях. Это были знатоки здешних мест. Под покровом ночи они мчались навстречу коннице Среднего и Младшего жузов, чтобы передать им приказы Богенбая.

Бессонной была ночь для Кенжебатыра. Дважды он собирался пойти к Сании, но туленгуты из сторожевой охраны ханши молча вставали на его пути. Такова была воля Бопай. Кенжебатыр нетерпеливо ждал утра.

Но когда на бледно-голубом небосклоне, вспыхнув на короткое время последний раз, начали таять звезды и ярко заблестела Шолпан, тысячники и сотники были подняты с мест. Абулхаир с Богенбаем ждали их, сидя в седлах. Белый шатер сардара уже высился на вершине холма, там, где вчера стоял Богенбай.

— Джунгары готовы к битве. Их войско выстраивается серпом. Они готовятся к обильной жатве. Зубы серпа направлены на нас. Хотят схватить нас с флангов и зажать в тиски. Они выступят, как только солнце подыметсЯ из-за далеких Алатауских гор. А мы выступим с восходом солнца!

У джунгар тридцать тысяч сабель. Остальные подтянуты к воротам Туркестана. Нас не меньше. В войске каждого жуза по десять тысяч сарбазов. Земля наша. Родная. Она прибавит сил!..

Подымайте жигитов. Выводите на холмы. Мы пойдем в открытую. Прямо на зубцы серпа, а конница Среднего и Младшего жузов ударит с двух флангов и сломает серп!

Нас благословит аллах! Победы нам. Ступайте! — Абулхаир прижал бока иноходца, направляя его на вершину холма.

Батыры и сотники помчались к сарбазам. Тишины как не бывало. Загудела земля под копытами. Пришло в движение все войско. Сотни, выскакивая из зарослей, оврагов, мчались к вершинам холмов. Заржали кони, перекликаясь друг с другом, сердито и жалобно ревели верблюды. Послышались короткие, гортанные крики команд. Проснулась и свита Бопай. Туленгуты подводили коней.

Все женщины и девушки были одеты одинаково, как воины, — в шлемах и кольчугах. С короткими пиками, у каждой лук и колчан, заполненный стрелами, на каждой яркая легкая накидка. Так что трудно сразу найти среди них Санию.

Женщины готовятся наблюдать за боем и помогать раненым.

Кенже замешкался, его конь завертелся на месте. Как быть? Там, среди свиты Бопай, что стоит у шатра

под охраной туленгутов, остается Сания. Конь, вырывая удила из рук, встал на дыбы. Он рвался за сотней. Сания увидела его. Наконец-то! Она подъехала к Бопай, спросила о чем-то и во весь дух пустилась к нему. Ее конь перескочил через лежавшего на пути верблюда.

— Береги себя! Береги! Я буду с тобой. Скачи, сарбазы ждут тебя. Я здесь, я буду с тобой! — ласково, призывно сверкали глаза Сании. Лицо ее было бледно. — Я жду тебя с победой, батыр мой, Кенжетай мой! — Голос Сании задрожал.

У Кенже не хватило сил слушать ее дальше. Да и не было времени. Жигиты ждали его.

С высокого холма на него смотрели Абулхаир и Богенбай.

Уже близился восход.

Нервной дробью забили даулпазы, объявляя готовность и призывая к вниманию. Конь Кенже упругими прыжками одолел высоту. Обнажив саблю, Кенжебатыр встал во главе своей сотни. Оглянувшись, Сания уже была рядом с Бопай.

Умолкла барабанная дробь. На мгновение наступила тишина. Сарбазы вглядывались туда, где в утренней дымке чернел огромный джунгарский лагерь. Каждый сарбаз чувствовал, что там тоже готовы к бою, что взбодоражен этот гигантский муравейник.

Сарбазы ждали.

Каждая тысяча подняла свое знамя. Вот Абулхаир взмахнул золотой булавой. Загорелись три костра на трех холмах.

Это было приказом подготовиться к атаке. Дым узкой черной лентой потянулся к небу. Значит, безветрие — редкое явление для раннего утра на степных холмах. Сейчас это кстати. Сарбазы Среднего и Младшего жузов без труда поймут, откуда начнется атака.

Но почему же Абулхаир не отдает следующего приказа? Почему он медлит?

На загнанных, обливающихся потом конях к хану примчались трое связных. Хан и Богенбай выслушали их. Остались одни. Стоят. Тянется время. Нет сигнала к атаке.

Нервы сарбазов напряжены до предела. «А не струсил ли хан? Чего он медлит? Лавина джунгар может двинуться раньше». Уже первые лучи ударили из-за высоких гор. Взоры тысячников и пансадов, взгляды всех

десяти тысяч сарбазов обращены к холму, к Абулхаиру и Богенбаю.

Пройдет еще немного времени, и может случиться непоправимое — нетерпеливые гордые батыры могут посчитать их трусами и сами броситься в атаку, и тогда уже ни хан, ни батыр Богенбай не смогут управлять боем.

Напряжение передалось всем — и обозникам, и их охране, туленгутам, свите Бопай. Все знали, что атака должна начаться, как только первые лучи солнца вырвутся из-за далеких вершин.

Рассеялась дымка, видно, как головные тысячи джунгар — каждая построилась отдельным клином — рысцой покидают стан, идут навстречу объединенной коннице батыров. Нет мочи ждать! В этой битве проиграет тот, кто будет медлить!

Заволновались ряды сарбазов, и в этот миг все увидели, как на загнанном, раненом коне, в крупе и шее которого торчали стрелы, к холму Абулхаира, напрягая последние силы, мчался воин без шлема, без щита, лицо окровавлено.

Абулхаир сам помчался к нему навстречу. Кровь отлила от его лица. Воин не доскакал. Упал. Абулхаир соскочил с седла, вырвав саблю из ножен, стал над ним как палач.

— Говори!

— Они на месте! Ждут, мой повелитель! Нас, гонцов, было одиннадцать. В пяти верстах отсюда наткнулись на дозорную джунгарскую сотню. Все погибли... — задыхаясь, говорил воин.

Но Абулхаир не слушал его. Он снова обрел прежний вид. Вскочив на коня, махнул саблей туленгутам, чтобы они помогли раненому. Его иноходец взлетел на вершину холма.

Хан оглядел войско и, привстав, махнул белым платком. Правое, пятитысячное крыло объединенной конницы батыров понеслось вперед, навстречу джунгарам. Его вел Тайлак. Там же находились Таймаз и Томан. Кенжебатыр, сдерживая коня, стоял со своей сотней во главе конницы Санырака. А отборная тысяча сардара еще оставалась в засаде.

И Абулхаир и Богенбай были неподвижны.

Сарбазы Тайлака скатились с холмов, проскочили заросли, слились в плотный, единый поток, выскочили

на просторный, чистый такыр, как раз в тот момент, когда головные тысячи джунгар показались с другого края такыра. Еще мгновение, и две стремившиеся друг к другу лавины столкнулись, слились в неистовой схватке.

Лавина джунгар была плотнее, она приняла в свои железные объятия все пять тысяч сарбазов Тайлака. Степь огласилась торжественным воплем, предсмертным ржанием коней, лязгом железа. Гигантский клубок коней и людей, словно смерч, закружился по такыру. Прошло совсем немного времени, солнце еще не успело одолеть путь в длину одной палки, как внезапно появилась новая волна джунгарской конницы. По всему было видно, что она направляется прямо к высоте, где маячил шатер Абулхаира.

Хан вторично махнул белым платком. Оглушенный криком батыра Санырака Кенже прищипорил коня. Последним, что он увидел, стоя на высоте, были тонкие столбы дыма, поднимавшегося где-то далеко с северной и юго-восточной стороны тыла джунгар. «Сарбазы Среднего и Младшего жузов несутся оттуда на джунгар и циней. Скоро им переломят хребет. Сломают серп», — вспомнил Кенжебатыр слова хана, стараясь не отстать от Санырака.

Рядом, обнажив свой алдаспан, стремя в стремя мчался Лаубай.

Уже всего половина, а то и треть версты отделяли их от джунгар и циней в тот момент, когда раздался грохот пушек. Пушки ударили по плотным рядам врага справа, сбоку, совсем с близкого расстояния. Смешались ряды джунгар.

Кони одних отпрянули назад, другие встали на дыбы, роняя всадников, третьи бросились прочь. Ряды джунгар смешались. Когда же Богенбай успел перебросить пушки? Как он узнал, что именно здесь пройдут джунгары?..

Во весь рост с ревом поднялись верблюды, они пытались сбросить страшный груз со своих горбов. Вокруг верблюдов суежилась сотня Егорки. Молодец, Егорка!

Больше Кенжебатыр ничего не слышал и не видел, кроме лиц джунгар. Едва отбив удар одного, он увидел, как на него несется второй. Чургучут или китаец? Какая-то загадочная нечеловеческая улыбка на гладком

желтом лице. Длинные тонкие прорези вместо глаз. Кенжебатыр не смог принять его удара. Он оказался в хаосе людей и коней. Сзади наседали свои, в лицо дышал враг. Выкатив глаза, с пронзительным ржанием упал чей-то конь.

Кто-то неистово кричал рядом.

Кенжебатыр извивался, как разгневанная пантера, принимая удары врагов на щит и тут же нанося свои то в плечо, то в затылок, то прямо по лицу. Не глядя по сторонам, он ощущал каким-то внутренним чувством, где свои, где враги. Чувствовал, что рядом бьется Лаубай. Из кольца наседающих циней прорубает себе дорогу Санырак. Конь без седока, озверев, вырывается из этого хаоса, волоча тело убитого сарбаза. Еще одно усилие, и они, кажется, пробились, пробились сквозь первые ряды джунгар. Впереди видно знамя Тайлака! А там, далеко слева, по склону косогора несется свежая конница. Чья она? Кабанбая или Абульмамбета, и сколько времени прошло с начала битвы?

Кенжебатыр погнался за всадником, что, припав к седлу, уходил от него. Но тут что-то заставило его встать на стременах и оглянуться. Он увидел, как с далекого холма, где стоял шатер хана, несется отборная тысяча Абулхайра с бело-голубым знаменем сардара! Впереди — Богенбай.

Кенжебатыр не заметил, как уходящий от него враг, не разгибая спины, натянул тетиву, не услышал свиста стрелы. Стрела попала не то в грудь, не то в глаз коня. На всем скаку он ударился о землю и перевернулся. Напоролся на чью-то пику. Животное забило головой о пыль, не в силах подняться. Кенжебатыр выронил саблю. Туша скакуна придавила ногу, застрявшую в стремях. Он не мог встать. Мелькали копыта коней, своих и чужих. Оглушал грохот. Невероятным усилием батыр освободил ногу. Надел шлем. Чей-то конь грудью отбросил его в сторону, он снова встал. Сабля лежала в двух шагах от него.

Он нагнулся, чтобы поднять ее, и в ту же секунду ощутил тяжелый удар булавы по шлему. Закружилась земля, закачалось небо. Разогнув спину, он поднялся во весь рост, зашатался, сделал несколько шагов и упал, не слыша ни криков, ни лязга железа, ни стука копыт, ни отрывистого свиста стрел.

...Он открыл глаза и ощутил, как что-то железное

обжигает руки. То был его щит. Солнце уходило из зенита. Стояла дурманящая жара. Болела голова. Немного тошнило. Рядом на коленях стояла Сания, ее косы, как две черные змеи, текли по спине. Глаза, полные слез, сверкали от радости. Чему она радуется, лениво подумал Кенжебатыр, пытаюсь освободиться от ее объятий. Но она не отпускала.

Под прохладой тонких железных сетей кольчуги он почувствовал упругость ее груди и, ослабевший, прижался к ней, как ребенок. А она, как мать, все лепетала что-то ласковое, нежное. Но он не разбирал ее слов. И лишь после того, как она влила в его рот кисловатый кумыс из своего маленького походного торсука, он начал приходить в себя.

Он сидел недалеко от вздувшейся туши коня. Жужжали мухи. В небе парило черное воронье, а над воронами поодиночке, распластав могучие крылья в бездонной синеве, плавали орлы. Кругом стояла тишина.

Сания платком вытирала с его лица запекшуюся кровь. К нему с трудом возвращалось сознание. Все поле было завалено телами коней и людей. Из земли торчало копье. Вцепившись друг другу в горло, лежали двое. Один из них коренастый, широколицый.

Кое-где, взяв за повод коней, меж телами бродили сарбазы и женщины.

— Победили, победили наши! — говорит Сания. — Сарбазы преследуют джунгар. А у тебя нет ран. Ты цел, — вдруг радостно сообщает Сания. — Тебя, наверное, сильно оглушило ударом. Это ничего, слава аллаху. Полежишь спокойно день, другой — и все пройдет. Я тебя увезу к реке. Там прохладней. Ты за ночь придешь в себя и будешь на тое победы... — Кенже плохо слышит ее. Он увидел, как прямо перед ними шагах в десяти поднялся человек и уставился на них. Ойрат или китаец. Нет, не ойрат, скорее всего китаец, не слушая Санию, думает Кенжебатыр. В руках китайца лук. Из спины торчит стрела. Не моргая, он смотрит на Санию. Взгляд мертвеца. Страшный взгляд. Китаец тянется к колчану, валяющемуся у ног, вытаскивает стрелу, берется за тетиву лука, натягивает, целится в Санию. Сания не видит его.

Опираясь на щит, Кенже с криком, скорее похожим на стон, наваливается на Санию. Падают оба. Сания в испуге смотрит на него, а он на китайца. Китаец не су-

мел как следует натянуть тетиву — не хватило сил. Стрела, выпущенная им, упала, не долетев до Сании. Глаза китайца закрылись, он медленно упал лицом в землю. Впившаяся между лопаток дальнобойная стрела сарбаза так и торчала в его спине.

Какой-то жигит помог Сании посадить Кенжебатыра на коня, и она повезла его туда, где раньше находилась свита Бопай. Кенжебатыр ехал словно во сне. Он равнодушно смотрел, как на вершине холма сарбазы разбирали белый шатер Абулхаира и по частям грузили его на походных коней, видел, как туленгуты тащили с места битвы раненых сарбазов. Они уносили их в туранговую рощу, где стояли юрты лекарей и знахарей. Рослый мулла вел своих братьев к дальнему оврагу. Должно быть, приказано хоронить погибших там. Много людей потребуется, чтобы потом засыпать этот овраг, а потом воздвигнуть над ним оба *.

Ханши Бопай не было на месте. Вместе со своей свитой она мчалась вслед за Абулхаиром. Уже были разобраны юрты. Кенжебатыра посадили на арбу, наполненную свежескошенным сеном.

— Долгая жизнь у вас будет, батыр! Благодарите создателя! — сказал сарбаз. — Сейчас помчитесь в Туркестан. Утром будете там. Дорога свободна. К утру управимся и мы. Уберем и достойно похороним своих. А потом освободим место для трех сотен джунгар. Пусть предадут своих земле по своему обычаю. Таков уговор. Туркестан отдают без боя, — сообщил сарбаз.

Солнце клонилось к вечеру. Задымили костры, когда арба с Кенжебатыром запылила по Сауранской дороге, которая начиналась где-то на севере, на берегах Иртыша, стремительно шла на юг до Туркестана, а затем через Отрар, Шаш, Самарканд, Бухару, Балх, Мешхед и Астрабад по южному берегу Каспийского моря уходила на Багдад, Халеб, Дамаск и Миср, на земли древних финикиян и далее — до Андалузии, ибо Сауранская дорога некогда была одной из ветвей Великого шелкового пути. Ее называли именем древнего казахского города Саурана лишь потому, что в Сауране, находившемся неподалеку от Туркестана, она троилась. Одна из дорог уходила через Алматы, через Аккуйгаш и Джунгарские горы в Небесную империю, а другая

* Могильный холм.

тянулась к Афганским горам и, пробив их, добиралась до долин Инда. Кенжебатыр в этот вечер ехал по самому короткому и прямому отрезку дороги, который вел из Отрара в Туркестан. Между этими двумя казахскими городами при хромом Тамерлане день и ночь стояли дозорные, ибо сам Повелитель в любой день, особенно в дни гнева или в дни радости, но чаще в дни, когда он тайно вынашивал мысль о новых походах, мог, не предупредив своих телохранителей — барласов, сесть на коня и мчаться в Туркестан, чтобы молча войти в великие прохладные покои, в полумрак мавзолея святого поэта Ахмеда, и, оставшись в уединении, взобраться на михраб и долго сидеть там, разминая больное колено и думая о судьбе своей империи.

В дни, когда не было похода, главное знамя Повелителя с тяжелым толстым древком из железного черного африканского дерева хранилось у стен в далекой глубине мавзолея вблизи огромной малахитовой гробницы Ахмеда Яссави. И сейчас оно там, это знамя. Ни джунгары, ни цини не смели тронуть его, хотя не раз бывали в Туркестане.

Рассказывая о мавзолеях, мечетях и банях Туркестана, старый воин-степняк то и дело подгонял нара*, и без того стремительно несшегося по ночной дороге. Старик торопился быстрее довести Кенжебатыра до города. Арба подпрыгивала на ухабах, но это не беспокоило Кенже. Плотный слой свежей травы, заполнивший арбу, смягчал удары.

Рядом на белом скакуне, не отставая, неслась Сания в сопровождении двух сарбазов. Она готова в любое мгновение прийти на помощь.

Они догнали и миновали обоз. Вся дорога была заполнена сарбазами, направлявшимися в Туркестан. Свежий вечерний ветерок взбодрил Кенжебатыра. Перестала болеть голова. Он почувствовал в себе прежнюю силу, и ему стало неловко от того, что его, не выдержавшего одного удара палицы, везут словно тяжелораненого сарбаза.

* * *

...Кенжебатыр устроился в маленьком глиняном домике бедного казаха-дехканина, расположенном почти

* Одногорбый верблюд.

у самых городских стен. Отсюда и пошли они с Санией на следующее утро по узким улицам вдоль дувалов и арыков к возвышающемуся над всем городом и сверкающему своим куполом мавзолею поэта, возле которого были расположены шатры и походные юрты соратников и сподвижников Абулхаира и Богенбая. Город был разграблен джунгарами, во многих местах еще догорали дома, виднелись следы пожарищ и разрушений. В сторону кладбища молча несли тела погибших. Всюду десятиники разводили своих сарбазов на постой. Часть конницы находилась в цитадели, построенной подле мавзолея, часть заполнила базарную площадь. Но основные силы ополчения лагерем расположились в степи, в садах, на берегах реки близ города.

В ставке Абулхаира собирались ханы, султаны и батыры. Прошел слух, что туда же прибыли великие бии.

Сании как женщине не пристало появляться у ханского шатра среди батыров, и она, на время распрощавшись с Кенже, заторопилась к ханше. Всюду царило веселье, народ был опьянен большой победой над врагом.

Усталый, возбужденный, с покрасневшими от бессонницы глазами, Санырак радостно встретил Кенже, обнял его.

— Ты жив, брат! А я-то подумал плохое, не видя тебя среди батыров. Я искал тебя. Абулхаир и Богенбай просят представить им смелого молодого батыра, достойного быть почетным гонцом от совета ханов и биев. Вот я и представляю тебя. Ты готов, Кенжебатыр?

Кенже понял, что Санырак не знает о том, что случилось с ним. Да и как ему было знать обо всем, когда тысяча гнала джунгар до Бугеня. А сам он лишь глубокой ночью с сотней сарбазов прибыл в Туркестан и встречал Абулхаира.

— Подбирай себе жигитов, где твои сотни? Егорка поедет с тобой. Что-то важное замыслили там. — Санырак кивнул в сторону шатров.

Батыры стояли у могучих стен мавзолея. Кенжебатыр с нескрываемым любопытством, как и масса собравшихся здесь людей, осматривал святыню казахов. Рядом стоял мулла в огромной чалме.

Кенже не ответил на вопрос Санырака о своих сотнях. Нужно было скорее найти их. Но Санырак не отпускал его, повел с собой к шатрам. Кенже встретил

раненого Лаубай и от него узнал, что сотни в цитадели, что ранен Тайлак.

— Пустяковая рана в плечо. Заживет быстро, — говорил Лаубай. — Томана жалко. Хороший был жигит. Убит... Много славных жигитов полегло в этой битве. Завтра будет ас * по ним.

Внезапно Лаубай умолк.

В сопровождении трех мулл к главному входу в мавзолей сквозь толпы расступавшихся воинов и паломников шли ханы Болат, Самеке и Абулхаир вместе со своими соратниками и сподвижниками из числа султанов и батыров.

Торжественно открылись толстые, тяжелые узорчатые двери. Первым в глубину зала под своды гигантского купола шагнул Болатхан. Снова сомкнулась толпа, только что уступившая дорогу ханам.

Санырак вновь разыскал Кенжебатыра и торжественно сообщил ему:

— Готовься в дальнюю дорогу. Прибыл гонец от посланников к царю русов. Наш главный посланник заболел в пути. Посольство движется в столицу башкир, надо догнать его...

При слове «башкир» Кенже вспомнил о Таймазе. Где он? Санырак успокоил: и Таймаз и Егорка среди сарбазов, которые следят за отходом джунгарских войск. За ними посланы гонцы. К ночи вернутся в город.

Ханша Бопай была милостива, она вновь разрешила Сании покинуть свиту. На этот раз Сания собирала Кенже в дорогу. Условились, что она перевезет отца в Туркестан и, если госпожа будет великодушна и разрешит ей уйти из свиты, станет ожидать Кенже здесь, в городе... В ту ночь им так и не удалось уединиться в тесной землянке дехканина. Санырак созвал всех соратников послушать песню молодого жырау об их победе на Буланты и Боленты и освобождении Туркестана от джунгар.

Гости расселись в саду возле наполненного арычной водой хауза. Было прохладно, дастархан не вмещал обилия блюд. Вместе с кумысом подавали соки и вино.

Захмелели жигиты. Кенже не был привычен к вину, и оно не понравилось ему.

Все новые и новые вести приходили из шатра пове-

* Поминки.

лителей. Каждый сарбаз, являвшийся на этот пир, сообщал что-то свежее:

— Тысячники джунгар, что шли брать Хиву, повернули назад и бегут к Аккуйгашу. В Хиве возведен на престол родной брат Абулхаира Сарыйгырхан вместо двоюродного брата Абулхаира Бахадурхана.

— У нашего сардара двойной той. Он повелел отметить нашу победу. Завтра великий ас. Весь Туркестан в дыму. Готовят трапезу. По случаю торжеств Абулхаир приказал доставить сюда своего сына, султана Нуралы. Две сотни поскакали за ним.

— Джунгары покинули наши южные города. Они направились к Аккуйгашу, в Жетысу. Говорят, там они встретятся со свежей конницей, идущей к ним на помощь. Как бы вновь не повернули сюда.

— Не повернут. Знают — теперь мы им обломаем рога. Вся степь заполнена нашей конницей. Кроме адаевцев и бершей, все казахские племена объединились. Не устоят против нас ни ойрат, ни чурчугут, ни монгол, ни цинь... — горячился захмелевший сарбаз. — Вон какие у нас батыры. Слава Саныраку! — возвеличивал он хозяина дастархана.

Лишь после полуночи Сании удалось увезти Кенжебатыра на отдых. Спали в глубине сада, на плоской крыше глинобитного домика.

* * *

...И снова перед ним лежала дорога. Далекая, неизвестная, но мирная. Тихо и спокойно было кругом, и не надо было тревожиться, что вдруг из засады выскочат джунгары. Он снова был гонцом, как и тогда, в начале этой, пока еще не оконченной войны.

Сегодня он ханский гонец. Нет, нет. Он гонец от народа. Так сказал великий старец Казыбек-бий, чтимый народом. Он вошел в шатер Абулхаира, когда Кенже находился там. В шатре были лишь Абулхаир, Абульмамбет и еще сын Абулхаира Нуралы. Верховный военачальник был суров и краток.

— Ступай без промедления. Дорогу укажут батыр башкиров Таймаз и рус Егор. Их жигиты охраняют конные вьюки. Там дары. Ступайте в Уфу. Мои подарки передашь султану башкир. Пусть с милостью примет брата Таймаза. А посольству нашему расскажешь о победе нашей иполнишь его дары царю русов. Среди

даров меч Дабаджи. Пусть скажут царю русов, что я разбил джунгар и готов стать оком царя в степи и хотел бы быть под его попечительством... А как сказать остальное, знают сами послы. Ступай. Рус Егор будет твоим толмачом в пути... — сказал Абулхаир. Богенбая не было в шатре. Его не было и в Туркестане. Со своими сарбазами он преследовал джунгар.

— Наше письмо передай нашему главному посланнику. — Абулхаир вручил плотно завернутое в голубой шелк письмо. Кенже с поклоном взял его и спрятал за пазуху. И в этот момент бесшумно вошел Казыбек.

— Гонцом от народа своего едешь, сын мой, — сказал старец. — Народ твой ищет опору и сильного друга. Здесь, в Туркестане, казахи не раз принимали послов царя русов. Здесь мудрый Тауке вел беседу с ними. Он говорил о верном союзе с царем. О великом договоре, которым закрепится наша верность русам. У нас с ними одна земля, мы братья по отчеству и потому добровольно хотим их попечительства. Запомни это, сын мой. Пусть дорога твоя будет быстрой и мирной. Прими мое благословение. Аминь!

Егор и Таймаз мчались рядом с ним, стремя в стремя. Втроем они вырвались далеко вперед. Их маленький караван торопливо пылил чуть ли не за версту от них.

Знакомой была дорога русу Егору, башкиру Таймазу, но неведомой для Кенжебатыра. Однако он не думал об этом. Рядом мчались братья, вместе с которыми он одержал победу над джунгарами.

ЭПИЛОГ

Осенью 1731 года в ставку хана Младшего жуза Абулхаира, расположенную в те дни в Иргизских степях, прибыл гонец. Молодой жигит, лицо обветрено, воспаленный взгляд — должно быть, давно не спал. Но держится гордо. Осанка под стать султану. Голова туго обтянута красным платком. Куртка с короткими рукавами, добротна сшитая из кожи жеребенка. На поясе кинжал. Сапоги с длинными голенищами. В руках камча. Через седло опрокинут коржун. Широкоплеч, худощав.

Гонец не оробел перед ханом. Слегка поклонился.

— Я от батыров Кенже и Таймаза. Они возвращаются в родную Казахию.

— И ты примчался сообщить мне об этом?! — гневно скривил губы Абулхаир. — Какая великая новость! — Хан до боли в пальцах сжал золотую булаву.

— Почтенный хан! Я не досказал. Батыры не одни. Они вместе с вашими послами Кутлумбеком, сыном Коштая, и Сейткулом, сыном Кундагула, сопровождают посла великой царицы русов. Посол уже находится на земле казахов. Он на берегах Арала. Ищет ставку ханов Казахии, Кенже и Таймаз оберегают его. Посла царицы русов зовут Тауекель... *

— С этого и надо начинать, а не говорить о каких-то бродягах Кенже и Таймазе! — Абулхаиру изменило спокойствие. Он засуетился. Тотчас же снарядил сотню жигитов во главе со своим сыном — султаном Нуралы, отправил ее навстречу русскому послу.

И радость и тревога охватили сердце хана. Он радовался тому, что первым сможет встретить, принять и начать переговоры с послом России и это вновь возвысит его в глазах народа. Тревога одолевала потому, что он боялся, как бы посол не направил свой караван пря-

* А. Тевкелев — русский дипломат, участник персидского похода, знаток восточных языков; еще с 1722 года по поручению Петра I готовился к переговорам с казахскими ханами.

мо в Туркестан, где находится хан Среднего жуза Самеке, или же в Ташкент, где только что укрылся новоявленный хан Старшего, Великого, жуза Жолбарс. Собственно, из-за грызни за престол хана Великого жуза он, Абулхаир, и лишился звания сардара. Что же? Всего не предугадаешь. Кие * и Кеср ** всегда ходят вместе. Лишь бы батыры Кенже и Таймаз не узнали всего, что произошло, и не увели русского посла другой дорогой, к другим ханам... Нет, нет. Такого случиться не могло. Во-первых, потому, что Кутлумбек и Сейткул — его верные слуги, а батыры не могут ослушаться этих старейшин. Во-вторых, кто мог раскрыть им тайну минувшего? Ведь мало кто знает об этом. Людям сейчас нет дела до распрей ханов. Народ празднует победу над джунгарами, его не интересуют подробности событий, происходивших осенней ночью ровно год назад в зеленой долине Каратала у восточных границ Казахии...

Одержав подряд три победы — на Анракае, у подножия Обители богов — священного Хантенгри и у Джунгарских ворот, — объединенная армия ополченцев готовилась преследовать джунгар и циней дальше и дойти до ставки хунтайджи. Но в этот момент внезапно умер хан Великого жуза Болат.

Претендентов на верховный престол оказалось трое: Абулхаир, Самеке и султан Абульмамбет.

Честолюбивый и надменный Абулхаир считал, что только он вправе занять верховный трон и повелевать всей Казахией. В случае необходимости он, как сардар, решил использовать силу против соперников.

Но ни батыры, ни старейшины не поддержали его. Не смогли завоевать доверия большинства ни Самеке, ни султан Абульмамбет, на сторону которого встал и влиятельный грозный султан Барак, тайный соперник Абулхаира. Выбор пал на внука Таукехана султана Жолбарса, и тогда Абулхаир покинул поле битвы.

Ушли восвояси сарбазы Младшего жуза. Увели свои тумены султаны Барак и Абульмамбет, тысячники хана Самеке тоже повернули коней назад.

Очистив Казахстан от джунгар, батыры распустили ополчение. Сарбазы с вестью о победе вернулись домой.

* Добро.

** Зло.

Народ ликовал. А владыки степи вновь, как и прежде, начали грызню между собой.

Хан Жолбарс, зная повадки своих соперников, счел за благо укрыться в Ташкенте под усиленной охраной телохранителей.

...Весть о прибытии русского посольства быстро разошлась по степи. Вновь объявились самозванные глашатаи. Провидцы джунгарского хунтайджи и тайные посланцы богдыхана стали, не слишком таясь, появляться в ставках султанов-соперников, всех трех ханов степи. Под покровом ночи султану Бараку были переданы дары от богдыхана и хунтайджи. Неизвестные всадники все чаще начали проезжать возле ставки русского посольства, которое охраняли двести сарбазов-добровольцев во главе с Кенже и Таймазом и около ста солдат.

В ближние аулы заходили бродячие странники.

— Нет чести в том, что правоверные мусульмане на союз с неверными русами идут, — говорили посланцы султанов Барака и Абульмамбета.

Прошел слух, что сотни султана Барака напали на ставку посла, что Абулхаир не смог предотвратить нападение и что налетчики взяли в плен батыров Таймаза и Кенже и потребовали, чтобы русский посол покинул пределы Казахии... И кто знает, как дальше развивались бы события в Иргизских степях в те октябрьские дни 1731 года, если бы в сопровождении своих верных сарбазов не примчались Богенбай, Санырак и Тайлак. Если бы не прибыли вовремя великие бии Айтеке, Қазыбек и Толе.

Таймаз и Кенже были освобождены из плена. Притихли сторонники султанов Барака и Абульмамбета. Притихли потому, что опора степи — народ: пастухи и табунщики, чабаны и пахари, люди, которых мало волновали коварные ходы степных воротил друг против друга; люди, верящие лишь в бескорыстие великих старцев, в смелость своих батыров, со всех концов страны потянулись туда, куда явились великие старцы и гордость народа — батыры.

Перед оком народа Абулхаир вел переговоры с русским послом об условиях союза русских и казахов.

Уже шел третий день переговоров, когда Богенбай, не дождавшись конца церемоний, собрав вокруг себя

батыров, остановил посла России, идущего из шатра Абулхаира.

— Зачем русской царице нужна Казахия? — спросил он, глядя прямо в глаза Тевкелеву.

Наступила тишина.

Офицеры, сопровождавшие посла, и хан Абулхаир, провожавший высокого гостя до почетной юрты, удивленно смотрели на Богенбая. Но на лице Богенбая никто не заметил скрытого коварства или хитрости.

— Русским нужен мир с кайсацкой степью! Ваши ханы еще при Иване Грозном вели переговоры с Россией о дружбе, а ваш славный хан сговорился с Петром Великим о союзе воинском, мой друг. Не только от имени ханов кайсацких, но и от вас, батыров, прибыли в Петербург ваши послы, которые, оказав нам честь, проводили нас в эти степи...

— Но, предлагая союз, каждый видит свою выгоду... — продолжал Богенбай.

— Любой союз выгоден и священен, батыр, если он ведет к миру между людьми. Об этом вы, воин, знаете лучше меня.

— Вы правы, почтенный гость. Но нам, казахам, нужен союз с царицей вашей против джунгар и циней. А зачем царице такое бремя? — в упор спросил Богенбай.

— Откровенность рождает откровенность, — спокойно проговорил посол. — У нас нет тайн. Переговоры наши ясны. Мы хотим спокойствия в ваших степях. Хотим, чтобы караваны наших купцов без страха шли по вашим землям в Бухарию, Балх и далее. Мы хотим жить в братстве. Не только Казахию беспокоят джунгары, но и наши земли за Иртышом. Единство наше — залог спокойствия каждого из нас, мой друг. — Седые старцы еле заметным кивком подтверждали правоту слов посла.

— Прости, почтенный гость наш, что отнял твое время. Но помни, твоя речь услышана всеми. Правота твоих слов согревает наши сердца. Где твои бумаги? Можешь писать, можешь на слово верить. Я первым вступаю в этот союз со всеми своими аулами. Детям, внукам и правнукам завещаю вечную дружбу с русскими. Пусть об этом слышат все, вся степь наша! До последнего дыхания моего я, Богенбайбатыр, останусь верен этой клятве! — спокойно, величаво звучали слова

Богенбая. — Делить нам нечего, враждовать незачем. Мы живем по берегам одних и тех же рек, пасем стада на одних и тех же лугах, и не пристало нам, казахам, искать союзника за горами и пустынями, как это предлагает султан Барак. И если враг придет из-за тех гор и пустынь, то отныне мы будем не одни. Я верю словам посланника русов и присягаю на верность России!

Великие старцы со словами «Аминь!», «Иншалла!» провели ладонями по бородам.

— Богенбай сказал за всех нас! — подтвердили батыры.

Посол кивнул офицерам. Те поднесли Богенбаю в дар богато инкрустированное оружие.

— Не обижай нас, досточтимый гость! В степи дают клятву не за дары. Верность не завоевывают золотом. Не за награды я принял присягу, — нахмурил брови Богенбай.

— Тогда будьте гостем нашим, — не растерялся посол.

— Прими моего коня! — батыры подвели Тевкелеву чистокровного арабского скакуна.

А на следующий день, 10 октября 1731 года, вокруг ставок Абулхаира и Тевкелева собрался народ, был той, такой же той, как и на Ордабасы, когда сыны всех племен казахских праздновали свое единство. Вслед за Богенбаем, Абулхаиром и батырами на верность союзу с Россией присягнули тридцать старейшин и поставили свою тамгу под священным Договором, где обязались «содержать себя всегда в постоянной верности русско-казахскому союзу», «...совместно охранять земли от врагов», жить «бессорно», обеспечить безопасность русских караванов, проходящих через казахские степи, вернуть всех пленных и «впредь отнюдь не брать». Богенбай навечно побратался с Тевкелевым, и в тот день русский посол А. Тевкелев записал в дневнике: «...Господь дал мне одного человека, бескорыстного друга Богенбай-батыра...»

Прибыли почетные гонцы от хана Среднего жуза Самеке и хана Великого жуза Жолбарса, вместе с которыми великие бии Казыбек и Толе приняли присягу от имени племен и родов Среднего и Великого жузов. Лишь султаны Барак и Абульмамбет да молодой, только что отличившийся в одном из боев с джунгарами племян-

ник Абульмамбета султан Аблай уклонились от присяги, укрылись в дальних зимовьях, и никто не вспомнил о них. Степь жила вестью новой, радостной, ибо слово «мир», слова «союз» и «дружба» во все века приносили людям радость. От юрты к юрте, от аула к аулу, от города к городу — по всей Казахии мчался гонец — неслась весть о начале братства с русами.

1970—1973 гг.

ОБ АВТОРЕ

Имя Ануара Алимжанова, лауреата Государственной премии Казахской ССР и международной премии имени Джавахарлала Неру, хорошо известно широким читательским кругам. Впервые он заявил о себе как писатель повестью «Караван идет к солнцу» (1963 г.), подняв важные проблемы нравственных исканий молодых людей наших дней. Из глинобитного аула едет учиться подросток Аскар. Окончив университет, он возвращается к своим землякам-чабанам, чтобы активно участвовать в преобразовании жизни, вступить в спор с патриархальной мудростью стариков.

Читатели полюбили книгу Алимжанова о выдающемся казахском рисоводе Ибрае Жахаеве — «Повесть о пахаре», о президенте обретающей свободу Кении Джомо Кениате — «Пылающее копье». Повестью «Сувенир из Отрара» писатель ведет нас по нынешней Индии, чтоб рассказать и о ее истории, увязывая свой рассказ с прошлым Средней Азии, выявляя глубинные исторические корни взаимосвязи культур разных народов.

В романе «Стрела Махамбета» действие переносится в XIX век, когда казахская беднота под руководством Исатая Тайманова и поэта-бунтаря Махамбета Утемисова подняла восстание против ханов и царского самодержавия.

Роман «Гонец», вышедший ранее в Алма-Ате, получил добрую оценку общественности, на него обратили внимание многие критики и литературоведы, отметившие умение автора произведение на историческую тему сделать познавательным, публицистичным и злободневным.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Пролог	7
Часть первая	21
Часть вторая	57
Часть третья	105
Часть четвертая	163
Эпилог	229
Об авторе	236

Алимжанов А.

А50 Гонец. Роман. Художник И. Б. Урманче. М., «Молодая гвардия», 1977.

240 с. с ил. (Стрела.).

В 1723 году объединенная армия казахских батыров отбросила от своих границ джунгарские полчища. Но силы были неравны. Под давлением народных масс казахские ханы обратились к России с просьбой о союзе, и с 10 октября 1731 года началось добровольное присоединение Казахстана к Российскому государству. В романе, полном драматизма, известный казахский писатель рассказывает об этих событиях.

А $\frac{70303-065}{078(02)-77}$ —256—77

Р2

ИБ № 728

Ануар Алимжанов

ГОНЕЦ

Редактор **В. Фалеев**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Л. Петрова**

Корректор **З. Харитонов**

Сдано в набор 4/X 1976 г. Подписано к печати 17/II 1977 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 7,5 (усл. 12,6).
Уч.-изд. л. 12,5. Тираж 100 000 экз. Цена 95 коп. Т. П. 1977 г.,
№ 256. Заказ 1683.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

**ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ В 1977 году
книги редакции фантастики, приключений и
путешествий:**

**Сборник
ПРИКЛЮЧЕНИЯ-77**

**Сборник
ФАНТАСТИКА-77**

**Сборник
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ**

**Сборник
ТАЙНЫ ВЕКОВ**

**В. Ардаматский.
ПОСЛЕДНИЙ ГОД (роман)**

**В. Митрошенков.
АНТОН ГУБЕНКО**

**Е. Хрунов, Л. Хачатурьянц.
ПУТЬ К МАРСУ**

Scan Kreyder - 22.04.2016
STERLITAMAK

95 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ